

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ

Para Bellum

Василий Звягинцев

Para Bellum

«Звягинцев Станислав»

2015

Звягинцев В. Д.

Para Bellum / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав», 2015

ISBN 978-5-699-78953-5

Действия Андреевского Братства нарушили «гармонию сфер», которую даже в своем непримиримом противостоянии пытались сохранить аггры и форзейли, превратили отдельные реальности в «обитаемые острова», разделенные океаном времени и законов Вселенной, изменив в них течение событий и поведение ключевых персонажей. Но любой шторм когда-то кончается, и волны стихают. Что остается на берегу? Какой импульс может предотвратить, например, великую войну, а какой окажется недостаточным, и история вернется в прежнее русло? 1941 год. Советский Союз. Попытка устранить Сталина. Ошибка или спасение? И какова цена этого опыта, проведенного над временем, страной, тысячами людей?

ISBN 978-5-699-78953-5

© Звягинцев В. Д., 2015

© Звягинцев Станислав, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	58
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Василий Звягинцев, Геннадий Хазанов

Para Bellum

© Звягинцев В., Хазанов Г., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Мужчина лет тридцати пяти, высокий, с правильными, твёрдыми чертами лица, одетый в элегантный светло-серый костюм модного в Европе где-то в конце тридцатых годов XX века «спортивного стиля», открыл массивную деревянную дверь. Дубовые доски этой двери, словно в старинных теремах, были стянуты фигурными железными накладками, вместо ручки имелось массивное, тоже кованное из железа кольцо.

Вошедший на секунду приостановился на пороге с таким видом, будто совсем не ожидал увидеть то, что представилось его взору.

Удивление вызвал не сам зал с четырёхметровыми потолками, подкреплёнными грубо тёсанными балками с подкосами, большой, в рост человека, горящий камин у левой стены, три окна с подёрнутыми ледяными узорами стёклами; в простенках остеклённые шкафы и открытые стеллажи, забитые книгами без видимого порядка, где тома с золочёными корешками соседствовали с дешёвыми изданиями в мягких обложках и переплетёнными кое-как подшивками журналов; у глухих стен пирамиды с многочисленными, сразу видно, что очень не рядовыми, винтовками и ружьями; посередине массивный, нарочито одним топором сделанный стол, за которым могли бы пиршествовать до двадцати человек, сейчас весьма скромно накрытый только на двоих, – а сидящая у его торца чрезвычайно красивая дама лет несколько ближе к сорока, чем к тридцати, подпирающая кулаком подбородок, которую вошедший мужчина совсем не ожидал здесь увидеть. Верховный координатор резидентуры Межзвёздной конфедерации на Земле, Дайяна, столь же недостижимая для прямого общения рядовым агентам, как в Советской стране товарищ Сталин простым трудящимся. Известно, что существует, и руководящие указания регулярно доходят до каждого, и почти никогда не спит, думая о благе народа, но увидеть лично, кроме как в кинохронике, – исключительное везение. Или – совсем наоборот.

Визитёр ожидал чего-то совсем другого, получив приказ явиться на межвременную базу, расположенную и в нескольких шагах, и в нескольких десятках световых лет от его резиденции в центре Москвы. Не говоря о совершенно несоотнесимых временных единицах с тысяча девятьсот тридцать восьмым годом Главной исторической последовательности летоисчисления от Рождества Христова. Координатор второго ранга Валентин Лихарев никак не думал, что лично, не на экране блок-универсала удостоится встречи с Высочайшей.

Было у неё, само собой, и другое имя, и другая исходная внешность, только никто из «человекообразных» сотрудников достоверной информации об этом не имел. Одни лишь осторожные слухи.

Сейчас, впрочем, никаких следов величия в ней не просматривалось. Женщина и женщина, пусть очень красивая, но явно чем-то утомлённая и даже угнетённая. Валентин не бывал в восьмидесятых и даже в шестидесятых годах, где её облик вполне соответствовал эстетическому канону, поэтому не до конца понял ситуацию. С таким лицом и в таком антураже Повелительница времён не должна появляться перед нижестоящими.

Повинуясь её взгляду, он сделал несколько шагов и сел напротив, через один стул от угла. Это соответствовало этикету.

– Удивлён? – спросила Дайяна, едва заметно улыбнувшись. Голос у неё был приятный, но чуть низковатый для привыкшего к иной, пронзительной тональности голосов женщин тридцатых годов Валентина.

Ответа вопрос явно не требовал. Удивлён, не удивлён, кого интересует его состояние. Дайяна поняла смысл неопределённой реакции агента.

– Не стану вдаваться в подробности, это отнимет слишком много времени...

Она сделала паузу.

– Впрочем, что такое время, особенно сейчас? Видишь ли, случилось нечто совсем неожиданное. Наши извечные враги-соперники, ты знаешь, о ком я говорю, вступили в комплот с несколькими землянами, из тех самых, возможных кандидатов в Держатели мира, ради пресечения потенциала которых мы и работаем здесь, в десятке Реальностей, от Древнего Египта до Страны победившего социализма...

– И что? – аккуратно спросил Лихарев. Степень его удивления, чтобы не сказать резче, за время, пока он слушал Высочайшую, дошла до крайнего предела. Однако подготовка, полученная сначала в школе инопланетных разведчиков, а потом в Российском Императорском Пажемском корпусе, советской ВЧК, а позже ОГПУ и Особом секторе ЦК ВКП (б), позволила ему сохранить спокойное, даже безразличное выражение лица и тональность голоса.

– Эти... форзейли с помощью землян сумели пронести на нашу Базу на Таорэре «информационную бомбу», взрыв которой, по их расчётам, должен был отсечь ту Реальность, что они считают расположенной на Главной исторической последовательности, от контролируемой нами Вселенной...

– И что? – снова повторил Лихарев. Он был опытный царедворец, за пятнадцать лет даже у товарища Сталина, с которым контактировал ежедневно и по самым деликатным вопросам, не вызвал ни малейшего неудовольствия. Сейчас ситуация не предполагала с его стороны лишних вопросов. Высочайшая сама позвала, сама и скажет.

– А то, что они очень сильно ошиблись. Бомба-то сработала, и та Земля, где они это сделали, потеряла всякую связь с нашими мирами и с нашей Реальностью. Казалось бы, они выиграли. Но на самом деле проиграли, потому что и сами исчезли из своей реальности. Теперь мы все как на необитаемом острове.

– А лично ко мне это какое имеет отношение? – осторожно спросил Валентин, на самом деле не очень понимая, каким образом акция, предпринятая совершенно абстрактным неприятелем (вроде Сатаны для францисканского монаха), может повлиять на его собственную, вполне материалистическую жизнь в тысяча девятьсот тридцать восьмом году, где как раз начали разворачиваться очень интересные события.

– Не думала, что у меня такие ограниченные координаторы здесь работают, – с печальной улыбкой сказала Дайяна, взяла со стола пачку сигарет «Ротманс», несколько нервно прикурила, повернувшись к камину и выпустив дым в сторону высоких языков пламени. – Нам конец, ты это в состоянии понять? Нет больше Проекта, Программы, связи с Родиной, смысла жизни тоже. И ты даже к себе, в свою реальность больше не вернёшься. Её тоже нет. Нет ни одной Параллели.

– А что есть? – пренебрегая субординацией, которая, исходя из вышесказанного, тоже утратила смысл, спросил Лихарев.

– Да вот мы с тобой, эта База и, наверное, та реальность, которая возникла. В ней и придётся устраиваться, позабыв обо всём прочем...

– Вы совершенно в этом уверены?

– Более чем. Все известные реальности горят как свечи, подождённые с двух концов. Уже два дня я чувствую, что теряю память о многом, об очень многом... Скоро я превращусь в самую обычную бабу, тысяча такого-то года рождения, никогда не слышавшую о множественности миров. Как до Джордано Бруно...

– По-моему, вы преувеличиваете. Я имею некоторое представление об информационном оружии форзейлей. Оно не может вызвать таких последствий. Конечно, побочные волны могут возникнуть, но... Даже самый сильный шторм обязательно заканчивается, и опять наступает штиль... Давайте потерпим немного. Здесь-то нам ничего не грозит? А там видно будет. Вы сейчас из какого года сюда пришли?

– Из восемьдесят пятого. И имею информацию, что в две тысячи пятнадцатом от нашего дела не осталось и следа...

– Ну так у меня в тридцать восьмом всё обстоит нормально, сорок лет в запасе. А за это время много чего может случиться. Стоит ли так уж беспокоиться?

Женщина тяжело вздохнула. Бросила недокуренную сигарету в камин, тут же схватила вторую.

– Плохо же мы вас учили. Очень плохо. Я же сказала – свечка горит с двух концов. И нет больше никакого вашего времени. И никакой Исторической последовательности. Теперь уже неизвестно, что происходит или может произойти хоть в тридцать восьмом, хоть в двадцатом, хоть в моём восемьдесят пятом. Везде и вокруг непонятно что. И обязательно будет ещё хуже...

Часть первая Ловец человек

Глава 1

Товарищ Сталин поднял голову, посмотрел на высокие напольные часы с мерно качающимся маятником. Без двенадцати минут полночь. Можно работать ещё часа два-три. Дел невпроворот. Железнодорожники докладывают, что западное направление перегружено, опасаются разрушения путей, предупреждают о возможности крушений. Значит, надо снизить количество перевозок в западном направлении. Военные сообщают, что комплектующие к технике, горючее и боеприпасы не доставляются вовремя. Боевые машины концентрируются на границе, но без бензина, снарядов и патронов к пулёметам они – металлолом. Значит, надо увеличить количество перевозок в западном направлении. И как это увязать? Есть проблемы с обеспечением продовольствием, связью. А ещё необходимо разбираться с перспективами сельского хозяйства. Господи, да с чем в этой стране разбираться не надо!

Лампа под зелёным, полезным для глаз, как утверждали врачи, абажуром бросала круг света на разложенные на столе бумаги. В остальном помещении, сгущаясь к углам, царил полумрак. Вождь любил такое освещение. Но сегодня работа не шла.

Не нравилось Иосифу Виссарионовичу в новом кабинете. Хотя Лаврентий сделал всё, чтобы привычная обстановка не нарушилась. Стол и жёсткое кресло вождя поставили на то же место, где их привыкли находить приглашённые. Думали, конечно, не о посетителях. Главное, чтобы Хозяин видел каждого входящего, просто поднимая глаза от бумаг и не вертя головой.

В маленькой комнате отдыха за перегородкой разместилась узкая койка, застеленная солдатским одеялом. Крохотная душевая, совмещённая с туалетом, тоже ничем не отличалась от такого же помещения в прежнем, обжитом за пятнадцать лет кабинете. Даже старую ковровую дорожку перенесли, хотя она была изрядно вытерта тысячами подошв «вождей» всех рангов. И всё равно под высоким потолком нового кабинета Сталин чувствовал себя неуютно.

Может быть, временному рабочему месту не хватало пропитавшего драпировки и, кажется, сами стены запаха трубочного дыма? Или прав Лаврентий – просто накопилась усталость и, сам того не замечая, Иосиф стал капризничать? Если так, это совершенно непристительно. Надо взять себя в руки. Неделя не такой уж большой срок. Зато, по уверениям бериевских технарей, кабинет и новая система телефонной связи главы партии и государства станут абсолютно защищёнными от любых попыток прослушивания. («Это я плохо подумал, – остановил себя Иосиф, – «абсолютно». Есть ведь русское слово «совершенно». Нечего поощрять иностранщину».)

Иосиф Виссарионович бросил двуцветный красно-синий карандаш на отчёт Наркомата путей сообщения и встал из-за стола. Хотелось курить, но лекари пугали инсультом. Инфаркт ещё куда ни шло. Либо скопытишься сразу, либо останешься нормальным человеком, а не растением, как этот... Усилием воли Коба отогнал видение костлявого черепа, бессмысленных глаз и свалявшихся усов и бородки Ильича в последние дни. Нет уж, лучше сдохнуть сразу...

Сталин обошёл стол, взял в левую руку трубку и стал неторопливо набивать её табаком. Таким нехитрым способом он обманывал сам себя, тянул время, чтобы не глотать сизый дымок слишком часто. Второй хитростью было спрятать спички – длинные, так называемые каминные. Подхалимы привезли из Англии. Иногда вождь даже откладывал приготовленную трубку, приказывал себе забыть о ней. Детская игра с самим собой забавляла, заставляла снисходи-

тельно усмехаться в усы: даже у стальных людей должны быть свои маленькие слабости. Только никто о них не должен догадываться.

Присутствие чужого он ощутил спиной, звериным чутьём, которое выработалось ещё в начале века, когда часто приходилось скрываться в горах после «эксов», переправляя «на север» хурджины с банковскими купюрами. Последний раз в шестом году, тогда взяли двести пятьдесят тысяч большими «катками»-сторублёвками. Ох, как тогда бесилась, «землю рыла» охранка. Да и обычные абреки, узнай про эти мешки, не задумываясь, пустили бы пулю в спину. «Никакой, понимаешь, воровской солидарности». Так что наган и маузер стали привычнее, чем ложка или даже карандаш.

Сейчас люди Власика и Берии охраняют своего хозяина плотно. Правда, приёмной с секретарём перед его временным пристанищем не оборудовали. Неподходящая, понимаешь ли, планировка. Верный Поскрёбышев остался на постоянном месте, вызвать его можно только по телефону. Но у дверей кабинета и за каждым поворотом длиннейшего коридора расставлены парные посты. Один боец от НКВД, другой – от армейской охраны. Так что никто не может появиться в кабинете вождя без доклада. И всё же Коба чувствовал, что в комнате кто-то есть. Ему стало страшно, а ещё точнее – жутко.

Медленно, бесшумно ступая мягкими ичигами, Иосиф Виссарионович обошёл стол, стараясь не поворачиваться к незваному гостю лицом. Пусть тот думает, что товарищ Сталин ничего не почувствовал. Страх сменился жестоким азартом. Они думают, будто товарищ Сталин утратил навыки боевика? Они считают товарища Сталина кабинетным сидельцем? Коба не поднимал головы, продолжал заталкивать табак в жерло трубки. Боком присел на кресло, пошарил рукой по столу, будто бы отыскивая спички. Не нашёл, мотивированно открыл ящик стола, не торопясь сунул правую руку внутрь, нащупал потёртую рукоять револьвера. Теперь можно не спеша оглянуться, поднять глаза на незваного гостя. Если он сразу не выстрелил в спину, значит, это не покушение?

Человек, который стоял в трёх шагах сзади и справа, был одет в выцветший широкий плащ с пятнами плесени. Большой капюшон полностью покрывал голову. В зеленоватой полутени от абажура лампы лицо, изрезанное глубокими морщинами, казалось почти чёрным. Складки кожи светились, как на иконах Феофана Грека и других исихастов.

– Не бойся, смертный, – пророкотал глубокий бас. – Я не причиню тебе вреда.

– Я и не боюсь, – хрипло сказал товарищ Сталин, криво улыбнулся и вынул из ящика руку с уже взведённым наганом.

– Оружие против меня не нужно, – снисходительно произнёс чужой. – Я пришёл предупредить тебя...

Он сделал долгую паузу. Иосиф Виссарионович тоже молчал. Наконец заговорил визитёр: «Мане, Такел, Фарес написано на стенах твоего дворца. Грядет большая война. Империя будет повержена. И твоя участь будет ужасной. Готовься!»

Голос звучал ровно, без интонаций. От этого слова становились непререкаемыми, как приговор высшего суда.

Носитель плаща повернулся и шагнул к выходу.

Сталин не мог вздохнуть. Сердце заняло всю грудную клетку, гулко и больно толкалось в рёбра. Каждый удар тяжело отдавался в голове. Глаза заволакивала коричневатая пелена.

«Так и случается инсульт», – подумал вождь.

Сильнейшим усилием воли он поднял руку на уровень глаз и дважды нажал на спуск.

Вождь видел, как появились и даже затлели по краям пробоины на выцветшей ткани плаща незнакомца.

Выстрелы прозвучали удивительно глухо, как через подушку. Призрак неторопливо обернулся:

– Я же предупредил тебя, смертный, против меня ваше оружие бесполезно...

Голос у него был по-прежнему низким, но каким-то бесцветным при этом. Не ускоряя движений, призрак дошёл до двери, толкнул её и вышел в коридор.

Сталин бросил на стол наган, прижал рукой рвущееся на волю сердце. На подгибающихся ногах он как-то добежал до медленно возвращающейся на место двери. Выцветший плащ был ещё виден слева, в двух шагах от первого поворота. Миг, и он скроется в лабиринтах бесчисленных переходов древнего Кремля.

Часовые замерли по сторонам от входа, с отсутствующими лицами, не «держа винтовки у ноги», а, скорее, опираясь на них.

– Шэни деда! – выкрикнул Сталин в лицо сержанту справа. – Что смотришь, придурок, стреляй!!!

Боец словно очнулся от сталинского бешеного крика, да он и вообще впервые услышал голос вождя. Глаза вдруг стали осмысленными, увидели спину призрака. Сержант вскинул к плечу «драгунку».

– Огонь! – подтвердил Сталин команду с непечатным дополнением.

Винтовочный выстрел стегнул по ушам, как бичом. Взвизгнула пуля, отскакивая от несокрушимой стены. Таинственный визитёр скрылся за поворотом раньше, чем охранник успел передёрнуть затвор.

Охранник, бухая сапогами, рванулся вперёд, добежал до угла и увидел, что коридор пуст.

А второй только начал «просыпаться», недоумённо тараща круглые глаза на Сталина.

Иосиф Виссарионович, чувствуя, что язык плохо ему повинуется и пол под ногами ощутимо покачивается, всё же вяло и неостроумно выругался, словно забыв всё богатство тюремно-каторжной лексики. Кое-как добрёл до койки в «комнате отдыха» и с трудом сел, а не упал на неё. С недоумением посмотрел на стиснутый пальцами наган, медленно положил его рядом с тощей подушкой.

...Поскрёбышев примчался почти мгновенно, за ним, на звук выстрела, разводящий караула. Берия появился только минут через десять, но зато в сопровождении целой стаи врачей кремлёвского Лечсанупра, в медицинских халатах разной степени накрахмаленности и наглаженности. В зависимости от должности и специальности. Иосифа Виссарионовича наскоро осмотрели и прослушали стето- и фонендоскопами сразу с нескольких сторон, потом, несмотря на его протесты, бережно переложили с койки на носилки, и крепкие санитары бегом рванули к центральной лестнице, ухитряясь при этом нести пациента так аккуратно, что, держи он стакан в руке, не расплескалось бы ни капли.

Лаврентий, кусая губы и преувеличенно громко вздыхая, трусил рядом, держа вождя за руку. Обычно замкнуто-хищное лицо его было сейчас белым и потерянным. Щёку дёргал тик, пенсне сидело криво, грозя вот-вот свалиться.

Сам кабинет вождя и его окрестности заполнили люди в штатском и форме. Одни выковыривали из стены пулю постового, другие растягивали рулетку, по сантиметрам измеряли путь от стола Иосифа Виссарионовича до поворота, за которым растворился призрак. Третьи тут же, на месте взяли в оборот обоих бойцов, и чувствовалось, что первые подозреваемые уже обозначились.

* * *

Суеотящиеся, как муравьи при пожаре, врачи демонстрировали каждый свою учёность и профессионализм, используя все достижения тогдашней медицины. Вождю измерили давление и посчитали пульс на обеих руках, заставили высунуть язык, задрав рубашку и стянув сапоги, царапали холодными толстыми иголками кожу на животе и пятках.

При этом со стороны было отчётливо видно, что стараются они не столько для пациента, как «для прокурора».

Когда четверо то ли санитаров, то ли фельдшеров приволокли откуда-то здоровенный ящик новомодного немецкого кардиографа, а кудрявая медсестричка в туго натянутом выше и ниже талии халатике прицелилась шприцом брать кровь из вены, Сталин не выдержал.

– Хватит изображать усердие, я понятно говорю? – оттолкнул он девушку и сел, одёргивая бязевую солдатскую рубашку.

Профессор Вовси, оказавшийся в этой поднятой по тревоге команде самым авторитетным или просто самым смелым, начал, сам себе как бы дирижируя стетоскопом, объяснять необходимость тщательнейшего обследования с последующим постельным режимом в стационаре и не меньше, чем на две недели.

Все пятнадцать или двадцать минут, что заняли медицинские манипуляции, Лаврентий Павлович сидел в углу кабинета на тонконогом табурете, вздыхал и вытирал лысину огромным платком в красную клетку.

– На двэ нэдэли, гаваришь? – акцент Сталина прозвучал весьма утрированно. – А потом в могилу, да? Большой подарок врагам сделать хочешь?

Вождь выдержал «мхатовскую» паузу, за время которой все присутствующие успели покрыться холодным потом.

– Нэкогда прохладяться, – значительно произнёс он и неожиданно добродушно улыбнулся. – Заканчиваем эту пургу. Валерьянки полстакана накапай, и хватит. Садись бумажки писать, он с тебя непременно спросит. – Сталин указал пальцем на вскочившего с табурета Берию.

– И себе тоже накапай. – Иосиф Виссарионович похлопал профессора по плечу, залпом выпил лекарство, слегка крикнул (видимо, перестаралась сестра, многовато плеснула), повернулся к верному сатрапу: – Пошли, Лаврентий...

Нарком внутренних дел с трудом поспевал за вождём, пока они шли по бесконечным коридорам и лестницам Кремля. Коба молчал, только всхрапывал на каждом третьем шаге. Глаза его были устремлены под ноги, на красную дорожку, как будто вождь боялся споткнуться на гладком паркетном полу.

Перед кабинетом Сталина к Берии бросились сразу двое сотрудников: один в форме с петлицами майора госбезопасности, второй в штатском костюме в чёрную по серому полоску. Вполголоса стали что-то докладывать. Иосиф Виссарионович, не задерживаясь, распахнул дверь в зеленоватый полумрак, почти подбежал к своему столу. Кем-то перенесённый сюда из комнаты отдыха револьвер лежал поверх раскрытой папки с отчётом Наркомата путей сообщения.

Пальцы привычно откинули защёлку, провернули барабан, вытряхивая на зелёное сукно патроны. Пять неизрасходованных и две пустые, пахнущие сторевшим порохом гильзы. Значит, не померещилось, он действительно стрелял, и метко выпущенные почти в упор пули не причинили призраку никакого вреда. По спине снова прополз холодок.

– Что это было, Коба? – спросил Лаврентий. Сталин никогда не видел приближённого таким растерянным. Сам он уже успокоился: может, лекарство помогло, а может, просто время прошло. Только левая рука мозжила и ныла от кисти до плеча. Он машинально начал её массировать правой.

– Скажи всю правду, как было. Мне нужно знать...

– Призрак, привидение. Могу и по-грузински сказать. Самый обычный призрак. Я стрелял с пары метров. Попал. Видел, как от плаща ключья летели...

– Да, мои люди подобрали какую-то ветошь. Повезли в лабораторию. Следов крови не нашли. Пули из стены вынули. Тоже увезли. Исследовать...

– Пусть исследуют. Он сказал, что оружие против него бессильно.

– Часовой стрелял тоже.

– Я слышал. И видел, – с почти обычной иронией сказал Сталин. – По-моему, промазал. Гнать таких стрелков... – уловил мелькнувшую в глазах наркома знакомую тень, добавил резко: – Сажать не нужно. Не за что. Взять подписку о неразглашении, и пусть в хозроте дослуживает. И со второго подписку, и с разводящего, и с начкара. Вот так!

Отчего-то Сталин вдруг озаботился судьбой бойцов. Такое с ним иногда бывало. Но не очень часто. В основном – по отношению к людям «простым». Не относящимся к государственным сферам.

– Будет сделано, – с лёгким разочарованием ответил Берия. – Попал или нет – разберёмся. Его пуля тоже на исследовании.

Берия замялся. Сталин в это время взял со стола давно набитую трубку, не думая о здоровье, раскурил, с видимым наслаждением выпустил первый клуб дыма.

– Коба, мои люди уже нашли и инженеров-эксплуатационников, и историков. С постелей подняли... – нарком зловеще блеснул стёклами пенсне. – Обследовали стены во всех прилегающих коридорах. Здесь нет ни потайных ходов, ни скрытых дверей и прочих тайн Мадридского двора. Добротные стены, из хорошего камня. Кладка яичная, семнадцатого века. Из пушки в упор не пробьёшь.

– Значит, это действительно был призрак, – задумчиво проговорил Сталин. Он наклонился к Лаврентию Павловичу близко-близко, посмотрел ему в глаза расширенными тигриными зрачками. – Но тебе всё равно придётся его найти, понял?

– Кого? – испуганно и совершенно искренне переспросил Берия. По круглому лицу скользнула тень: не сошёл ли на самом деле вождь с ума?

– Призрака.

– Прости, Коба. Я никогда не устанавливал личность привидения.

– Придётся поработать и в этом качестве, Лаврентий Павлович. – Голос Сталина прозвучал спокойно и зловеще. Да ещё и с обращением на «вы». – Это приказ! Об исполнении прошу докладывать каждые двенадцать часов. – Сталин помолчал, усмехнулся. – Нет таких крепостей, которых бы не могли взять большевики. Советую всё время об этом помнить, батано...

Отпустив «друга и соратника Лаврентия», вождь глубоко задумался. Железной выдержке с самого раннего возраста учила его улица. В потасовках Иосифу Рябому, мелкому и слабосильному, тумачков перепало больше, чем другим. Но особенно вредил в драках темперамент. Как только кто-либо задевал мальчишку по лицу, ярость застила глаза, он бросался в битву, давясь слезами и соплями, не видя ничего перед собой. И, конечно, получал от более взрослых и опытных бойцов по полной программе.

Но уже в семь лет он стал умным. Иначе никогда Сосо Джугашвили не превратился бы в «товарища Сталина». День, когда он впервые это про себя понял, Иосиф запомнил на всю жизнь. От голодухи или по каким-то другим причинам у него на лице высыпали фурункулы. Из-за отвратительных на вид и ужасно болезненных гнойников соседские пацаны стали ежедневно его дразнить. Особенно отличался Серго, младший сын толстенной тети Нунэ. Он орал: «Ублюдский урод!» и кривлялся. Виссарионов сын впал в бешенство, бросился душить врага. Здоровяк Серго легко скрутил тщедушному берсерку руки, охватил пятернёй лицо, давя фурункулы. Иосиф завыл от дикой боли, бессилия и унижения. То ощущение он запомнил на всю жизнь.

После поражения мальчик забился в дальний угол двора, рыдал, пока не кончились слёзы, потом сидел словно в ступоре, тупо глядя перед собой. Не было никаких мыслей. «Тогда товарищ Сталин ещё не научился анализировать ситуацию, – подумал Иосиф Виссарионович. – Но принимать правильные решения товарищ Сталин научился именно тогда». На следующий

день Серго снова принялся издеваться, провоцируя пацана на новую драку. Иосиф хладнокровно нашёл камень побольше и запустил его в колено обидчику. Не в голову, не в грудь или в живот, чтобы, не дай бог, не убить, – в колено. Как орал от боли Серго! И всю жизнь потом хромял, приволакивал негнушающую ногу. А Иосифа больше никто никогда не дразнил.

Дальше сталь характера закаляла духовная семинария. Вспоминать о ней Коба не любил. Зато друга и однокашника Георгия Гурджиева, уже в отрочестве владевшего методами духовного воспитания суфиев, Иосиф до сих пор вспоминает с нежностью и уважением. Георгий научил младшего побратима очень многому, открыл другой мир – пространство духа. Но это – совсем другая история.

Результаты предварительного дознания Берия доложил в шестнадцать часов следующего дня, как только вождь приехал с ближней дачи в Кремль. К этому времени старый рабочий кабинет Сталина был приведён в порядок и ждал хозяина. Лаврентий сидел на жёстком диване в приёмной, не глядя на Поскрёбышева. Он никогда не любил общаться с людьми, которые никаким образом от него не зависели. А начальник Особого сектора был именно таков, не признавал на этом свете ничьей над собой власти, кроме сталинской. Кстати, сегодня главе «Госужаса», как москвичи называли НКВД по ассоциации с прежде занимавшим зданием на Лубянке Госстрахом, вообще не хотелось ни с кем разговаривать.

Сталин несколько даже уважительно кивнул секретарю, проходя через приёмную, сделал знак Берии следовать за ним. Поскрёбышев тут же заскрипел пером, вписывая первого за день посетителя в журнал.

Шторы кабинета были наглухо задёрнуты, зелёная лампа бросала круг тёплого света на стол. Слева от лампы непочатая коробка «Герцеговины», спички, справа пепельница. Пучок тщательно заточенных карандашей в косо спиленной снарядной гильзе. Молодец Александр, всё чувствует, всё понимает. Абсолютно всё как всегда, словно и не уходил. Никаких изменений. Здесь Иосиф Виссарионович чувствовал себя уютно и привычно. Только запах свежей краски и лака слегка раздражал. Сталин шумно втянул носом воздух, потянулся к папиросам.

– С детства не люблю, – счёл нужным пояснить он, – очень первое сентября в семинарии напоминает...

Указал наркому на кресло перед рабочим столом. Сам присел на край столешницы, так, чтобы смотреть на Берию сверху вниз.

– Докладывай, если есть что.

Информация от вчерашней, «по горячим следам», отличалась мало. Тайные ходы, туннели, замаскированные дверцы специалистами не обнаружены. Возможность проникновения в кабинет иначе, чем обычным путём, исключена.

Все часовые, несшие службу в корпусе и во дворе, вообще все, находившиеся этой ночью поблизости от «места происшествия», тщательно и перекрестно допрошены. Безрезультатно. Хотя дознаватели приложили все усилия.

– Живые? – спросил Сталин.

– Кто? – не понял или сделал вид, будто не догадывается, нарком.

– Твои расследователи до смерти вряд ли заработались. Часовые...

Берия замялся: «У одного сердечный приступ. Переволновался, наверное. А ведь был такой здоровый парень...»

Сержант, стрелявший в чужого, показал, что услышал звук в кабинете, но за выстрел его не принял, стены слишком толстые, подумал – стул упал или что-то в этом роде. Потом дверь открылась, из неё не торопясь вышел человек в странном наряде. Это удивило бойца. Ведь он не видел, чтобы кто-то входил к товарищу Сталину. Но подумал – наверное, так надо. Человек мог войти в кабинет раньше смены караула. А приказ был – никого без пропуска и сопровождения с предварительным докладом не впускать. Насчёт не выпускать команды не было.

Человек в плащ-накидке (так часовой идентифицировал средневековый плащ) уже поворачивал за угол, когда товарищ Сталин, выскочив, то есть появившись из кабинета, приказал стрелять. Очевидно, боец промахнулся, хотя с десяти шагов это трудно, потому что неизвестный продолжил движение. Пуля извлечена из стеной панели, следов крови или иной органики на ней не обнаружено.

– Доступными нам сегодня средствами, – для чего-то счёл нужным уточнить Берия, нервно вертя в пальцах неприкуренную папиросу.

Боец добежал до поворота, но никого в длинном прямом коридоре не увидел. Дверей и окон в этом пролёте нет. «Пришелец» будто растворился в воздухе.

– Живой? – спросил Сталин.

– Кто? – не понял нарком.

– Сержант живой? – пояснил вождь.

– Да что ему сделается? Здоровый парень... Всё время твердит – я по уставу действовал, по инструкции, потом по приказу самого товарища Сталина... Хитрый, сволочь!

– Не хитрый, умный, – Сталин назидательно поднял палец. – Не хохол, случаем?

– Так точно, сержант Шелупенко...

– Следствие закончишь – дай ему отпуск. Две недели. Вернётся – пусть снова возле меня дежурит. Давай дальше...

Левая рука снова дала о себе знать. Мозжащая боль от кисти до локтя. Вождь положил дымящуюся «Герцеговину» на край хрустальной пепельницы, обхватил предплечье пальцами правой. Тонкая струйка дыма ровно поднималась вверх, а у самого края абажура начинала закручиваться спиралью. «Конвекция!» – непонятно к чему вспомнил Сталин термин из курса физики.

– Но один эксперт утверждает, что в «пояске обтирания» – это они так называют то, что оставляет пуля, проходя сквозь преграду, на краях пробоины, – всё-таки присутствуют следы сгоревшей ткани, – почти шёпотом сказал нарком внутренних дел.

Сталин молчал.

– Все остальные этого не подтверждают, но я обязан доложить все факты, даже сомнительные...

– И что это значит? – ровным глуховатым голосом спросил вождь.

– Боец не промахнулся, – ответил Берия. – Коба, я понимаю, что мы – материалисты, – быстро заговорил он, – но это значит, что мы должны доверять выводам науки. Даже сомнительным...

– Следовательно, наука в данном случае подтверждает, что ко мне зашёл с визитом призрак, нематериальный, но в материальной одежде. Так? – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнёс вождь. – И как звали это... привидение, откуда оно взялось и на кого работает, внутренние органы установить не могут. Не их сфера ответственности? Я правильно понимаю?

Берия наконец поймал момент, чтобы прикурить папиросу, но после слов Сталина подавился дымом и закашлялся. Вождь спокойно ждал, пока соратник восстановит дыхание.

Тот вытер слёзы и возразил:

– Имя мы как раз установили. Аристотель Фиораванти. Строитель Кремля. Он пообещал Ивану Третьему найти способ превращать недорогоценные металлы в золото. И обманул...

Сталин хмыкнул, неслышно ступая, обошёл стол, взял трубку. Пошёл обратно, раскрыл коробку, стал ломать папиросы, ссыпая табак в обожжённое деревянное жерло.

– Кто-то донёс царю, что архитектор тратит слишком много. При этом расплачивается золотыми монетами. Фиораванти попытался бежать, был схвачен. Пытал его лично помазаник, но ничего не добился. Тогда Иван приказал замуровать ведуна в стене. Привидение являлось Ивану Грозному. Борису Годунову оно напророчило бесславное правление и ужасный

конец. Есть версия, что Наполеон приказал оставить Москву потому, что тоже встретился с духом Аристотеля...

Хозяин не спеша раскуривал трубку от длинной, явно иноземного вида спички.

– Однако Наполеону это не помогло. Аристотель Фиораванти, – повторил он, выпустив клуб дыма. – Хорошо, Лаврентий. Пусть мне подготовят подробную справку на этого... умельца. Срок – сутки. А в архивах Приказа Тайных дел никаких вещественных доказательств не сохранилось? – Сталин позволил себе улыбнуться.

– Будет исполнено, Иосиф Виссарионович, про вещдоки я прикажу уточнить, хотя вряд ли... Смутное время и всё такое. – Берия повертел пальцами в воздухе. И добавил: – Коба, может, лучше побережься? Временно переехать на Старую площадь? Год этот... нехороший. Мои спецы установили, что двадцатого февраля случилось тройное противостояние Юпитера с Сатурном в созвездии Рыб.

– Что? – удивлённо переспросил Генеральный секретарь ЦК ВКП (б). – Какой ещё Юпитер с Сатурном?

– Астрологи утверждают, что такое явление за две тысячи лет происходило только трижды. Между прочим, первый раз, когда волхвы шли к младенцу Христу. А предвещает оно падение великого царства.

– То есть то же, что пророчил этот твой макаронник, Аристотель Фиораванти. – Хозяин уставился в глаза Лаврентию немигающим тигриным взглядом. Только теперь это был взгляд очень усталого тигра.

– Товарищ Сталин, – торопливо заговорил Берия, – если, не дай бог, что-нибудь случится, партия, страна, народ останутся обезглавленными.

– А для чего тогда верные соратники и продолжатели: Молотов, Булганин, ты, наконец? – медленно произнёс Иосиф Виссарионович. Трудно было понять, серьёзно он говорит о «верных соратниках и продолжателях» или в глухом голосе проскальзывают нотки иронии.

– На текущий момент никакой коллективный разум не сможет заменить великую личность вождя, – пафосно воскликнул нарком внутренних дел. – Коба, ты обязан принять меры по обеспечению собственной безопасности, сменить Кремль на Старую площадь. Об этом может не знать никто, даже этот твой Власик.

Сталин покачал головой.

– Тогда, только пойми меня правильно, может, стоит освятить кабинет, подступы к нему? Охрану-то я увеличу, это само собой...

– Нет, – сказал вождь. – Тогда уж сразу в Александровскую слободу отъехать, что ли? Или в Донской монастырь? Иногда ты умный, Лаврентий, иногда – совсем дурак. Ты же сам говорил, мы материалисты. Обязательно поползут слухи, что товарищ Сталин пошёл на поклон к попам, что, ещё хуже, товарищу Сталину мерещатся привидения. Ни в коем случае. Иди, Лаврентий, занимайся делами.

Когда нарком внутренних дел осторожно прикрыл за собой дверь, Хозяин пробормотал:

– Это вы – материалисты. А я простой выпускник духовной семинарии. Недоучившийся поп.

Сочинения Зигмунда Фрейда публиковались на русском языке под редакцией профессора Ермакова. Узнав, что поклонником австрийского психиатра считает себя даже Иван Петрович Павлов, Сталин с интересом прочитал оба тома «Введения в психоанализ», проверяя выводы австрийского учёного собственными ощущениями. Мысль, что в основе всех поступков человека лежит сексуальный инстинкт, вождь про себя оценил как абсолютно верную. И именно потому она не принесёт пользы массам. Учение о подсознательном Иосиф Виссарионович осторожно поставил под сомнение. Как он ни пытался обнаружить у себя следы каких-то уж-жасных идей, в которых даже самому себе признаться невозможно, ничего похожего

не нашлось. Товарищ Сталин имел привычку всё называть своими именами и просчитывать последствия каждого действия до конца. Поползновениям, которые не могут даже попасть в луч мысли, в психике Хозяина места не находилось. Он назвал себя «человеком без подсознания». Но если построения психиатра применимы ко всем остальным... Иосиф примерил модное учение к личности человека, о котором думал часто – Владимира Ильича, – и пришёл к выводу, что тут Фрейд, чёрт бы его побрал, пожалуй, прав. Ульянов при внимательном анализе мог оказаться весьма характерным экспонатом в коллекции еврейского «хохмача». В отличие от большинства соотечественников, Генеральный секретарь знал, что «хохэм» по-еврейски – мудрость, следовательно, хохмач – не рассказчик анекдотов или шутник, но философ и учитель жизни. А истолковать по Фрейду женитьбу Ленина и историю его романов в конце жизни было бы архилюбопытно.

Рассмотрев все обстоятельства, вождь пришёл к выводу, что учение Фрейда верно и именно потому оно вредно. Какое неосознанное может быть у строителя социализма и для чего оно ему нужно? Советский человек обязан быть монолитно цельным и непоколебимым. И самое главное, зачем бессознательное нужно социализму как общественному строю?

Тем не менее Иосиф Виссарионович вызвал Якова Серебрянского, начальника отдела специальных операций ОГПУ, и поручил навести справки о том, как живётся «отцу психоанализа». Через неделю на стол вождя легло донесение: семья Фрейда существует чуть ли не впроголодь. Серебрянский получил новое задание – организовать финансовую помощь венскому врачу. Обычно Сталин не интересовался тем, как выполняется его «просьба». Но в этом случае он потребовал подробного отчёта и успокоился только тогда, когда Серебрянский доложил, что деньги на прожитие Зигмунд Фрейд получает через резидента Марка Эйтингона, двоюродного брата Наума Эйтингона, разведчика и любимца вождя. Марк был психиатром, учеником великого Зигмунда. Одновременно он держал фирму по торговле русскими мехами. При поддержке отдела специальных операций его бизнес был более чем доходным. Так что и мотивировка этой нетрадиционной для специальных служб операции, и надёжность исполнителя вождя партии большевиков вполне удовлетворили.

По поручению Хозяина профессор Ермаков был приглашён на беседу. Разговор длился без малого четыре часа. Учёный пришел в восторг от глубины проникновения вождя в замысловатые проблемы психологического учения.

На следующий день Российское общество психоаналитиков было закрыто, выпуск книг «Психоаналитической библиотеки» прекращён, уже выпущенные тома изъяты из обращения. Ермакова не арестовали, только уволили из всех институтов, где он преподавал. Оставив, впрочем, возможность заниматься «чистой наукой» в частном порядке.

Примерно как Булгакову – литературой и драматургией. Профессор тоже понравился Иосифу Виссарионовичу.

Размышляя, вождь обращался к себе либо «Иосиф», либо «товарищ Сталин». Он сидел в своем кабинете. На столе вместо обычных бумаг стоял кувшин из пористой глины. Жидкость в нём оставалась ледяной в любую жару. Сосуд был наполнен «киндзмараули». Лекари говорили, что красное вино не в пример полезнее, но вождь любил молодое белое. Оно хорошо шло под мягкий лаваш с зеленью. И не мешало рассуждать.

Вино Генеральный наливал в простой гранёный стакан. Впрочем, терпкий напиток он только пригубил, зажевал маленьким кусочком хлеба, поднёс к носу веточку кинзы, глубоко вдохнул запах молодости.

Сейчас, решив обдумать случившееся, он начал с вопроса к самому себе:

«Что, Иосиф, признайся честно, обосрался?»

И ответил:

«Да».

«А почему?» – спросил товарищ Сталин Иосифа.

Допрашиваемый задумался.

«Во-первых, я решил, будто это покушение».

«Ну, это тебя не сильно напугало. Ты ещё боец, Иосиф».

«И вы, товарищ Сталин! Страшно стало, когда адом повеяло».

«Что-то ты, друг Иосиф, заговорил красиво. Не надо лишних эмоций и поэтических преувеличений. Товарищ Сталин считает, говорить нужно серыми, скучными, прозаическими словами. Тогда суть дела виднее».

Вождь отложил траву, стал механически ломать папиросы и заталкивать табак в любимую трубку вишнёвого дерева. Утрамбовывал массу большим пальцем левой руки. Когда жерло заполнялось, Генеральный секретарь аккуратно выковыривал волокна, выбивал их в большую стеклянную пепельницу и снова начинал терзать «Герцеговину».

«То, что произошло, может иметь два объяснения, – думал товарищ Сталин. – Объяснение мистическое: действительно явился призрак этого Аристотеля как его там, не Стагирита, короче. Диалектический материалист товарищ Сталин во всякую мистику не верит. Поэтому он мог или даже должен был испугаться. Для тебя, Иосиф, выпускника духовной семинарии и друга Гурджиева, это вполне нормальная вещь. Ты обязан верить в сверхъестественное. Ортодоксия это или ересь, разбираться можно потом. Главное, ты в это можешь верить».

«Все равно страшно».

«Страшно, – согласился товарищ Сталин. – Только если все это – дело божье или дьявольское, сейчас это не суть важно, мы ничего не можем предпринять. Потому этот вариант оставим без обсуждения. А вот если сие – результат усилий человеческих...»

«Товарищ Сталин, посетитель явился ниоткуда и исчез, словно в воздухе растворился. Тайные ходы не обнаружены, часовые никого не видели...»

«Если умные люди решат выпустить на сцену тень отца Гамлета, они подготовят необходимые декорации».

«А заключение экспертов по пулям?»

«Эксперты только люди. И ничто человеческое им не чуждо. Ни страх, ни боль, ни отчаяние. Тем более, они не единокоренны».

«Но зачем гордиться весь этот огород?»

«Предположим, они хотели напугать товарища Сталина. Мы же говорили, что как диалектический материалист товарищ Сталин должен был испугаться...»

«И что дальше?»

«В том и вопрос. Затеять такую турусу на колесах только ради того, чтобы у товарища Сталина на голове зашевелились седые волосы? Или они надеялись, что меня кондрашка хватит? Так проще было бы пристрелить. Впрочем, нет. Удачное покушение – это обязательное расследование. И если организатор не станет преемником, то тут ему и придёт полный кирдык. А в грызне, которая обязательно начнётся среди друзей и соратников, предсказать, кто всем глотки поперекусывает, невозможно. Это первое».

Хорошо, опять предположим, вождь с перепугу дал дуба. То есть ничего хорошего в этом нет. Почему? Отсутствие вождя – смута. Всё повалится, наступит хаос. Перед большой войной это катастрофа. Кому такое выгодно? То-то же. Это второе».

Следовательно, летальный исход для товарища Сталина в данной ситуации не предусматривался.

И снова тот же вопрос: зачем?

Любое действие предпринимается, чтобы добиться какой-то реакции на него. Что должен сделать Иосиф Виссарионович после того, как испугается? Остановить войну? Но сегодня это зависит не только от товарища Сталина, но и от товарища Гитлера. Интересно, ему тоже

явился призрак? Канцлера Бисмарка, например. И произнёс: «Я же предупреждал, не воюй с русскими!»

Или, наоборот, Хозяина подталкивают к тому, чтобы нанести удар немедленно? Военные докладывают, будто это невозможно как минимум в ближайшие полгода. Ну, положим, если подойти к делу по-стахановски и подключить к контролю и исполнению службу товарища Берии, срок можно будет сократить почти наполовину, и где-нибудь к середине июля...

Плохо, что товарищ Сталин должен догадываться, чего от него хотела эта замогильная фигура. Плохо для заговорщиков, если, конечно, это заговор. Вдруг Иосиф Виссарионович неправильно поймёт и сделает не то? Или они способны предвидеть, какими путями пойдёт мысль Вождя? Много о себе возомнили! Такое по силам только богу, а бога нет.

Это может быть только заговор. Всякие пузыри Земли, Вии и прочая чертовщина должны быть исключены. Хотя бы потому, что при мысли, будто явился истинный посланец тёмных сил, даже у товарища Сталина дрожит в глубине груди и холодеют руки. Грозный в моленные часы каялся. А на великом царе крови было поменьше. То, что головы он сёк ради укрепления Руси, как и Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) Иосиф Джугашвили, для потусторонних сил вину, наверное, не снимает».

Усилием воли вождь подавил тёмный, нерассуждающий ужас. Приказал себе мыслить логично.

«Есть ещё одно возможное объяснение для этой... инсценировки. Некто рассчитывает на страх товарища Сталина. По его мнению, он должен призвать попов, увещать кабинет иконами и провести изгнание бесов из Кремля. Кстати, Берия советовал именно это. И весь мир решит, что Иосиф Виссарионович впал в маразм и можно будет созвать внеочередной съезд партии и... переизбрать товарища Сталина, вывести его из состава Правительства, отправить... на лечение. В Горки Ленинские. Переоборудовать их под психушку – раз плюнуть. Опыт есть. Как раз у товарища Сталина.

С другой стороны, возвращение к православию можно показать как часть возрождения традиций Российской империи. Реабилитировали же мы Александра Невского. Как великого полководца, радетеля и защитника земли Русской. А ведь он ещё и канонизированный святой».

Сталин представил первую полосу «Правды» с передовицей: «С нами Крестная Сила» и хмыкнул. А что, ведь сожрут. И станут из кожи лезть, славя Господа нашего Иисуса Христа. Внутренним взором вождь увидел внеочередной съезд партии безбожников, который тысячей плоток ревет: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу! Ура!» и стоя рукоплещет добрую четверть часа. Стадо. Пастырь над ним никакой не бог, а великий товарищ Сталин. И его верные овчарки, кавказские, какие там ещё бывают, еврейские, что ли. Всякие, кроме немецких.

И вдруг кто-то из псов вознамерился стать на место Пастыря? Иосифа Виссарионовича охватил гнев, кровь бросилась в голову, как в далёком детстве, когда Рябому давали по морде. Бешенство выдавило из сознания остатки недавнего ужаса.

«Если явление призрака готовили смертные, тогда – кто? Как ты думаешь, Иосиф?»

«Булганин?»

По должности он мог бы претендовать на роль преемника вождя. Одутловатого, представительного Николая Александровича Булганина Сталин презирал за глупость, пьянство и вечные истории с балеринами Большого театра и называл про себя на итальянский манер. Особенно раздражали сына сапожника пухлые и холёные руки зампреда Совнаркома. Из них всё вываливалось. Когда чиновник пугался, а боялся он всего и всегда, пальцы начинали жить отдельной от остального организма жизнью. Они шевелились, как жирные мучные черви, терзали манжеты крахмальных рубашек, заползали, как в норы, в рукава дорогих пиджаков.

«Чтобы этот слизняк придумал и, главное, осуществил такое... Чушь собачья!»

«Маланья... Георгий Максимилианович Маленков».

«Секретарь ЦК, член Оргбюро. После кампании проверки партийных документов, после которой и по результатам которой лучший друг Жорика Лавруша стал брать чуть ли не каждого второго, члены ВКП (б) поголовно его ненавидят и боятся. Готовый вождь. Не товарищ Сталин, конечно, но на безрыбье вполне сойдёт за рака. Этот мог бы. Но только в одном случае: если исполнителем будет Берия и его доверенные люди. Когда-то Маланья спас Лаврентия от Недомерка – Ежова. Не исключено, предвидел Максимилианович, что понадобится Павлович для подобного дела. Только зачем это Лаврентию? История знает десятки случаев, когда новый правитель первым делом устранял кореша, который привёл его к власти. Берия не дурак. Или всё-таки дурак? Перспектива стать вторым человеком в Третьем Риме оч-чень заманчива. Может застить глаза любому и мудреца сделать идиотом».

«А сам Лаврентий?»

Вождь даже поморщился.

«Вряд ли. Он – прекрасный исполнитель, организатор. Но для политика слишком ограничен. Харизмы никакой, бухгалтер. Вождь из него как из судака оратор. И – грузин, ну, пусть мингрел. Зачем России второй грузин подряд? Опять же, вредные привычки. Бросить их он не сможет, а вождю такое мешает. И предан он мне, аки Малюта царю Ивану. Впрочем, последнее серьёзным аргументом может считать только очень наивный человек. Товарища Сталина наивным даже злейший враг, даже Троцкий, никогда не называл. И теперь уже не назовёт, – со злым удовлетворением товарищ Сталин представил, как карающий ледоруб Мировой революции, направляемый рукой Рамона Меркадера, обрушился на макушку Иудушки Лейбы».

«Кто ещё смог бы? Нежданчик?»

«Иосифу Виссарионовичу симпатичен Андрей Александрович Жданов. Только поэтому его ещё не схарчил Маленков. И сам преемник Кирова это хорошо понимает. Он не дурак и догадывается, что на «колыбели трёх революций» Хозяин держит его, чтобы все видели, какое ничтожество Андрей Александрович по сравнению с Сергеем Мироновичем. Кроме того, стать первым, как любой идеолог, Нежданчик не может при любой политической погоде. Идеология всегда подстраивается под реальную власть. Как хорошая девка, она обязана угадать и обслужить любые капризы своего покровителя. А Жданов – прирождённый болтун. Этот отпадает».

«Каганович?»

«Чтобы во главе России оказался Лазарь Моисеевич? Бред».

«Клим?»

«Ума не хватит. Про него да про Будённого написал Чехов: «Чем глупее человек, тем лучше его понимает лошадь».

«Остаётся Молот».

«Вячеслав у нас молот, а Берия – серп, – ухмыльнулся в усы Хозяин. – Вятские – люди хватские. Вячеслав был главой правительства, значит, считает себя способным управлять страной. Был близок с Зиновьевым и Каменевым. Остатки оппозиции его поддержат с энтузиазмом. Был в Берлине, вел переговоры с Риббентропом. Встречался с Гитлером и имел возможность заключить не только те пакты, на которые дал ему санкцию товарищ Сталин. Обеспечить себе поддержку стран Оси. Фюрер был бы счастлив получить такую перспективу.

Имеет Вячеслав вполне реальные шансы стать новым Хозяином. А вот технической возможности подвести к товарищу Сталину призрака-provokatora не имеет. Плотных контактов ни с Серпом, ни с военной разведкой Молот не имеет. Иначе Иосифу Виссарионовичу доложили бы. Поэтому подозрений с Вячеслава Михайловича мы не снимаем, но проверку считаем возможным отложить на некоторое время.

В результате рассмотрения обрисовалась в полный рост фигура Егория Максимилианова сына. При этом товарищ Сталин считает правильным поручить проверку персонально Лаврен-

тию Павловичу Берии. А кому поручить проверку той проверки товарища Маленкова, которую произведёт НКВД, вождь найдёт. Есть спецотдел Особого сектора, есть ГРУ, наконец.

Теперь самое главное. Чему этот прискорбный случай должен научить товарища Сталина? Кремль в большинстве охраняют сотрудники Наркомата внутренних дел. Часовые в коридорах тоже наполовину из Наркомата внутренних дел. Автомобильный парк контролирует Транспортный отдел НКВД. Получается, что товарищ Сталин полностью зависит от кого? От наркома внутренних дел. Правильно ли это? Кстати, стрелял по призраку сержант РККА, а не НКВД. Надо будет, наверное, его в разведшколу ГРУ направить. Нам такие люди нужны.

Положим, какие-то личные возможности вождь себе оставил... Хотя бы в лице генерала Власика и его ведомства. И ещё кое-что...

Потому, что вождю и учителю никак нельзя быть наивным. Об этом мы уже говорили. Но после гибели Тера – Камо – всё стало намного сложнее. Товарищу Сталину необходимо создать себе гарантии. Чтобы товарищ Сталин был уверен, что ничто и никто не сумеет помешать ему выполнить то, что он задумал. Для этого нужны люди, которым можно полностью и безоговорочно доверять. Хотя бы в течение года-двух. Значит...»

«Значит?»

«Значит, товарищ Сталин должен стать ловцом человек».

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

28.2.1941 г. ... Генерал-лейтенант Паулюс:

а) Результаты военной игры Гудериана весьма удовлетворительные. Руководство рассчитывало иметь для достижения линии устья р. Припять 11 дней.

б) Результаты переговоров с командованием группы армий «Б» относительно плана проведения операции «Барбаросса». Достигнута единая точка зрения. 3.3.1941 г. Герке:

...3) Железнодорожно-строительные войска необходимы не только для текущих потребностей, но и для обеспечения возможности подвоза достаточных запасов в целях создания новой железнодорожной базы. В противоположность кампании на Западе, теперь придётся продвигать вперёд также железнодорожное оборудование для станций. Строительные части должны следовать непосредственно за танковыми соединениями. В то время как во Франции существовала широкая база для строительства железных дорог, на Востоке будет иметься лишь узкая база. Один железнодорожный батальон может за день перешить до 20 км железнодорожного полотна с русской на немецкую колею...

4.3.1941 г. 9.00–11.00. Участие в совещании у генерал-квартирмейстера. Разыгрывалась военная игра, касающаяся организации снабжения группы армий «Юг». Не следует недооценивать трудности, которые возникнут при переводе всей группы армий на снабжение горючим из Румынии...

5.3.1941 г. ... Вагнер (генерал-квартирмейстер) представил на утверждение проект распоряжения ОКБ об организации администрации в оккупированных областях на Востоке. В тылу наступающих войск должны быть организованы комиссариатские управления, которым будут приданы командующие оккупационными войсками. Требования главнокомандующего сухопутными войсками должны быть удовлетворены, но в остальном необходимо следить, чтобы войска не оказались обременёнными административными задачами. Особые задачи рейхсфюрера СС...

Глава 2

Самое невыносимое в жизни заключённого – не голод и непосильный труд, не постоянные стычки с блатными, даже не мороз, хотя Р. Амундсен говорил, будто единственное, к чему не способен привыкнуть человек, – это холод. Самое скверное – невозможность ни на миг остаться одному. Но на втором месте по праву должна стоять постоянная мутная серость вокруг.

Небо в низких облаках свинцового цвета, похожих на потолок барака. Грязно-серые строения, просто грязные телогрейки эсков. Даже снег здесь не кажется белым, он словно присыпан мелкой пылью. Это потому, что солнце не показывается неделями и месяцами. От этого люди впадают в тоску, постоянно вспыхивают перебранки и драки, некоторые бросаются даже на надзирателей, что равно самоубийству.

Чтобы выжить, надо либо превратиться в автомат, сосредоточенный на более чем скромных событиях текущего дня: хорошей или плохой деланке, попытке урвать горбушку, а не средний кусок, откосить от особо тяжёлой работы. Или научиться думать о чём-то отвлечённом: особенностях строфы в байроновском «Дон Жуане» – в английском, естественно, оригинале; исследовании мнимых математических величин и сопоставлениях их бытия с социальным существованием индивида в стране победившего социализма. Или анализе стратегических и тактических перипетий нынешней Мировой войны.

Сергей Марков, бывший комкор РККА по званию, начальник штаба армии по должности, герой Гражданской войны, кавалер ордена Боевого Красного Знамени с розеткой за номером 13, а ныне эск СТОНа, Соловецкой тюрьмы особого назначения, поплевал на ладони и привычно обхватил рукоятку двуручной пилы. Другую рукоятку сжимал бывший же полковник Владимир Лось. Он дослужился только до начальника особого отдела корпуса. Но это не мешало ему быть главным в их паре на лесоповале.

Лес валить им пришлось в местах очень, очень странных, не похожих ни на одно исправительно-трудовое учреждение необъятной Советской державы.

После расформирования знаменитого лагеря на его месте вдруг возникло это не пойми что. Вроде и лагерь, но уж слишком мало в нём заключённых, едва несколько сотен. И попадали сюда не по суду, а по решению Особого совещания, часто – заочному. Вызвали человека для беседы в свой же отдел кадров, а комкора – в штаб округа на экстренное совещание – и тут «на» ему «постановление» в зубы. Восемь лет лишения свободы без права жалоб и апелляций. Под шифром «КД», то есть контрреволюционная деятельность. Хорошо без одной или даже двух «Т» – «контрреволюционно-террористическая», «контрреволюционная троцкистско-террористическая». К этим литерам обычно «высшая мера» прилагалась, с «приведением в исполнение немедленно». То есть времени на приведение мыслей в порядок и покаяния (если есть в чём каяться) – только пока до «места исполнения» доедут.

И в самом СТОНе жизнь складывалась не по-обычному. Человек мог оказаться на том же лесоповале, жить в бараке, устроенном в бывших монастырских скитах посреди бесконечной тайги, и вкалывать от подъёма до «пока начальник скажет». А мог устроиться совершенно непредставимым образом. Зависимо от шифра на обложке личного дела, но уже другого, чем на «постановлении». Этот шифр в другом месте рисуют.

Комкору с полковником не повезло.

«Вжик», – сказала пила, вгрызаясь в толстую кору. Руку к себе, отпустить. Руку к себе, отпустить. Через десять минут оба вспотели, несмотря на мороз. Февраль на Соловках – месяц сугубо зимний.

Лось, не прекращая работы, огляделся. ВОХРы – конвоиры устроились по углам вырубки, завернувшись в тулупы и прижав к груди винтовки с примкнутыми штыками. Значит, можно разговаривать, если не нарушаешь однообразный ритм движения стального полотнища.

Ещё одна странность – нормы выработки здесь никого не волнуют. Главное – чтобы не бездельничали, а так даже нарядчика не имелось, чтобы поваленные хлысты обмерял, погонные метры и сантиметры в «кубики» переводил.

Здоровенный, двухметровый Лось, мерно двигая ручищей, снова возвращался к теме, которую они обсуждали последний месяц.

– Ты же стратегию изучал, – бормотал он, чтобы никто не мог услышать. – Гудериана «Panzerkrieg» читал. Они ударят танковыми колоннами, да при приличной поддержке с воздуха, Павлов сразу до старой границы полетит. А там вооружения вывозить начали, когда я еще на воле был. Доты взрывали, никак разрушить не могли. Ну, Павлов известный мудака, а эта сука рябая в Кремле вообще ничего не понимает?

Марков молчал. Возразить было нечего. Вчера подвезли новую партию с воли. Среди «свежих» оказались три полковника из наркомата и целый генерал-лейтенант, не успевший обмять свежевведённые лампасы.

Ночью чуть слышным шёпотом они рассказывали о небывалой концентрации немецких войск на новой границе, о том, что с нашей стороны поезда идут так плотно, что собаке не удаётся перебежать через рельсы. Каждый третий – с железной рудой, хлебом, мясом для немцев, согласно договору. Остальные два – бойцы и вооружение. Но танки выгружаются без горючего и боезапаса. А бензин и снаряды, в свою очередь, выбрасывают совсем в других местах, в чистом поле, где только планируется строить «базы снабжения». Командование дивизий почему-то оказывается в сотне километров от личного состава. Вперемешку занимают «указанные районы» полки не только разных дивизий, даже разных корпусов. Особенно это касается «механизированных». Танковая дивизия, скажем, Восьмого мехкорпуса – в Луцке, а мотострелковые, с которыми она должна общие задачи решать, – одна под Львовом, другая в Ровно. Боевые самолёты располагают чуть ли не на контрольно-следовых полосах границы. И на весь этот бардак постоянно любуются асы люфтваффе. Им зайти в наше воздушное пространство легче, чем в пивную «Бюргербройкелле».

Прав Лосяра: если гансы попрут так, как нарисовано в схемах-приложениях к «Танковой войне», между прочим изданной на русском языке пару лет назад, будет такой пожар в заведении тёмной ночью во время наводнения, что... Володя всё-таки не штабной, потому он полагает, что попрут нас только до старых рубежей. На самом деле, как бы не пришлось на берегах Днепра и Буга окапываться. С французами вон как получилось, а тоже в Великих державах числились.

Полотно двуручной пилы с трудом грызло двухобхватный ствол. Её звук складывался в слова: панцер криг, панцер криг.

Вечером в бараке (это только называется – барак, на самом деле каменный, с полутора-метровыми стенами корпус, где раньше монахи обретались) было шумно и весело. Блатные устроили «прописку» новичкам.

Поначалу уголовники надеялись подчинить себе весь лагерь. Тем более что начальник СТОНа Васильев почти открыто поддерживал воров и убийц. Всё-таки они – не классово чуждые «враги народа», которые по пятьдесят восьмой. Почти свои люди, ну, чуть оступились на трудном жизненном пути. С кем не бывает. Сложись по-другому – сидели бы не в тюрьме, а в наркомовских креслах.

«Политические», в основном бывшие «краскомы» и ребята из гражданских помоложе да поотчаяннее, в свою очередь быстро объединились под руководством старшего по званию – Маркова, поставив на место блатных после десятка ожесточённых драк, в которых крими-

нальная шваль понесла тяжёлые потери. Кулаками, стенка на стенку, воры не очень-то любят биться. Затоптать всей кодлой одного-двоих, «пёррышком пощекотать» или бритвой «пописать» – это шпана умела и уважала. Но вести регулярные битвы с обученным противником? Себе дороже.

Те побоища блистательно подтвердили правоту великого теоретика военного дела, стратега-диалектика Фридриха Энгельса, когда тот объяснял причину наполеоновских побед в Египте. Один мамелюк всегда побеждает одного французского солдата, три мамелюка будут сражаться с тремя галлами на равных, но взвод регулярной армии при любых условиях наголову разобьет такое же количество мусульманских командос. Дисциплина и выучка – великая сила и самое надёжное обеспечение перехода количества в качество. Добавить здесь следовало только одно: блатари не воины, и кадровый военный без вариантов давил вора.

Постепенно установилось неписаное соглашение. Шпана не трогала «политиков» из военных и к ним примкнувших. Зато в компенсацию над «ничьими», «нейтралами», пуще урок боявшихся, что лагерные опера припают им создание ещё одной «преступной организации», шпана изгалялась по полной программе. Марков с товарищами с трудом сдерживались, играли желваками. Но вмешиваться остерегались, чтобы не нарушить достаточно хрупкое «равновесие», если можно так выразиться. «Кум», то есть начальник тюремной оперчасти, прямым текстом изложил, что «самооборону» допускает, но устанавливать в «его тюрьме» власть «врагов народа» не позволит.

Шаг вправо, шаг влево, и новые сроки будут уже не детскими – так он прямо и сказал. А что? Отправить в областную «тройку» представление, которое там подпишут не глядя, – раз плюнуть.

По всему видно, начальство само «обострять» не хочет, но подходящим поводом наверняка воспользуется. Начальник Васильев ждал только сигнала от «корешей».

Куцый, Виктор Куцубин, «авторитетный» вор, «державший» занятую на «общих работах» часть тюрьмы – в остальные корпуса ему хода не было, – с удовольствием пошёл бы на стогвор с «кумом», поддержал бы «власть соловецкую». Останавливало его только одно – многие кореша, причём из самых серьёзных и деловых, не поймут, объявят «ссучившимся». А с таким клеймом долго не живут ни в зоне, ни на воле.

Марков и Лось молча прошли к своим нарам. Здесь уже собралась вся их «гвардия», косясь на ту половину барака, где урки чувствовали себя «в своём праве». Туда и перегнали всех свежеприбывших штатских, человек десять. Они толпились в широком проходе между шконками, ждали решения своей участи.

Перед вальяжно восседающим на своей койке, покрытой аж тремя почти новыми матрасами и хорошим одеялом, Куцым стоял темноволосый небритый человечек в очках-велосипедах. Одет он был в огромные, постоянно сползающие ватные штаны и грязную стёганку третьего срока. На ногах – худшие из тех, что нашлись на складе, опорки. Ясное дело, каптёр тоже из блатных, придел беднягу.

– За что, за что, говоришь, тебя посадили? – переспрашивал пахан.

– Я же пытаюсь вам объяснить, – отвечал очкарик. – Я опубликовал работу о некоторых свойствах мнимых величин в геометрии. Где-то сочли её не отвечающей положениям марксистской науки... «Совещание» дало пять.

Шпана заржала. Только «шестёрка» Куцего, костлявый и верткий, как змея, Косой Лыцарь, дергал соседей за рукава: «А чё вы? Чё за мнимые такие?» Лыцарь был красавец. Один его глаз смотрел на Кавказ, а другой на Арзамас, заячья губа открывала жёлтые передние зубы. Из школы он сбежал, просидев три года в третьем классе, прибил к домушникам. Благодаря худобе, мог пролезть в любую форточку. Когда подрос, квалификацию потерял, а освоить какую-либо «серьёзную» воровскую специальность не смог из-за крайней тупости. Попадался на всём и сразу, отчего к двадцати пяти годам имел уже семь ходок, правда по пустячным ста-

тьям. Единственное, за что ценил холуя Куцый, – преданность и виртуозное владение ножом и заточкой.

Когда гогот затих, Куцый снова обратился к новичку: «Не звезды. За геометрию даже у нас не сажают. Правду говори, рожа нерусская. На постановлении буквы какие?»

– Я никогда не лгу, – с достоинством возразил человек. – Дело в том, что, если рассмотреть геометрические мнимости в философском плане, особенно вспомнив теорию клина-мена...

Урки снова закатились от хохота.

– Какого-какого клина? – переспрашивал маленький, толстенький и благообразный мошенник на доверии Мика.

– Хрена мента, – брызгая слюной, пояснял Костя Сербиянин, огромный блондин, мотавший срок за групповой разбой.

Дождавшись, пока веселье затихнет, Куцый встал. Невысокий, худощавый, он протянул руку, снял с «интилихента» очки, плюнул на одно стекло, собрал слюну, харкнул на другое, снова водрузил оптику на нос хозяина и провозгласил:

– Значит, так. Назначаю тебя петухом. Место определяю у параши. Срок у тебя маленький, загнуться не успеешь.

– Петухом... – протянул кто-то в толпе шпаны. – Об его мослы весь инструмент поломаешь.

– Откормим, – отрезал пахан и размахнулся, чтобы от души вмазать по физиономии жертвы. Просто так, для науки.

– Стоять! – «командным» голосом, в котором даже в метель отчётливо разбирала каждое слово выстроенная на плацу дивизия, рявкнул Марков и двинулся на вражескую половину барака. Нервы наконец не выдержали. За ним, поводя широченными плечами, как бы разминаясь, шагнул Лось. Уголовники недовольно заворчали, как псы, у которых отбирают недогрызенный мосол.

– Слушаю, ваше благородие, – издевательски поклонился Куцый.

– Хочешь новый анекдот? – спросил Сергей.

– Ну.

– Приводят в камеру к таким, как вы, мужика. Не то тракториста, не то какого ещё пахаря. В лаптях, с узелком. Деревня. Босота на него смотрит. Мужик говорит вежливо, мол, здравствуйте, господа душегубы. Вы, небось, мне сразу кличку дадите. Главарь, такой, вроде тебя, отвечает: «Ага. Петух твоя кличка».

– Небось, место мне определите, – продолжает пахарь.

– У параши, – показывает смотрящий.

Мужик сел, куда разрешили, спрашивает: «Можно, я поклюю, чего Бог послал».

– Ну, поклюй.

Новенький узелок развязал, сало с хлебом жуёт. Пахан интересуется: «И что же, петух, ты дальше делать будешь?»

– А вот сейчас доем, и вас, курей, ... топтать буду.

Марков сделал паузу после заключительных слов. Кто-то из блатных нервно хихикнул. Остальные молчали.

– И что ты, служивый, этим анекдотом сказать хотел? – медленно процедил Куцый.

– Отстань от человека, – вполголоса проговорил Сергей. – Даже по вашим законам просто так никого «петухом» назначить нельзя. А он не ваш...

– Почему? Раз он не ваш, значит – наш.

– Пока он ничейный. По какой статье вас приговорили? – повернулся к математику Марков.

– Никто меня не приговаривал. Пять лет через особое совещание.

- Литеры какие?
- Буквы у меня – «АА»...

Это означало – «Антисоветская агитация». На «А» было ещё и «АД» – «Антисоветская деятельность». Это уже похуже, но мягче «Контрреволюционной». С фантазией люди в НКВД, или где повыше, трудились.

– Вот видишь, – сказал Куцему комкор. – Статья политическая. Значит, наш.

– Опять нарываешься, солдатик, – ощерился вор. – Ну, не обижайся! – Резко повернувшись к блатным, он истерично заорал неожиданно пронзительным, визгливым голосом: – Братва, он нас опустил! Все слышали, что как курей нас всех вы... вытопчет! Такой базар не прощают. Бей его, братва!

За спиной Маркова между шконками змеёй мелькнула гибкая фигура. Блеснула заточка, направленная точно под лопатку Сергея.

Лось, вроде бы скучающе слушавший «разборку», стоя в двух шагах позади напарника, с разворотом ударил ногой назад. Словно как конь лягнулся. И с той же примерно силой. Косой впечатался в кирпичную перегородку с нехорошим звуком. Даже пискнуть не успел, обмяк тряпичной куклой. Из рта появилась струйка крови.

Блатные толпой кинулись на Маркова с Лосем, у кого-то ещё в руках появилась финка. «Политические» со своей стороны рванулись навстречу. В воздух взлетела табуретка. Ещё минута – и в тюрьме, пожалуй, уголовный контингент сильно бы подсократился.

Громыхнула широченная монастырская дверь, окованная железными полосами – советской власти тратиться не пришлось, – в помещение ворвались не меньше десятка коридорных и стрелков наружной охраны, эти даже с винтовками, что категорически запрещалось Уставом и многочисленными инструкциями, – с огнестрелами в зону ни ногой. С палками, плётками – это пожалуйста, но с оружием – ни-ни! Даже начальник в предзоннике свой наган оставлял.

Охранников возглавлял самый страшный, наверное, человек из всего руководства СТОНа – начальник культурно-воспитательной части Успенский. Должность у него была ничтожная, но как-то так он себя поставил... Поговаривали, что совсем недавно он целым Главком управлял, да провинился чем-то. Не то лизнул кого не надо, или не на того гавкнул. При «пересменке» власти в НКВД много таких оказалось – расстреливать не за что, на должностях сохранять – другим место надо. И поехали бывшие начальники по дальним лагерям и глушайшим из глухих райцентрам. Так что в какой-то мере Успенский с Марковым – товарищи по несчастью. И с того ромбы сорвали, и с другого, один в тюрьме, и другой там же. Но «два прихлопа, три притопа» даже много чего повидавшие профессионалы тюремного дела считали садистом. Он, наверное, и «на воле» такой был, но понижение сразу на четыре звания, из старших майоров в лейтенанты¹, его особо озлобило.

– По нарам все! – истерически заорал он и бросился вперёд, расталкивая и уголовников и политических. Локтём крепко врезал по зубам подвернувшемуся на пути Куцему. Как белый медведь зазевавшуюся нерпу, он выдернул из толпы за ворот «интеллигента» и швырнул его в сторону двери. Силы у него было – дай бог каждому. Там «математика» сразу окружили, закрыли собой «корпусной» с «выводными».

– Слава богу, живой, сука, – прорычал Успенский, вытирая пот со лба, и, обернувшись к экам, скомандовал: – Всем на места. И сидеть тихо. Малейшая буза – урою всех. Никто ничего не видел, ничего не слышал!

Если начальник культурной части обещал, что «уроет» (любимое словечко), то обещание сдерживал всегда. «Урою» могло обозначать всё, что угодно, от двух недель в неотапливаемом

¹ В системе НКВД и Госбезопасности система персональных званий отличалась от армейской. Так, «старший майор госбезопасности» носил те же два ромба, что и комдив, а «лейтенант ГБ» – одну «шпалу», как капитан или старший политрук.

«Блоке усиленного режима» до «вышки». Чтобы на самом деле расстреливали, свидетелей не было, но люди из зоны исчезали бесследно.

Успенский махнул рукой. Очкарика вывели.

НачКВЧ уткнулся взглядом в Маркова.

– Кто первый начал?

Сергей промолчал, не отводя глаз.

– Молчи, молчи, только носом не сопи, а то нарвёшься. Ты у нас христосик, за слабых заступаешься. Ну, сегодня счастлив твой бог, Марков, – проговорил Успенский. – Сегодня. А вообще будешь бузу затевать... – хотел повторить свою стандартную угрозу, да отчего-то передумал.

Повернулся к Куцему и хлёстко ударил обратной стороной ладони по губам. Не сильно больно, но зверски обидно. Особенно – на глазах кодлы. Наедине, в кабинете – другое дело.

– Ещё раз без позволения попрёшь, куда не просят, – урою! – здесь слово было сказано.

Успенский повернулся и, поскрипывая сапогами – сапоги всегда носил фасонные, и по улице в них ходил, хоть какой мороз, – вышел из барака.

Марков постоял ещё с полминуты, обводя глазами уголовников, остановился взглядом на пахане.

– Усёк, падла?

Повернулся к Лосю.

– Володя, найди мел, проведи вот тут черту, – он указал на то место, где стоял. – Кто перейдёт без спроса – пусть не обижается.

Повернулся и пошёл к своей шконке.

– Ну, подожди, сука, – почти бесшумно прошипел Куцубин. – Ох и сочтёмся...

Авторитет его сегодня пошатнулся очень сильно, и надо было срочно что-то придумать.

Двое воров подошли к так и валявшемуся на полу Косому.

– Живой?

– Да чуток живой.

– Бери. До больнички понесём, чего в бараке подыхать...

* * *

С полки одного из хранилищ так называемого «Особого сектора» специально на то поставленный сотрудник, отвечающий только за одно направление работы, снимает папку с личным делом комкора Маркова. Папка ложится на тележку, поверх стопки подобных же папок, картонных и дерматиновых, потолще и потоньше, завязанных кальсонными тесёмками. Некоторые начаты недавно и вмещают десяток страниц, другие уже пожелтели, разбухли, регулярно ведутся с начала двадцатых годов.

Должным образом зарегистрированные в приёмной, папки в положенный час ложатся на приставной столик в кабинете Генерального секретаря.

Руки со стариковскими пигментными пятнами не спеша развязывают тесёмки. С фотографий смотрят лица «изъятых», но не расстрелянных пока представителей высшего состава, совсем недавно – «непобедимых и легендарных». Тех, про которых, согласно песне, «былинники речистые ведут рассказ». Точнее, вели, пока сами не сели.

Попадают среди них интеллигентные лица «бывших», но большинство напоминают сверхсрочных унтеров или провинциальных городских. Иосиф Виссарионович досадливо морщится, пристально всматривается в глаза подследственных, пробегает собственноручно написанные автобиографии и листы «объективов», не глядя, пролистывает протоколы допросов и бережно подшитые доносы.

Перед глазами вождя проходят разные жизни с единым для всех на данный момент финалом. Скучно обставленный казённой даже по виду мебелью кабинет. Письменный стол со столешницей, обтянутой чёрным дерматином. Деревянные только поля по периметру. Огромный сейф. Прикрученный к полу табурет перед столом. Венский скрипучий стул по другую сторону. Следователь в форме НКВД, звание небольшое.

Перед ним видна спина высокого мужчины в гимнастёрке дорогого сукна, выдающего принадлежность хозяина к высшему командному составу.

– Что вы себе позволяете? – слышится возмущённый голос. – Да я член партии с 19 ... года! Да мне сам Фрунзе ордена вручал! Я с товарищем... – сказать, с кем именно знаком, арестованный не успевает. Следователь с размаху бьёт его по зубам, сбивает с табурета, вбежавшие конвойные держат комдива или командарма за локти, пока следователь почти сладострастно обрывает с его воротника петлицы, потом заставляет самого отвинчивать ордена (мало у кого столько силы в пальцах, чтобы с мясом их выдрать из добротной ткани. Это только в кино так показывают).

Для кого-то разговоры с дознавателем закончились подвальным коридором, смертной тоской от услышанного щелчка: конвойный взвёл курок казённого нагана. Впрочем, их личные дела на полках архива никто с тех пор не тревожил. Сталину нужны другие, для кого финалом, может быть, еще не окончательным, стали коллективные гробы барачников или тюремные одиночки.

Просмотрев, Иосиф Виссарионович отбрасывал папку то налево, то направо. «Левые» громоздились на столе неаккуратной горкой, их скоро заберёт Поскрёбышев, бросит опять в тележку и увезёт, обрекая папки на архивный прах, а людей – на лагерную пыль. «Правые», их немного, штук шесть или семь, «Хозяин» откладывал аккуратно, даже поправил корешки, чтобы не торчали. Была в этом некая гротескность, или – аллегория. Мол, как с мёртвыми картонками, так и с живыми людьми будет. Над их судьбами ещё помаракует бывший абрек и большевистский боевик Коба, постоянно советуясь со старшим товарищем – вождём всех народов, мудрым политиком и государственным деятелем, лучшим другом всех достойных людей СССР, от свинарки и пастуха до великого пролетарского писателя, – Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

* * *

Успенский вернулся в барак в пять утра, за час до подъёма. Под потолком горели тусклые «лампочки Ильича». Они с трудом разгоняли мрак и туман от испарений сотни тел, раз в неделю моющихся и меняющих портянки. Четверо коридорных, теперь без оружия, стали у входа, ещё столько же топали сапогами вслед за начальником. Остановились на условной, обозначенной Марковым границе. Углубляться в узкие проходы между ярусами шконок никому не хотелось. И воняет сильнее, и мало ли что кому-нибудь из заключённых спросонья в голову взбредёт. Не поймёт, кто перед ним, и ткнёт заточкой. Сколько в лагере шмонов ни проводят, иногда и по два раза в день, а острые железки не переводятся. Кого в БУР сажают, кого в карцер – и всё без толку.

– Суки, не спится им, проверки дожидаться не могут, – матернулся Лось, поднимая голову, а начальник словно услышал.

– Заключённый Лось, – проорал Успенский, – ко мне!

– Вот падаль! Какого ему надо? – сплюнул тот и спустил ноги с верхней шконки. Прямо босиком, но в ватных штанах (редко и мало топят в корпусе) вышел в проход, доложил как положено: – Заключённый такой-то, литер Особого совещания такой-то, начало срока – с такого-то числа...

– Собирайся. С вещами. – Успенский махнул рукой по направлению к двери.

Краем глаза Марков увидел, как оживились, зашептались уголовники. В голос говорить при начальнике КВЧ не положено. Только если сам чего спросит. Решили, небось, что за Косого полковника в БУР забирают. А без него достать Маркова проще будет. На той же делянке поленом по башке, с понта падающим хлыстом зацепило. А Куцый зря языком не ляскал: сказал – сделает.

– Заключённый Марков, – вызвал начкульти части следующего. – С вещами.

По отсеку уголовников прошелестел вздох злобного разочарования.

Но стояли тихо, вытянувшись у своих коек. С тревогой ждали, кого следующего дёрнут.

Марков перевёл дух. Снова вместе будут. Одному оставаться с этой кодлой ему не улыбалось. Правда, если на «политиков» лагерное начальство собралось повесить вчерашнюю драку, объявив их зачинщиками... Или Косой в больничке сдох. Хилый, гадёныш. И что, судить будут, за «лагерный бандитизм»? Тут статья уже уголовная, но на лишнюю десятку тянет. Задумаешься, а стоило ли за того непонятного очкарика так «подписываться»? Можно было бы поаккуратнее «поговорить». Урки, какие ни есть, а только урки, а вот почти все СТОНовские «начальнички, ключики-чайнички» были истеричными садистами. Гайку сорвёт, так и начальник не брезговал зёков до крови резиновым шлангом «охаживать». Лишний раз попадаться им на глаза не хотелось даже вохрам.

– Куцубин, сюда же! Без вещей.

Это уже интересно.

Сразу съёжившийся, втянувший голову в плечи Куцый подошёл, приволакивая ноги. Так они не договаривались, начальник не запрещал барак «держат», как вор считает нужным. Что-то не туда пошло...

Успенский не дал пахану рот раскрыть, пронять обычное: «За что, гражданин начальник?»

Лось с Марковым наскоро покидали в холщовые мешки свои жалкие пожитки. За спиной каждого стали по двое коридорных, и вперёд.

Только в круглом зале перед дверями на улицу военных подтолкнули к выходу, а Косого повели дальше, в сторону лестницы на второй этаж. Там и оперчасть, и КВЧ тоже.

Во дворе зэки с наслаждением вдохнули морозный, но удивительно чистый после липкого киселя барака воздух. В чёрном небе над куполом собора – кресты с него давно сбиты – повисла почти полная луна, окружённая светящимся кольцом. Гало называется. Значит, к утру ещё похолодает, и сильно.

Почему-то конвоиры направились не к зданию администрации лагеря, а к банному барaku. Здесь уже было жарко натоплено, но безлюдно. Похоже, помывку устраивали только для Лося и Маркова. Успенский, ничего не говоря, сопровождал командиров лично, до самых дверей, как очень важных персон. И выглядел несколько странно без своей неременной грубой и неостроумной матерщины, словно персонаж звукового фильма, в котором звук отключился.

В предбаннике приказали раздеться. О, чудо: толстый каптёр разрезал суровой ниткой пополам целый кусок хозяйственного мыла. Потом он разделил половину ещё на две части и выдал Владимиру и Сергею аж по четвертушке куска на брата. За все три года и семь месяцев хождений по мукам с такой щедростью заключённые не сталкивались никогда.

– С чего бы это? – тихо, одними губами шепнул Марков.

– Может, усатый подох? – с надеждой прошептал Лось.

– Ага, персонально для нас двоих, – отозвался Сергей.

Они с наслаждением плескались горячей водой. Почему-то никто не подгонял. Охрана вместе с каптёром терпеливо ждала снаружи.

Когда командиры вышли в предбанник, они увидели, что зёковские роботы исчезли. Вместо них на деревянных скамьях лежали комплекты солдатского обмундирования – х/б, но новые и,

что самое удивительное, по размеру. Даже нестандартные габариты Лося были учтены. Гимнастёрку бугрили могучие мышцы, но рукава доходили до ладоней, и воротник удавалось застегнуть, как положено по уставу, на крючок.

Здесь же оказались армейские шапки, хотя и без звёздочек, валенки и командирские овчинные полушубки.

– Чудеса продолжаются, – почесал в затылке Марков.

– Сказка, – согласился Лось.

Охранники отвели их в кабинет Успенского. Начальник культчасти сообщил, что «поступила команда». Сейчас «граждан заключённых» доставят на аэродром. Там их дожидается самолет «ПС-84»², который отвезёт их в Архангельск, в распоряжение тамошнего управления НКВД. Говорил он спокойно и опять без мата. Возможно, таким он бывал на своей прежней службе. Закончил и молча протянул Маркову пачку дешёвых папирос «Норд» и коробок спичек.

– Погреетесь там... Без табачку и жить и помирать тошно.

Командиры выслушали двусмысленную сентенцию и приняли угощение молча, с равнодушными, даже туповатыми лицами. Главный принцип выживания в Зоне, да и вообще в стране – не верь, не бойся, не проси – превратился во вторую натуру почти каждого зэка. Кто этого вовремя не понял, давно в могилах без крестов и даже фанерных пирамидок. Опытный сиделец в самом начале поучал Маркова: «В лагере кто первым подыхает? Кто миски лижет, на больничку надеется да «куму» стучит...»

Но едва они оказались в замороженной коробке автозака – вдвоём, даже конвоиров к ним не посадили, – Володя развалился, насколько это было возможно, на узкой железной скамейке, тянувшейся вдоль стенки фургона, забросил длинные ноги на противоположную, вскрыл пачку, сунул в зубы папиросу, остальные протянул Маркову. Чиркнул спичкой, затянулся, выпустил дым. Ох, хорошо! В фургоне действительно как бы стало теплее.

Марков тоже закурил.

Лось затянулся ещё раз, спалив папиросу почти до мундштука, и спросил: «Ты обратил внимание, как он обратился: «Граждане заключённые»? Тебя с момента ареста когда-нибудь кто-то гражданином обзывал?»

– Сукой постоянно, предателем, изменником, лагерной вошью, сволочью, – стал припоминать Сергей. – Матерно, естественно, лаяли. Но гражданином – никогда.

– И к чему это всё клонится, как ты думаешь?

– А папиросы к чему? Хоть одной он когда кого угостил?

– Да, в зубы давал, но без огня и дыма, – сострил полковник.

– Может, везут на следствие. Ещё кого из наших взяли, лепят новое дело, вроде как с Тухачевским... – предположил Марков.

– Ага, как же. Если б так – сначала за вчерашнее рёбра бы переломали, а потом этапом, малой скоростью. Это раз. Второе – если бы везли на следствие, на хрена мыть, переодеть, куревом угощать? Таких клифтов, как этот, – он ущипнул рукав полушубка, – самому старшему нарядчику хрен приснится. Третье – положено двух зэков без охраны в будку сажать? Четвёртое – самолётом повезут. Кому мы, на хрен, в ОблУНКВД сдались так срочно? Мы, как осуждённые, за Гулагом числимся. А у них своя оперчасть. Допросить о чём и у «кума» бы могли, ответ по телефону передали. Нет, чует моя душа, тут совсем другая песня. Сдаётся, до этого упыря усатого дошло, что кровавая баня приближается, как кнут к заднице. А воевать, точнее, командовать толком и некому. Кого не посадили и не расстреляли, Халхин-Гол с Финской сильно проредили. Потери, я слышал, в пересчёте на мягкую пахоту там получились, как

² «ПС-84» – тщательно переработанная и улучшенная копия американского «Дугласа». С 1942 г. обозначался «Ли-2».

при форсировании Сиваша. Так что привезут нас в округ, дадут каждому капитана... – Марков вскинул голову, обжёг друга каким-то недобрым взглядом.

– Ну, ладно, ладно. Мне – капитана, тебе целого майора, – поправился тот. – Тебя поставят на батальон, меня – на роту. И отправимся мы кровью смывать вину в первых рядах защитников социалистического Отечества. И слава богу! Ремесло мы знаем, поставленные задачи выполнять умеем. Лучше погибнуть в бою, чем сгнить от культурных мероприятий гражданина начальника Успенского, чтоб его, суку, заставили «Капитал» наизусть выучить. К утренней поверке.

– Что-то ты размечтался, – тихо сказал Сергей. – Я заметил, что любые перемены – только к худшему. Как бы нам ещё не пришлось суку Успенского вспоминать словно лучшие дни нашей жизни.

– Брось. Хуже нашего вчерашнего положения – только стенка. А раз не шлёпнули, значит – поворот к лучшему. Вот ты, комкор, – хитро улыбнулся бывший особист, – за полчаса ни разу не почесался. Это ли не в кайф? И закурим мы сейчас ещё по одной, а захотим, потом по третьей. Красота, кто понимает. А на самолёте я последний раз в тридцать шестом летал, решил с понтом с одной подружкой из Москвы в Сочи прошвырнуться...

– Что вы думаете об этом, товарищ Лихарев?

Молодой человек в добротном, даже роскошном тёмно-синем костюме, явно заграничном или сшитом у очень хорошего портного, сидевший напротив вождя в его кабинете, пожал плечами:

– Трудно сказать, товарищ Сталин. Маловато информации.

Звали собеседника Иосифа Виссарионовича Валентином Лихаревым³. Больше десяти лет он был, как бы это правильнее назвать, внештатным или даже тайным помощником Хозяина, решая наиболее трудные, порой щепетильные вопросы. В старое время это называлось «чиновник для особых поручений при особе...».

– Хорошо, поставим вопрос по-другому, – Сталин поглаживал пальцами набитую табакком трубку. – Вы верите в существование привидений? И вообще в сверхъестественное?

Валентин задумался. Много из того, что он знал, видел, да и мог тоже, товарищу Сталину и всему ЦК показалось бы самой оголтелой мистикой и поповщиной. Семейные призраки на этом фоне смотрелись милыми домашними кошечками, создающими уют своим мурлыканьем. Но рассказывать об этом Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) его помощник не собирался.

Более того, если визит тени итальянского проходимца полутысячелетней давности не милая шуточка кого-то из «ближнего круга» – приближённых диктатора, – тогда Лихарев представлял, кто мог стоять за этой, по-иезуитски изошрённой, интригой. Эта сила вполне могла считаться и сверхъестественной, и принадлежащей к мистическим и оккультным для каждого из ныне живущих на Земле.

– Товарищ Сталин, я не только верю в потустороннее, я определённо знаю, что оно есть в этом мире и играет очень важную роль в судьбах планеты и некоторых её обитателей, – твёрдо произнёс испытанный помощник.

Вождь помрачнел, сделал жест, будто хотел швырнуть трубку в пепельницу толстого стекла. Но сдержался, с подчёркнутой аккуратностью уложил её на донышко.

– Я доверяю вам, Валентин, – глухо проговорил Хозяин, откидываясь на спинку стула. Его лицо скрылось в полумраке, растворилось в нём, только голос звучал из темноты. – Вы – не обычный человек. Каждого из соратников, – это слово прозвучало с откровенным сарказмом, – я вижу насквозь, знаю явные или потаённые причины слов или поступков. Вас я не пони-

³ См. роман В. Звягинцева «Бои местного значения».

маю. И тем не менее вам я доверяю. У вас были резоны предать и переметнуться на сторону того же Бухарчика. Или Кирова. Ещё раньше – Дзержинского, Троцкого. У «белых» вы тоже оказались бы вполне на месте. Вы этого не сделали. Больше того, вы никогда не воспользовались той громадной властью, которую я вам предоставил, в личных целях. Или лучше так – не властью, а свободой. Почему? Непонятно. И всё равно я вам доверяю. Я просил людей еще Генриха⁴ посмотреть за товарищем Лихаревым. Так или иначе им предстояло попасть в ежовые рукавицы, проболтаться они не успели бы. Они не обнаружили ничего. Установили квартиру, в которой вы часто бываете. Оказалось, обычная коммуналка, но в ней никто вас не знает и никогда не видел. Возле дома видели часто, но и только. Это само по себе удивительно. И подозрительно. Но, несмотря даже на такие странности, я доверяю вам (вождь всё время повторял эти слова, как будто хотел сам себя убедить), потому что товарищ Сталин умеет ценить истинную дружбу и верную службу.

Потому я прошу ответить прямо и честно: вы сможете обеспечить мне защиту от нечистой силы?

На сей раз Валентин ответил, почти не задумываясь:

– Если это то, что я думаю, смогу. Во всяком случае, приложу все возможные усилия.

В двадцатичетырёхместном «ПС-84» Маркова и Лось приставленные к ним четыре охранника под командованием зелёного, только из спецшколы, комвзвода охраны стрелков ГУЛАГа⁵, провели на передние места, напротив двери в пилотскую кабину. Вместо винтовок даже рядовые были вооружены наганом в брезентовых кобурах, а взводный щеголял «ТТ» в апельсиновой коже. Марков с усмешкой подумал, что в вязаных перчатках этот сопляк пять минут будет тугую застёжку отщёлкивать и весь конвой они успели бы передуть голыми руками. Сам Марков много лет изучал джиу-джитсу, а Лось просто кулаком с одного удара способен был вбить любому голову в плечи по уши.

В хвосте салона, самом безопасном в случае аварии месте, уже сидел чернявый очкарик, из-за которого произошла вчера стычка с урками. К «интеллигенту» были приставлены ещё два стрелка, и поблизости сидели двое в штатском под растёгнутыми полушубками.

Когда Маркова и Лось проводили мимо, очкарик попытался встать и раскланяться. Он тоже из лохмотьев был переодет в довольно приличный прикид. Один из охранников удержал субтильную фигуру за плечи, второй тут же закрыл его от вновь прибывших собственной спиной. Сергей успел заметить, как один из штатских наклонился к подопечному, о чём-то спрашивая. Потом он подозвал начкара и с ним о чём-то пошептался. Подбежав к командирам, комвзвод приказал сесть лицом к кабине и не вертеть головами.

– Не прост твой крестник, – почти не разжимая губ, сказал Лось. – Одного, как нас двоих, сопровождают...

– Разговоры отставить, отвернуться! – рявкнул ближний конвойный с усами, как у Василия Ивановича Чапаева. Сергей медленно, с расстановкой послал его очень далеко и крайне изошрённо. Просто чтобы убедиться в прочности своего нового положения. И угадал.

Конвоир приоткрыл рот и растерянно глянул на своего начкара.

Тот, в свою очередь, оглянулся на того из штатских, с кем только что разговаривал.

Тот, не утруждаясь словами, просто махнул рукой. Взводный засопел и машинально повторил его жест.

– Вот то-то, – злорадно сказал Лось и вызывающе ухмыльнулся.

⁴ Генрих Григорьевич Ягода, Генеральный комиссар Госбезопасности, предшественник Ежова на посту наркома НКВД.

⁵ Звание по должности сотрудника Главного управления лагерей НКВД СССР. Приблизительно соответствует сержанту госбезопасности. Персональных званий в ГУЛАГе до 1943 г. не существовало, если представители руководящего состава не переводились туда из других служб и подразделений НКВД или НКГБ.

Когда через час с лишним гудевший и дёргающийся самолёт приземлился, командиров заставили сидеть, не оборачиваясь, пока таинственного очкарика не вывели и не усадили в чёрную «Эмку».

Марков и Лось только и увидели, как легковушка рванула с места. Тогда Сергей и подумать не мог, что его судьба причудливым образом переплелась с загадочным «крестником» и вчерашним эпизодом коллизия только завязалась.

Два часа бывших краскомов вместе с конвоирами заставили ждать на морозе, прямо на лётном поле. Ну и ладно. После СТОНа это показалось почти приятной прогулкой на свежем воздухе. Тулупы и валенки это вам не ватные фуфаёвы и зёковские ботинки. Тем более что два раза вохрам приносили кипящий сладкий чай. Паче всех ожиданий, горяченьким напоили и заключённых.

Наконец Сергея и Володю отвели к другому самолёту. Это был опять «ПС-84», в распахнутом люке стоял молодой парень в сияющих сапогах, синих галифе и коричневой кожаной куртке. Слабый ветерок шевелил светло-русую копну волос над круглым улыбающимся лицом.

– Прошу, товарищи, – пилот сделал приглашающий жест. – Располагайтесь.

Товарищи переглянулись – чудеса продолжались – и, осторожно переступая громоздкими валенками по узким металлическим ступенькам трапа, поднялись в салон. Охранники остались на поле.

Лётчик заdraил вход, проводил Маркова и Лосю к настоящим креслам, рядами заполнявшим фюзеляж, и представился: «Командир корабля старший лейтенант Бесстужий». У Сергея потеплело на душе, когда он услышал фамилию первого пилота: Без стужи.

– Теперь прямо в Москву, – сообщил старлей.

– А доберёмся? – спросил Лось.

– Что вы, это же «Дуглас». Главное, не мешать ему лететь. Классная машина!

– Командир, – вмешался Марков. – Нас в Архангельск доставили на таком же. Но тот был... попроще, что ли.

– А это – экспериментальный образец, – живо отозвался пилот. – На базе исходного «Дугласа» (он упорно называл советский самолёт его «буржуйским» именем, что само по себе было чревато) сейчас сделали несколько модификаций: штабной самолёт, десантный, летающий госпиталь. Даже бомбардировщик!

Сергей смотрел в васильково-синие глаза Бесстужего, любовался наивной детской улыбкой и думал: «То ли ты – полный идиот, старлей, двум «политическим» зэкам разбалтываешь военную тайну. Зачем? Нас пристрелить проще, чем проверять. Да и проверка, мягко говоря, дебильная. Таковую даже Успенский, простая душа, слишком примитивной посчитал бы. Или тебя кто-то очень подробно проинструктировал. Кто? И с какой целью?»

Командир предложил сбросить полушубки – в салоне было тепло, градусов восемнадцать – двадцать. Марков и Лось с удовольствием сняли и валенки, Владимир наклонился, чтобы размотать портянки.

И в эту минуту из отсека перед пилотской кабиной выпорхнула молоденькая девица в обтягивающем форменном костюмчике, вроде как «Гражвоздухфлота». Поверх был надет кокетливый кружевной кипельно-белый маленький фартучек. Обтягивающая юбка не доходила до коленей сантиметра на три. Или даже на все четыре. Лось и Марков чуть не застонали в голос, увидев такое чудо.

Владимир застыл, глядя на девушку снизу вверх. Одеревеневшими пальцами он торопливо заматывал, слава богу, чистую, а то со стыда сгорел бы, портянку.

– Знакомьтесь, это наша бортовая буфетчица Люсенька, – широко улыбаясь, представил командир. Люсенька ещё шире распахнула светло-голубые огромные глазки. Ярко-алые

губы растянула обворожительная улыбка. Белокурые волосы, уложенные не модным валиком, а крупными волнами перманента, покачнулись, когда девушка сделала книксен.

Только сейчас Сергей разглядел, что росту в бортовой буфетчице – от силы метр пятьдесят восемь, а весу – килограммов сорок. Другими словами, была она миниатюрной, худенькой до полной бестелесности. И ужасно походила на роскошную куклу с прелестным фарфоровым личиком. Марков видел таких в детстве. Ими играли барские дочери. А Серый – дворников сын заглядывал в окна, чтобы увидеть, как он никогда не будет жить.

– Чем вас угостить, товарищи? – прощебетала куколка. У Лося язык прилип к гортани. И он, и Марков последний раз видели живую женщину почти три года назад. А тут такое чудо в кружевном передничке. Сообразив, что он сидит перед стоящей дамой, Володя вскочил на ноги, чуть не ударившись о багажную сетку над головой. Локоны Люси оказались примерно на уровне нагрудного кармана гимнастёрки.

– Чай, – продолжала бортовая буфетчица, – какао, кофэ. Из напитков есть водка, коньяк, сухие грузинские вина – «Цинандали», «Гурджаани», «Вазисубани». Минеральная вода «Боржоми», «Нарзан». Папиросы «Герцеговина Флор», «Казбек», «Три богатыря». Есть новинка – сигареты «Камель». Американские. Это как папиросы, но без мундштука. Горячим обедом я вас накормлю через два часа. Чтобы заморить червячка, могу предложить холодные закуски.

Выпить хотелось. И закусить тоже. И особенно хотелось попробовать американскую новинку с непонятным названием «Камель». Сергей покосился на Лося. Тот застыл, словно памятник известному самцу, не сводя глаз с фарфоровой прелести. Марков подумал: «Я кто? Командующему корпусом напиться и нажраться, как оголодавший жлоб, неудобно. Да и неизвестно, кто встретит в столице. С другой стороны, лететь долго. И ты хоть уже и товарищ, но пока ещё полный ээк. А лагерная мудрость гласит: жри, пока дают. Спустишься с небес на землю, засунут тебя снова в «воронок» с вкусной надписью «Хлеб» на борту, отконвоируют на Лубянку. И будешь локти кусать, вспоминая, как тебе предлагали, а ты из шляхетного гонора отказался».

– Давай, хозяйюшка, коньячку граммов по триста на душу. Неси пока закуски. «Камеля» тащи, – распорядился Сергей. – Спички, пепельницу. «Боржоми» пару бутылок.

Люся снова грациозно присела и скрылась в буфетном отсеке. Когда исчез Бесстужий, ошеломлённые командиры даже не заметили. Лось с минуту пялился на дверь, которая скрыла от его глаз девушку, потом бухнулся в кресло.

– Ты понял, – зашептал он, – какое чудо маленькое. Как у Есенина: «Я красивых таких не видел».

– Охолонь, – посоветовал Марков. – Ты просто живую бабу тысячу дней не наблюдал. Сейчас любая принцессой покажется.

– Одну тысячу двести сорок четыре дня, – деловито поправил Володя. – Но нет, дело не в том, – мечтательно протянул он. – Такую малышку я всю жизнь на руках носить готов. На ладошке.

Распахнулась дверь, и малышка выкатила сервировочный столик на колёсиках. Он был украшен семисотграммовой бутылкой «Греми» и двумя широкобёдрыми, сужающимися кверху бокалами; тарелочками с нарезанной тонкими ломтиками бужениной, с крабами, с золотистыми тушками шпротов. Рыбёшек украшали даже веточки зелёной петрушки!

Бутылки тёмно-зелёного стекла с этикетками «Боржоми» запотели от холода. Они позванивали, ударяясь о тонкостенные стаканы. Пирамидка чистых тарелок, увенчанная накрахмаленной салфеткой, тяжёлые мельхиоровые вилки и ножи. И в сторонке массивная пепельница зелёного стекла, жёлтая, вертикально вытянутая пачка с изображением верблюда и надписью «Camel» и спички фабрики «Ревпуть».

Вчерашние ээки, а ныне товарищи потеряли дар речи от давно забытого великолепия.

– Люсечка, присоединяйтесь к нам, – воззвал Лось.

- Не могу, не положено, – кокетливо ответила девушка.
- Для меня все яства и напитки потеряют вкус и привлекательность, – затрубил Лось.
- Правда, не положено, – уже серьёзно сказала буфетчица. – У меня могут быть неприятности. Вы этого хотите?
- Ни в коем случае, – хором заверили командиры.
- Приятного аппетита, – пожелала фарфоровая красавица и удалилась.
- Наливай, – приказал Марков как старший по званию. Густая жидкость полилась в бокалы, в ноздри ударил резкий запах. Марков обхватил посудину ладонями, собираясь, как положено, согреть благородный напиток.
- Брось, – взмолился Владимир, – не тяни.
- Они сдвинули пузатые ёмкости: «Чтоб он сдох», – прошептал Лось. Сергей усмехнулся, согласно прикрыл глаза. Выпили залпом, потянулись вилками к шпротам.
- Между первой и второй, – пробормотал Лось, разливая. Снова выпили, за то же. Приятно закружились головы. Нанизав на вилку кусок мяса, Марков отправил его в рот и поморщился.
- Ты чего? – забеспокоился напарник.
- Зубы шатаются. Целых три. На допросах недовыбили. А сейчас не то цинга, не то чёрт его знает. Бывает, жуёшь удачно. А то попадёт зуб на зуб... – Сергей приоткрыл рот, покачал пальцем верхний клык. Володя сочувственно вздохнул: «А у меня обошлось».
- Марков потянулся к иноземной пачке, заелозил пальцами по скользкому целлофану: «Чёрт, как эта дрянь открывается?» Владимир забрал у приятеля картонный кубик, проткнул обёртку зубцом вилки, содрал её и швырнул в пепельницу. Рывком оборвал плотную бумагу с угла пачки.
- Ну и запрятали, как котово сало.
- Что? – переспросил Сергей.
- Бабка моя так говаривала. Она с Кубани, там присказка такая есть.
- Лось выудил белый цилиндрик, протянул другу, вытащил сигарету для себя. Марков чиркнул спичкой, поднёс огонёк Володе, прикурил сам и закашлялся. После махры американское курево с верблюдом на пачке показалось слабым. Пришлось запить ещё глотком-другим резкого коньяка «Греми».
- Лось обнял Маркова за плечи, ткнулся губами в ухо, зашептал по-лагерному, почти не шевеля губами, чтобы не смог подслушать никто: «Я тебе даже в СТОНе «родном, навек любимом», будь он проклят, не говорил... Знаешь, о чём я мечтаю? Думаешь, о бабе? Нет! То есть, это конечно, но это не самое главное. Даже не о том, чтобы реабилитировали, честное имя восстановили. Хрен с ним, родни у меня не осталось, всех в голод выморили. Так что имя носить некому. Звание восстановить? Байда это всё, кубы, ромбы. Нет, по-настоящему я только одного хочу, одно во сне и наяву вижу. Взять эту суку усатую за хлипенькую его шейку и своими руками её свернуть. И в глаза ему смотреть: за дядьку Степана, которому заговор пришили. А у него образование три класса церковно-приходской школы, и из станицы Старо-Ниже-Стеблиевской он никогда не выезжал. За детишек, от голода пухших до смерти...»
- Ну как, товарищи командиры, – вынырнула из своего отсека Люсенька, – заморили червячка? Сейчас подам горяченького до слёз.
- Слушай, чего она нас «товарищами» называет? Даже если было «решение», ей откуда знать? – удивился уже заметно пьянеющий Лось.
- Неправильно вопрос поставлен, товарищ полковник. Откуда ей знать, что мы эки, а не возвращающиеся с зимовки руководители Главсевморпути, допустим? Одичали за год, исхудали, а сейчас спецбортом летят в Москву геройские звёздочки получать...
- А шо? Версия имеет право на существование...

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

17.3.1941 г. ... 15.00–20.30. Совещание у фюрера (с полковником Хойзингером). ...2) Операция «Барбаросса».

а) Мы должны с самого начала одерживать успехи. Никакие неудачи недопустимы.

б) Нецелесообразно строить план операции с учётом сил, на которые мы не можем с уверенностью рассчитывать. Мы можем с уверенностью рассчитывать только на немецкие войска.

Финские войска. От них можно лишь ожидать, что они атакуют Ханко и лишат русских возможности отхода оттуда в район Прибалтики...

На Румынию рассчитывать нельзя. Румынские соединения не имеют наступательной силы.

От Швеции ожидать нечего, так как мы ей не можем ничего предложить.

Венгрия ненадёжна. Она не имеет никаких причин для выступления против России. Ее интересы – в Югославии, и здесь ей будет кое-что дано.

Словаки – славяне. Об их использовании, возможно, речь будет идти позже, – когда их можно будет использовать в качестве оккупационных войск.

в) Болота в районе Рокитно, по-видимому, не являются труднопроходимым районом (!). Здесь, очевидно, армии могут передвигаться (!).

г) Группы армий «Север» и «Центр» должны продвинуться до Днепра, а затем под прикрытием его сосредоточить свои силы к северу. Захват Москвы не имеет никакого значения.

д) Группа армий «Юг». «Принципиально ошибочно наступать всюду». Прут и Днестр – такие преграды, на которых задержится любое наступление... Поэтому не следует вести никакого наступления через Прут. «Мы только отгоним русских здесь, где мы должны были бы просить их остаться».

е) Вывод: в Румынии следует ввести в действие войска лишь постольку, поскольку это необходимо для её обороны. Всё остальное должно быть использовано севернее Карпат – фронтально с дальнейшим усилением ударной группировки на северном фланге путём подтягивания новых подвижных соединений. По возможности скорее вывести танковые части из Румынии!

3) Финляндия – Швеция – Норвегия:

а) Мы не можем строить свой план на терпимом отношении Швеции к переброске войск через её территорию.

б) Оборона Норвегии недостаточна. Англичане будут вести отвлекающие атаки. Норвегия очень чувствительна: фиорды, плохие дороги.

в) На Западе опасности нет: налёты днем невозможны, вероятность высадки десантов на Западе исключена. Отсюда можно выделить силы для Норвегии (две-три дивизии).

г) Предложение Швеции: мы хотим сменить две горные дивизии в Северной Норвегии и поэтому требуем права прохода этих двух дивизий через Швецию (имущество – морским путём). Если этот путь окажется невозможным, то смена – морским путём.

д) Таким образом следует сменить одну горную дивизию. Другую дивизию следует попытаться подвезти морским путём через Ботнический залив незадолго до начала войны. Эти две дивизии должны не допустить, чтобы англичане высадились в Мурманске, и блокировать пролив, ведущий в Белое море.

4) Доклад генерала Вагнера о снабжении в целом. К этому никаких замечаний.

5) Тыловые районы: в Северной России – никаких трудностей, её получит Финляндия. Прибалтийские государства отойдут к нам со своим местным самоуправлением... Насаждённая Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена, руководящий аппарат русского государства – сломан.

В Великороссии необходимо применение жесточайшего насилия. Идеологические узы недостаточно прочно связывают русский народ. После ликвидации активистов он распадается. Кавказ позже будет отдан Турции при условии его использования нами...

Глава 3

Марков прилип к иллюминатору. Самолёт заваливался на крыло, начиная скольжение к посадочной полосе.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Сергей. – Это же не Центральный аэродром.

Владимир навалился всем весом на плечо «напарника по пиле», выглянул: «Да, на «Ходынку» не похоже. Неужто успели новый отгрохать?»

Самолёт коснулся бетонки, слегка подпрыгнул и покатил, гася скорость.

– Пожалуйста, не отстёгивайте ремни и не вставайте с мест до полной остановки аэроплана, – попросила буфетчица Люся. Несмотря на долгий перелёт, большую часть которого накормленные и слегка пьяные пассажиры проспали, она выглядела такой же сияющей фарфоровой куколкой. – Сейчас к вам выйдет командир.

Старший лейтенант Бесстужий появился, словно он ждал этих слов: «Товарищи командиры, наша машина произвела посадку в столице нашей Родины городе Москве».

Вид у пилота был усталый. Круглое лицо осунулось, даже копна русых волос как бы осела, как будто простояла пару месяцев под осенним дождём.

– Где мы сели, старлей? – спросил Лось.

– Это новый аэропорт. Внуково. В эксплуатацию его ещё не сдали, но в некоторых особых случаях он уже принимает, – объяснил летчик. Марков и Лось переглянулись. Им показывали секретный объект. Что это могло значить, абсолютное доверие или?..

Бесстужий открыл люк, выглянул.

– Вас встречают. Счастливо.

Марков шагнул на трап. Перед самолётом стояли две чёрные «Эмки». И группа товарищей, четверо в штатском, двое в форме Госбезопасности, один капитан, другой майор: три шпалы и один ромб.

Лось задержался на выходе.

– Спасибо, сокол, – сказал он Бесстужему. – Люсенька, мы с вами ещё увидимся?

Бортовая буфетчица ослепительно улыбнулась:

– Обязательно, товарищ Владимир.

Москву Марков толком не рассмотрел. Встречающие вежливо рассадили их с Лосем в разные автомобили, на задние сиденья, между людьми в одинаковых пальто и кепках. Правда, каждый из чекистов поздоровался со своим подопечным за руку. Но окна машин были наглухо зашторены, а лишний раз ворочаться зажатому между крепкими организмами конвоиров вечерашнему эзку не хотелось. Сергей глазел в лобовое стекло на пустую асфальтовую трассу, на хоровод покрытых инеем березок вдоль дороги. Потом на неизвестные ему окраинные улицы, такие же, как в любом другом городе, на автобусы и трамваи, на авто. Их стало намного больше. Теперь легковушки появлялись в поле зрения чуть не каждые пять минут.

Пешеходов было немного. Семь утра для столицы время слишком раннее. Мужчины в большинстве носили такие же, как у обитателей СТОНа, чёрные стёганые телогрейки и похожие ботинки или валенки. Для пролетарской окраины самая подходящая одежда. Женщины красовались или в таких же стёганках или в плюшевых кофтах чуть подлиннее, на головах – тёмных тонов платки. Унылое зрелище, резко контрастирующее с кадрами тогдашних художественных фильмов о столичной жизни. И снег по обочинам был грязный от копоты заводских труб и печей жилых домов.

Минут сорок езды прошли в полном молчании. Марков не хотел ни о чём спрашивать сопровождающих, а те, надо думать, имели инструкции в праздные разговоры не вступать. Только майор с переднего сиденья регулярно протягивал Маркову раскрытую коробку «Каз-

бека». Сергей не отказывался. Дым стремительно вылетал в приопущенные боковые стёкла. Иначе бы все давно задохнулись.

«Эмка» пронеслась мимо Киевского вокзала по набережной в сторону Воробьёвых, ныне Ленинских, гор, свернула куда-то в сторону «Мосфильма» и остановилась у пятиэтажного здания. Майор выскочил из «Эмки» первым, дождался, пока вылезут люди в штатском и выберется наружу Сергей.

– Сюда, – чекист показал на лестницу в полуподвальное помещение. Вывески над входом не было. – Это – гостиница для высшего командного состава НКВД, – пояснил он, пропуская Маркова вперёд.

– А отчего не РККА? – несколько дурачась, спросил комкор.

– А потому что вы пока за нами числитесь, – без улыбки ответил майор. Лицо у него было худошавое и, можно сказать, интеллигентное.

Дверь в этот «странноприимный дом» могла поразить воображение. Массивные резные филёнки из потемневшего от времени дуба, сияющая начищенной бронзой ручка. Человек в штатском с усилием, преодолевая сопротивление мощной пружины, оттянул полотнище. За тамбуром оказалось небольшое, уютное, хорошо протопленное помещение. Из-за стола, где был разложен скромный завтрак, поднялся грузный мужчина лет пятидесяти в форме сержанта госбезопасности (два рубиновых кубика на синих петлицах).

Комкор обернулся. Дверь закрылась, но Лося за ним следом не ввели. Для него, значит, своя программа. Жаль, если больше не увидятся. Спрашивать о том, куда направили друга – бессмысленно, а значит, и незачем. Система крутится, смотри, чтоб самому под очередную шестерёнку не попасть.

– Это наш гость, Пётр Акимович, – сказал сопровождающий. – Принимай как родного. Марков Сергей Петрович. По-старому комкор, по-новому пока не знаю. Наверху решат – нам скажут. Документов у него, сам понимаешь, пока нет, так что оформи как моего... сам понимаешь.

– Запишу за отделом, – понятиливо отозвался толстяк. – Проходите, товарищ Марков, я покажу ваш номер.

– На сём позвольте распротиться. Надеюсь, встретимся уже в другом качестве. Инструкции на ваш счёт у товарища коменданта имеются. Желаю здравствовать...

Майор небрежно, с несколько старорежимной ухваткой козырнул Сергею и проследовал во вновь раскрытую перед ним сотрудником дверь. На улице хлопнули дверцы, взревел мотор. Машина уехала, коротко бибикнув⁶ на прощание.

Сержант Пётр Акимович повёл нового гостя сначала по лестнице на цокольный этаж, потом по длинному, застеленному сине-зелёной ковровой дорожкой коридору. Двери в нём были только с одной стороны.

– Здесь у нас буфет, – информировал комендант. – Работает с одиннадцати до двадцати трёх. Можно попить кефирчику или чайку, перекусить бутербродиками. С тринадцати ноль-ноль до семнадцати ноль-ноль столующимся предлагают горячие обеды. С восемнадцати до двадцати одного – ужин. Не «Националь», конечно, но вкусно и питательно. Спиртное в ассортименте, но меру соблюдать надо. Особенно если кто в командировке или назначения ждёт...

Марков намёк понял. От него, честно сказать, и сейчас ощутимо припахивало.

– Цены у нас, естественно, льготные, сами понимаете, по прейскуранту одна тысяча девятьсот двадцать шестого года⁷.

⁶ По старым правилам уличного движения водитель, начиная движение, должен был подать звуковой сигнал, после чего трогаться.

⁷ В разного рода советских спецбуфетах и прочих «распределителях» цены действительно сохранялись названного года, «расцвета НЭПа», почти до самого конца перестройки, невзирая на войны, дважды вводимую карточную систему и прочие

Глянув на Маркова, «Колобок» поспешно прибавил:

– Вам пока, естественно, всё будет отпускаться под запись, до полного определения статуса. Вам скоро доставят обмундирование, портной и подгонит по фигуре. Есть у нас такая услуга. Если будет желание – можете выходить на прогулку за пределы расположения. Но имею распоряжение – обеспечить ваше присутствие в номере после девятнадцати часов. Может последовать вызов... Вот ваш номерок, пожалуйста...

Сергей хмыкнул. На круглой табличке крупно значилось: «№ 13». Суеверным комкор не был, а в свете всего происходящего вполне можно посчитать за некий знак. Или намёк.

Обстановка в комнате была не совсем спартанская, всё же «для старшего комсостава». Платяной шкаф не фанерный, а полированного дерева, кровать деревянная двуспальная, с малиновым бархатным покрывалом, письменный стол, к нему пара стульев и ещё два мягких кресла по углам. Плотные шторы раздвинуты, за ними тюлевая занавеска. Большая ванная комната с умывальником и трельяжем, ватерклозет чуть поменьше. В ватерклозетах Марков не бывал уже четвёртый год. Вообще забыл, что для этого дела бывают отдельные помещения, а не тюремные сортиры на сорок очков. Хрустальная люстра с висюльками под потолком, чёрная лампа на столе и ещё торшер с розовым абажуром у изголовья. Для командированных вышесредних чинов в самый раз. Для высших должны быть уже люксы, в две и более комнаты.

Сидеть в отведённом помещении без какого-либо занятия скучно. Отправиться на прогулку по апрельской столице в полушубке и валенках? С крайне подозрительной мордой и без документов? Даже не до первого милиционера, а до первого встречного...

Любой военный и любой заключённый одобрил бы решение, принятое Марковым: разобрать койку и покомарить, сколько получится.

Разбудили Маркова в четыре пополудни – лейтенант в неизбежной гэбэшной форме и пожилой штатский, наверное портной, вежливо постучав, вошли и начали распаковывать тючки и пакеты. Согласно «арматурной ведомости». Очень много обмундирования, кое-что в данных обстоятельствах и лишнее – летний генеральский плащ (кроме шинели), генеральские же ботинки, на резинках вместо шнурков, и к ним – две пары сапог, лаковые и хромовые. Лаковых Марков в жизни не носил, это только в прошлом году ввели, для представительности. На кителе и гимнастёрке генеральские петлицы, но пока без звёздочек. Чистый цирк! Но подгонять ничего не пришлось, все сидело как влитое. Обувка тоже соответствовала.

Марков с удовольствием влез в галифе и гимнастёрку, туго подпоясался, прищёлкнул каблуками сапог. Впервые за последние четыре года он почувствовал себя человеком.

Приодевшись, бывший комкор вспомнил о хлебе насущном. За годы тюрьмы он привык к постоянному посасыванию под ложечкой и не обращал на это дело внимания. Но тут прямо прихватило. Желудок вспомнил о недавно потреблённых деликатесах и настоятельно потребовал ещё. Причём даже допайка чёрного его явно больше не удовлетворила бы.

К удивлению Маркова, ни один из четырёх столиков в буфете не был занят. Сергею вспомнилось, что и сквозь сон он не слышал шума, обычного для гостиницы, тем более, предназначенной для командного состава. Получалось, что он – единственный постоялец?

Толстая, крайне предупредительная подавальщица принесла ему полную фарфоровую тарелку наваристого борща, салат, селёдку с луком, две здоровенные котлеты с картофельным пюре. Марков не выдержал и потребовал полстакана водки. До девятнадцати сколько ещё времени! Запив второй завтрак (или ранний обед?) крепким, сладким и горячим чаем с лимоном, Сергей вернулся в свой тринадцатый.

«временные трудности». Например, уже в начале 1980-х пачка американских сигарет стоила 30 коп. при цене «чёрного рынка» – 2 руб. 50 коп. И т. д.

Не прошло и получаса, в дверь постучал комендант.

– Звонили! – Он машинально возвёл глаза к потолку. – Машина будет в двадцать один. Прогулки отменяются. Лучше вон радио послушайте, – сержант указал на большой, как купеческий сундук, радиоприёмник в углу, за оконной занавеской, который Сергей раньше не заметил.

Этой ночью товарищу Сталину приснилось, что он летает. В далёком детстве бабушка – мамина мама – объяснила: значит, ты растёшь. Других объяснений Иосиф не нашёл ни в соннике девицы Ленорман, которым пользовалась мать, ни в скучных учениях Павлова, ни у хваленного Фрейда – в работах, которые он успел пролистать. Эти грёзы доставляли огромное удовольствие, даже большее, чем подростковые эротические сны. С годами любовные похождения перестали являться по ночам, а вот полёты в дремотном состоянии не прекратились. Правда, с возрастом они стали меняться. В детстве Иосиф парил в небе, не прилагая усилий, как облачко. На третьем десятке, чтобы подняться к солнцу, надо было разбежаться, подпрыгнуть и только тогда оторваться от земли. С каждым годом всё большие усилия приходилось прилагать, чтобы не свалиться вниз, чтобы управлять полётом. Тело тяжелело, ему становилось всё труднее подниматься к небу.

И всё же в шестьдесят два года он ещё летал во сне. Всё реже, реже, но летал. Товарищ Сталин считал эту свою способность признаком своей избранности между людьми, свидетельством особости, которая и давала право решать чужие судьбы, право на власть.

Если он взмывал к небу, когда предстояло сделать трудный выбор, Иосиф заранее знал: он примет правильное решение.

Сопровождающие за Марковым приехали другие и обращались со всем пиететом – и не удивительно: человек в генеральском кителе, скрипящих сапогах и голубовато-серой шинели с нераспоротой спинной складкой требовал совсем другого отношения, чем зэк, хотя и приодетый почище.

Но поехали опять в машине с задёрнутыми чёрными занавесками. Всё равно через лобовое стекло было видно, что «Эмка» движется к центру столицы. Когда автомобиль через Полянку выскочил на Большой Каменный мост и справа открылся во всём своём величии Кремль, у Маркова ёкнуло сердце – неужто сюда, к Самому?

Впрочем, машина могла бы через Охотный ряд поехать и на Лубянку. Но нет, поворот направо, и прямо в Боровицкие ворота.

На въезде долго и придирчиво проверяли документы сопровождающих, изучали какие-то бумаги, удостоверявшие личность пассажира, звонили по телефону, чтобы получить подтверждение, что именно Маркова, именно его, а не какого-то тёзку и однофамильца вызвали и ожидают.

Потом через покрытый недотаявшими в тени стен сугробами двор вели к неприметному крыльцу, потом вверх и по запутанным коридорам. На каждом углу стояли бойцы с винтовками. На гранях примкнутых штыков играли отблески ярких ламп.

«Ерунда, – подумал Марков, – на кой хрен в коридорах – с двухметровыми винтарями? Не в летних лагерях, чай. Я бы этого начальника охраны вздрючил. Понты перед начальством гонит. И винты, небось, все откручены, чтоб при взятии «На караул!» звонче брякало. А по делу – наганы в расстёгнутых кобурах – и хватит. А на площадках лестниц – по одному автоматчику...»

При переходе из корпуса в корпус снова изучали удостоверения сопровождающих, следили фото Маркова из тюремного дела с оригиналом. Сергей в какой-то миг отключился от происходящего, двигался, как загипнотизированный. Не прошло двух суток со времени,

когда персональным вершителем его судьбы и недостижимым начальством был начальник КВЧ СТОНа Успенский. Майор, разжалованный в лейтенанты! И вот...

В Большой приёмной Вождя лысый, коренастый и весьма вежливый, несмотря на сиплый голос, Поскрёбышев велел чекистам отправляться «в расположение», а вчерашнему ээку указал на твёрдый диван, скорее – вокзальную скамью, обитую чёрным дерматином: «Подождите, пожалуйста. Я вас приглашу. Курить разрешается. Вон пепельница». И удалился в невысокую дверь напротив.

Не прошло и десяти минут, как секретарь (вообще-то – начальник Особого сектора в чине дивизионного комиссара) выглянул из двери: «Проходите».

Подавляя совершенно не зависящую от его отношения к Генсеку дрожь в коленках, Марков переступил порог. В кабинете было полутемно. Только лампа под абажуром зелёного стекла, такая точно, как на фотографиях, бросала круг света на поверхность небольшого письменного стола казённо-канцелярского типа. Посередине лежала раскрытая папка – как бы не следственное дело комкора С. П. Маркова. Рядом с ней стояла стеклянная же пепельница, прокуренная до черноты короткая трубка, пачка папирос «Герцеговина Флор». Ещё имелся поднос с двумя стаканами крепкого чая в серебряных подстаканниках и тарелкой с десятком маленьких бутербродиков с сырокопченой колбасой.

До ужаса знакомый (и в то же время совсем не похожий на себя – плакатного) человек за письменным столом встал и сделал приглашающий жест:

– Прошу, товарищ Марков, присаживайтесь. Чайку – не откажетесь? Хороший чай, из Зугдиди. Курить тоже можно. Одолжайтесь... – последнее слово прозвучало совсем не в тон. По-старорежимному. Сталин подвинул «гостю» коробку своих папирос.

Никакого акцента Сергей не услышал. Разве только слова звучали непривычно твёрдо. Он с любопытством смотрел на Сталина. До сих пор увидеть вождя ему привелось только дважды, когда тот выступал перед высшим командным составом. Последний раз – первого мая тридцать седьмого, кажется. Тогда Хозяин был очень похож на собственные парадные портреты. Сейчас даже в полутьме было видно, что волосы и усы начали седеть. Иосиф Виссарионович казался добродушным молодым пенсионером, который собирается попотчевать соседа по даче вареньем из собственноручно выращенного крыжовника. Эта мысль неожиданно показалась Маркову странной. Какие пенсионеры, дачи, крыжовник? Чехова он давно не перечитывал, а в «настоящей» жизни ничего такого не было.

Генеральный секретарь подвинул поднос поближе к гостю, взял стакан и ближний к нему бутерброд, откусил, с видимым удовольствием хлебнул тёмно-коричневую жидкость. Почему-то Марков вспомнил беззвучный шёпот Лося: «Своими руками свернуть его тощую дряблую шею». – «А что, если бы я сейчас прыгнул, может, и успел бы...» И вдруг у Сергея Петровича возникло странное чувство, будто он уже был в этом кабинете, и Генеральный секретарь встал ему навстречу, заглянул в глаза и произнёс какую-то совершенно непонятную фразу. И накапало облегчение, и повеяло своим, добрым и дружеским...

Ерунда, конечно. Никогда не бывал комкор в личном кабинете Сталина, не могло такого произойти в этой жизни. А случилось бы, разве смог бы такое кто-нибудь забыть?

Во всяком случае, момент для броска был упущен. Не в физическом смысле, а психологически недавний зэк собраться для такого действия больше не смог. Более того, до него дошла сама неуместность подобной мысли.

– Ну, что же вы, – подбодрил Сталин. – Пейте. Очень неплохой чай, по-моему. Или коньячку желаете?

Сергей мотнул головой, потянулся за своим подстаканником, взял бутерброд, откусил.

«Буду я ещё с тобой коньяк пить. Живой отсюда выскочу – тогда и напьюсь!» – со странной рассудительностью, не идущей к моменту, подумал Марков. Попытался жевать твёрдую,

как камень, колбасу шатающимися зубами. Иосиф Виссарионович внимательно наблюдал за осторожными движениями челюстей бывшего комкора. Тихо спросил:

– Обижены на нас, на партию, Сергей Петрович?

– Не то чтобы на всю партию, но обижен, – выговорил комкор, с трудом глотая непрожёванный кусок. – На Военную коллегию в частности и лично на товарища Ульриха. – И подумал: «Ну, сказал, что хотел. А дальше что?»

– Это хорошо. Не то хорошо, что обижены. Хорошо, что говорите правду. А ведь понимаете, что мы можем за такую правду вернуть вас в лагерь. К Куцему, который очень вас ждёт. И к Успенскому. Да вы пейте, хороший чай. Настоящий грузинский. Вы – мужественный человек, товарищ Марков? – совершенно неожиданно спросил вождь, не изменив тона.

– Не знаю, товарищ Сталин. О себе трудно сказать, смел ты или труслив.

– Как же так? Вы – профессиональный военный. Под артиллерийский обстрел попадали. В штыковые хаживали.

– Боевые действия – это технология. Если знаешь её и выполняешь требования техники безопасности, почти наверняка останешься живым. За исключением неизбежных случайностей. Теория вероятности, закон больших чисел и так далее. Так что на войне надо делать то, что должен. Бояться тут некогда и незачем. Вы, Иосиф Виссарионович, это по собственному опыту знаете.

Хозяин кабинета усмехнулся, кивнул:

– И у следователя в кабинете комкору Маркову посидеть довелось. Били сильно?

– Не до смерти...

– Страшно было?

– Не совсем то слово. Когда ты в наручниках в полной власти какой-либо сволочи, сиди-ста? Мерзко. Убить хочется.

– А смогли – убили бы?

– В тот момент – безусловно.

– А показаний ни на кого вы не дали.

Вождь смотрел прямо в лицо Сергею, не мигая. И в то же время было видно, что мысли Генерального секретаря сосредоточены совсем не на собеседнике.

Марков пожал плечами:

– Врать не приучен. Даже когда... очень просят.

– Дадите честное слово... коммуниста, что, выйдя отсюда, будете нам по-прежнему честно служить? На любом месте и в любой должности.

– Лично вам или «трудовому народу», как в Присяге сказано? России?

– А есть разница?

– Для меня есть.

– Вождю. И партии этого самого «трудового народа».

Губы Сталина дрогнули в едва заметной усмешке.

– Тогда только до тех пор, пока буду убеждён, что вождь выражает волю партии и народа. А то ведь, товарищ Сталин, меня сапогами в живот и по почкам били как раз за то, что некоторые «вожди», что мне наградные листы подписывали и в партию принимали, потом не «вождями», а «наймитами» оказались...

Сталин над этими словами думал долго. Достаточно, чтобы у слабого человека все гайки отдались.

– На Троцкого намекаете? – недобрым голосом спросил он.

– На него тоже. Из его рук «Красное Знамя» принимал. Тогда везде писали – «товарищ Троцкий, организатор и вождь Красной Армии...».

– Смелый человек, – задумчиво сказал Сталин. – Очень смелый и не очень умный. Кто сказал: «Если ты говоришь, что думаешь, то думаешь ли ты?»

– Не знаю, товарищ Сталин.

– Я сказал. Ладно, оставим эту грустную тему. Я тоже одно время заблуждался насчёт товарища Троцкого. И Ленин заблуждался. Так что вам в вину поставить нельзя. Спрошу по-другому – если узнаете о чьих-то действиях во вред мне, партии, «трудовому народу», как поступите?

– Согласно Уставу, Присяге и долгу коммуниста.

– А товарищ Дзержинский говорил, что каждый коммунист должен быть одновременно и чекистом...

– Товарищ Сталин, я сделаю всё для партии и Родины и ничего против собственной чести.

– Кто написал, что опереться можно только на то, что оказывает сопротивление? – продолжая размышлять, проговорил Сталин. – Мудрые слова. Вас когда арестовали?

– Три года, четыре месяца и шесть дней назад.

– Полную информацию всё это время вы получать, естественно, не могли. Но что-то всё же просачивалось. Газеты вам давали?

– Так точно, «Правду» в КВЧ и радио в бараке два часа до отбоя.

– Как оцениваете сегодняшнюю обстановку в Европе и на наших границах?

– С Европой всё ясно. Когда Гитлер на нас нападёт, а это будет не позднее середины июля, Европа будет ему всемерно помогать...

– Откуда сроки?

– Опыт прошлой Мировой войны. Тогда начали в августе и не успели до «осеннего листопада». Сейчас возьмут форы. Но точнее смогу оценить обстановку только после того, как увижу карты, разведданные, аналитику Генштаба.

– Увидите, Сергей Петрович, всё увидите, – засмеялся Хозяин. – Сделаем таким образом: сейчас вы вернётесь в гостиницу. Вас удобно разместили? Жить и работать можно?

– Нормально, Иосиф Виссарионович.

– Тогда там ещё поживёте. Зачем привлекать внимание. Под крылышком НКВД спокойнее будет. Вам дадут адъютантов. Двоих. Мало будет – добавим. Все нужные документы они будут привозить, увозить, выполнять любые поручения. Соблюдение всех правил секретности – на них же. Привезут, увезут, ответят, если что... На первичное ознакомление – сутки. Больше дать не могу. Завтра в это же время мы продолжим беседу. Ожидаю объективный и даже жёсткий анализ положения, как вы его увидите. Если получится, прогноз развития событий. На мнение «коллег», включая нынешнего начальника Генштаба и начальника ГРУ, внимания не обращайтесь. Мне нужно ваше мнение. Справитесь?

– Постараюсь, товарищ Сталин. Но только в первом приближении. Для грамотного отчёта нужно человек пять опытных штабистов и неделя сроку.

– Отчёта о чём?

– О первоочередных мерах по отражению агрессии фашистской Германии в течение ближайших трёх месяцев.

– Хорошо. Поговорим об этом тоже завтра. Последнее: жалобы и просьбы личного характера на текущий момент имеются?

– Никак нет.

– Хорошо. Покажите, не разучились ли вы работать, товарищ... – сделал паузу, как будто хотел произнести воинское звание. Но передумал. – Товарищ Марков. Отдых в уютном лагере на солнечных Соловках иногда расслабляет... По Туруханску помню...

И улыбнулся, давая понять, что с чувством юмора у него всё в порядке.

Лаврентий Берия всегда выполнял задания Вождя быстро и точно. «Дело» Аристотеля Фиораванти доставил Поскрёбышеву глава личной охраны наркома внутренних дел Рафаэль

Саркисов. Поскрёбышев принял пакет, расписался в получении и отпустил майора госбезопасности, словно простого курьера.

Сталин вытряхнул из вскрытого Поскрёбышевым пакета тонкую красную папку с надписью – «К докладу». Пальцы крепко сжали двойной красно-синий карандаш, остро отточенный с обоих концов. Кто-то говорил Кобе, будто Поскрёбышев держит специального человека, чтобы снабжать вождя идеальным инструментом для работы. Что за молодец Александр Николаевич!

«С чего это ты сегодня такой добрый, Иосиф?» – спросил товарищ Сталин.

И ответил сам себе:

«Понравилась беседа с Марковым. Он, конечно, не тот человек, который будет предан, как Лаврентий или Власик. Комкор – недоумок, он живёт по принципам. «Душу – Богу, жизнь – Отчизне, честь – никому. Умри, но не давай поцелуя без любви». Здоровенный, битый жизнью мужик, а думает, словно барышня, обчитавшаяся дешёвых романов. Предпочёл расстаться с зубами, но не с иллюзиями: ни на кого показаний не дал, за него написанные следователем протоколы подписывать отказался. Дурак. Вообще, дураки бывают вредные и полезные. Этот – полезный. Такой, если даст слово служить, не продаст. О Берии или том же Николае Сидоровиче, генерале Власике, этого так уверенно не скажешь. Значит, он тот человек, который и нужен!»

Если бы товарищ Сталин умел, он улыбнулся бы удовлетворённо. Но товарищ Сталин удовлетворённо улыбаться не умел.

В папке сверху лежала записка, написанная по-грузински.

«Батоно, – сообщал Лаврентий Павлович. Он любил ненавязчиво подчеркнуть старшинство своего уважаемого хозяина. – Вы неоднократно указывали, что нельзя понять судьбу отдельного человека, если не увидишь связей его жизни с движением исторической эпохи. Я позволил себе дать абрис нашего Аристотеля на фоне политики Ивана Васильевича Третьего, первым принявшего титул «государя всея Руси». Наш фигурант, как представляется, непосредственным образом связан с началом становления государственности Российской – делом, которое стало главным и в вашей жизни».

Иосиф Виссарионович хмыкнул довольно и приступил к чтению.

«В XV веке, когда Иван III объявил себя Государем (великим князем), существовали три «Руси»: Северо-Восточная, состоявшая из множества княжеств, из них самое крупное и влиятельное Великое княжество Владимирское (центр Москва); собственно Русь – она была под властью Литвы и по названию столицы именовалась «Киевской Русью». В нее входили Белая и Чёрная Русь; русское королевство, оно же Галицко-Волынское княжество. Немцы обозначали ее Галиция и Лодомерия, в латинских текстах называли Рутенией, Русью, хотя она принадлежала Польше. Провозгласив себя повелителем всея Руси, Иван III de facto предъявил претензии на чужие владения. Соседние государства признавать новоявленного государя не спешили – это было равносильно отказу от собственных земель. Но и воевать никто не хотел.

Прочитав последнюю фразу, Сталин саркастически усмехнулся. Сколько ни пиши бумаг, сколько ни заключай пактов, территория становится твоей только тогда, когда на ней прочно закрепилась твоя пехота. Не зря Гераклит Тёмный называл войну матерью всего.

В 1462 году подчинена Югорская земля, в 1472-м Пермская, в 1474-м – Ростовское княжество, в 1478-м – Новгородская Республика. В 1480 году Русь освободилась от власти Золотой Орды, в 1485-м в состав Ивановой Руси вошло Тверское великое княжество, в 1488-м установлен протекторат над Казанским ханством, в 1489-м подчинена Вятская земля. Вся политика была направлена на объединение русских земель под единым началом.

В 1492 году на службу к Москве перешли вместе с землями князя Семён Фёдорович Воротынский, Михайло Романович Мезецкий, Василий и Андрей Васильевичи Белевские. В ответ

Великий князь Литовский захватил города мятежников. Это стало поводом для войны. Уже в 1494 году Литва капитулировала и вынуждена была отказаться «на вечные времена» от власти над Новгородом, Псковом, Тверью, Рязанью и «Верховскими княжествами». Титул московского государя – «Всея Руси» приобрёл законные основания.

Иосиф Виссарионович историю России знал. Но какие-то периоды отложились в памяти со всеми деталями – как царствование Ивана IV Грозного, а другие эпохи оставались только в самых общих чертах. Потому справку он читал с интересом.

Женитьба Ивана III на Софье Палеолог была союзом равных. Государь всея Руси считался потомком римских императоров, как и его жена. Русские правители не случайно короновались «шапкой Мономаха». Владимир II Всеволодович Мономах был внуком ромейского василевса Константина IX Мономаха (1042–1054 гг.).

Брак с Софьей Палеолог поставил Ивана III выше остальных удельных князей Северо-Восточной Руси. В планы Ивана III не входило царствовать в Константинополе. Его привлекали русские земли, расположенные рядом, только протяни руку. Тем более что ими когда-то владели его предки.

Выйти из-под власти ханов царь Иван III решил потому, что женился на константинопольской еврейке Зое Палеолог. Московский боярский класс состоял из хазар. Иван заменил их на византийских евреев, которые лишились Константинополя, ведь его захватили турки. Даже все дети Ивана III не от Зои Палеолог были убиты.

Сталин подчеркнул последнее предложение синим концом двухцветного карандаша. Истинный правитель готов приносить жертвы даже не стране или государству, но – Власти. Именно этому учит история – концентрированный опыт предков.

Новому государству стали потребны каменные храмы как символ прочности и вечности установившегося порядка. Строить их должны были итальянские мастера. Аристотель Фиораванти – один из крупнейших итальянских инженеров и архитекторов XV века, родился в городе Болонье в 1415 году в семье потомственных зодчих. На родине прославился инженерными работами. Его даже называют предшественником Леонардо да Винчи. Устройства для подъёма больших тяжестей на большую высоту, гидротехнические сооружения, выполненные по заданию герцога Сфорца, например канал в Кремоне и Пармский канал, укрепление военных замков и главное – передвижка и выпрямление башен в Болонье, Ченто и Мантуе – всё это буквально потрясло современников. В письме болонских властей, предложивших ему службу в городе, Фиораванти назвали «удивительным гением, не имеющим равного в мире».

В это время и турецкий султан звал Аристотеля для сооружения крепостей. Но это уже была бы измена не только родине, но и всему христианскому миру. Фиораванти не принял приглашения нехристя.

В июне 1474 года Иван III направил своего посла Семёна Толбузина в Италию с поручением подыскать архитекторов и инженеров для работы в Московском государстве. Тот встретился с Аристотелем Фиораванти и, возможно, уговорил мастера переехать в студеную Московию. Но тут инженера неожиданно обвинили в сбыте фальшивых монет и заключили в тюрьму. Позже обвинение было снято как облыжное. Но теперь шестидесятилетний зодчий видел единственное спасение от зависти и преследований в бегстве из Италии. В январе 1475 года Аристотель вместе с сыном Андреем и слугой Петрушей в составе посольства Семёна Толбузина отправляется в далёкое путешествие.

Хозяин задумался и написал на полях: «Не были ли авторы доноса на этого «удивительного гения» заинтересованы в том, чтобы подтолкнуть архитектора к эмиграции? Если так, тогда они люди того же Семёна Толбузина. Или агенты турецкого султана?»

«Архитектурную деятельность в России Аристотель Фиораванти начал с поездок по старинным монастырям. Русские всегда чтити культ Богородицы, храм Успения всегда ставился в центре кремлёвских ансамблей. Собственно, и расхождение между Запад-

ной и Восточной ветвями христианства имело основой разное титулование матери Христа. Европейцы настаивали на термине «царица небесная». За ним стояло светски-иерархическое понимание веры. Более склонные к мистике царьградские богословы настаивали на обращении «мать-заступница», что породило и самые распространённые типы изображения Девы Марии в иконописи – Елеусу, Панагию и Одигитрию. Каждый из «сюжетов» исполнял собственную функцию оберегания и помощи. Фиораванти проникся непривычным для него духом православной веры. Именно церковь Богородицы он сделал основным строением Московского Кремля.

При дворе Ивана III работали много итальянцев. Отношение русских к иноверцам было настроженным. Но Иван III благоволил к Ивану Фрязину и Аристотелю Фиораванти, который принимал участие в походах на Новгород (1478), Казань, Нижний Новгород (1482) и Тверь (1485) и показал свои таланты незаурядного военного инженера. За заслуги в 1475–1483 годах Иван III позволил итальянцу даже чеканить монеты для Руси. На многих деньгах Фиораванти дерзко обозначал своё имя «Aristoteles», а на обороте некоторых монет изображал всадника с цветком под ним.

Русская земля обладает удивительным качеством: люди, приезжающие сюда из цивилизованных стран, через короткий период теряют совесть.

Вождь хмыкнул и написал на полях: «Если бы только иностранцы».

Это произошло и с итальянскими мастерами. Иван Фрязин настолько уверился в собственном могуществе и влиянии на Ивана III, что во время поездки 1472 года в Италию наобещал от имени великого князя организовать новый крестовый поход, обеспечить переход Руси в католичество и т. д. и т. п. Такого не смог бы выполнить ни один европейский монарх того времени. Кроме этого, Фрязин взялся тайно обслуживать посольство венецианского дожа в Золотую Орду и сопроводить посла к хану Ахмату. Это было прямой государственной изменой. После приезда в Москву, когда все открылось, великий князь «повеле поимати Фрязина, да оковав, послал в Коломну, а дом его повеле розграбити, и жену и дети изнимати, а того Тревизана (венецианский посол) поимев, хоте казнити». Спасла Ивана Фрязина и Тревизана свадьба с Софьей Палеолог.

Освободившееся место денежника царь отдал Аристотелю Фиораванти. Возможно, таким способом Иван III пытался теснее привязать инженера к Москве. Итальянец несколько раз порывался уехать на родину. Но московский правитель каждый раз на просьбу об отставке отвечал отказом. Так продолжалось до 1483 года. Тогда Иван III отдал приказ задержать Фиораванти, конфисковать его имение, а самого посадить на Антоновом дворе. Опала длилась два года, какова дальнейшая судьба мастера – неизвестно. После 1485 года о нём сведений нет».

После официальной справки была приложена страничка, отпечатанная явно на другой машинке. Её предваряла ещё одна записка от Берии, теперь уже написанная по-русски: «Товарищ Сталин! Автор дополнения к справке – мой старый знакомый, даже друг, ещё со времён совместной работы в Закавказской ЧК Будиани. Он – весьма необычный человек; обладает талантами, подобными способностям не так давно представленного вам В. Мессинга. Только Будиани, в отличие от вышеупомянутого сомнительного типа, не один раз употреблял свои возможности в борьбе против мусаватистов, заговорщиков и прочих неразоружившихся врагов. Я доверяю этому человеку всемерно, только поэтому и не считаю возможным скрыть от вас информацию, которую он представил.

Ваш Лаврентий Берия».

Справка Будиани была короткой.

«Существует мнение людей, серьёзно занимавшихся эзотерическими науками, что самой главной причиной привязанности русского царя к иноземному еврейю было то, что Аристотель Фиораванти пообещал Ивану III найти средство превращать неблагоприятные металлы

в чистое золото. Государь подозревал алхимика в вероломстве, потому приказал «имать» его и заточить в тайную камору в строении Грановитой палаты. Там Фиораванти провёл долгие месяцы. Но секрет «философского камня» своему пленителю так и не открыл. В конце концов раздражённый монарх приказал замуровать архитектора в каморе, сказав: «Если ты действительно такой великий умелец, то найдёшь способ отсюда выбраться». Большие Аристотеля никто не видел.

Однако начиная с шестнадцатого века, в Кремле стал появляться призрак. Он возникал в коридорах и переходах возведённых итальянцами строений нечасто. Являлся только царствующим коронованным особам. Но всегда встреча с духом предвещала войны, перевороты и другие бедствия. Привидение Аристотеля Фиораванти предсказало безумие Ивану Грозному, гибель всей семьи и кровавую смуту Борису Годунову. Есть сведения о зловещем предупреждении, которое высказал Аристотель Екатерине Великой незадолго до её смерти.

Мне известно совершенно точно, что информация о кремлёвском призраке – не досужие рассказы. Она опирается на факты и закономерности, доселе остающиеся вне сферы внимания современной науки, но тем не менее существующие реально».

– Наука, – пробормотал Иосиф Виссарионович, – наука. Знаем мы ваши науки...

Командующего Белорусским военным округом Дмитрия Григорьевича Павлова, крупного вальяжного мужчину с лицом разжиревшего бульдога, Сталин вызвал с отчётом о ходе приёмки и размещения перебрасываемых к границе сибирских и дальневосточных армий и отдельных дивизий. Присесть генералу Хозяин не предложил, хотя темпами подвоза и выгрузки войск вроде бы остался доволен. Вообще у Павлова сложилось впечатление, будто его доклад не очень интересовал Генерального секретаря. Он задавал точные вопросы, по памяти называя номера дивизий, пункты дислокации, имена командиров. Но объяснения выслушивал не то чтобы невнимательно, скорее, думая о чём-то своём.

– Товарищ Сталин, – докладывал генерал, норовя с высоты своего богатырского роста заглянуть в лицо сидящего Сталина снизу, – эшелоны идут так часто, что собака не может перебежать через рельсы.

– А почему у вас собаки шляют в полосе отчуждения? – поморщился недовольно вождь и махнул рукой, показывая, что приём закончен.

Из своего номера Павлов позвонил Эйтингону.

– Ньюма, – пророкотал он в трубку. – Я в столице. Хотелось бы встретиться. Раздавим бутылочку «Арарата», пообщаемся. Как ты?

– С удовольствием, Дима. Только доложусь Фитину. Перезвонить или подождёшь у аппарата?

Минут через пять генерал армии вместо ожидаемого ответа услышал, что Дмитрия Григорьевича *прямо сейчас* просит приехать Берия.

Кабинет народного комиссара внутренних дел был огромен. Венецианские окна, украшенные рюшечками, воланами и ещё какими-то хреновинами, названий которых генерал Павлов, конечно же, не знал, беспрепятственно пропускали весеннее солнце. Лучи отражались в полированных поверхностях столов, поставленных гигантской буквой Т, сияли на дверцах и боковинах лакированных шкафов во всю северную стену помещения.

Сам Лаврентий Павлович, одетый в кипельно-белый костюм, чёрную рубашку с белым в чёрные горошины галстуком и белые туфли, поднялся из-за стола, приветствуя вошедших. Овальные стёкла пенсне сверкнули, как два маленьких зеркальца.

– Здравствуйтесь, товарищи, – радушно улыбнулся Берия. – Прошу, располагайтесь. Чаю, нашего, грузинского, или предпочитаете кофе?

Эйтингон уверенно прошел к столу, уселся на стул поближе к месту хозяина кабинета. Толстый, в мешковатом, мышастого цвета и не очень опрятном костюме, он выглядел, как муха на кремовом торте. Но, похоже, Наума Исааковича это не смущало.

– У вас попросишь заморского напитка, Лаврентий Павлович, а потом год будешь доказывать, что ты не заморский лазутчик. – Эйтингон широко осклабился, открыв крепкие прокуренные зубы.

– Так ведь за лояльностью личного загрансостава наблюдают ваши службы, гражданин Эйтингон, – парировал Берия и довольно рассмеялся. – Не обращайтесь внимания, Дмитрий Григорьевич, – повернулся он к Павлову. – У нас свои отношения, свои шутки.

Павлов уселся напротив Эйтингона, пробасил:

– Мне чаю. Я человек простой, не Тухачевский какой-нибудь. Из крестьян.

Нарком нажал кнопку на столе. Впорхнула грудастая блондинка-секретарша в тонком до полупрозрачности крепдешиновом платье с весьма смелым вырезом.

– Любочка, – приказал Берия, – пожалуйста, чай покрепче и два кофэ. Повернувшись к Науму, сообщил: – Видите, я готов подвергнуться подозрениям вместе с вами, Наум Исаакович.

Эйтингон понимающе улыбнулся и добавил вопросительно:

– С коньяком?

– Но только с грузинским, – в ответ осклабился Берия.

Любочка управилась быстро, от силы минут за десять. Вернулась с подносом, на котором дымились чашки, имелась вазочка с печеньем, сахарница, серебряные ложки, бутылка и рюмки. Расставляя приборы на столе, секретарша встала между окном и генералом Павловым. Солнце пронизало тонкую ткань, под которой бельё было настолько незаметным (наверняка заграничное), что девица показалась Павлову совершенно голой. Могучие щеки Дмитрия Григорьевича налились бурачным соком, он звучно сглотнул. Лаврентий оценил мизансцену, захохотал. Понимающе подхихикнул и Эйтингон.

– Всё, детка, иди, пока не деморализовала руководящий состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии, – сказал Берия и сел в деревянное кресло во главе стола. – Докладывайте, Наум Исаакович.

– Первый (германский) отдел Главного управления НКВД СССР разработал план проведения диверсионных операций против немецких частей, расположенных непосредственно на границе, – начал Эйтингон. – Главная цель – нарушение систем оповещения, связи, дестабилизация механизма управления подразделениями.

– Лишнее это, – безапелляционно заявил Павлов. – Бирюльки! Через две недели ко мне придут целых три новых армии. И тысяча танков. В случае чего, я этих гансов разорву, как бык овцу на случке.

– Боюсь, вы не понимаете всей важности данного вопроса, Дмитрий Григорьевич, – мягко произнёс Берия. – Наличие в ближних тылах потенциального противника наших разведывательно-диверсионных групп даёт возможность не только... э-э... воздействовать в случае необходимости на подразделения этого самого противника. Мы получаем инструмент для предотвращения масштабных провокаций против наших вооружённых сил и даже политических провокаций.

– Что-то и в самом деле не разберусь, – почесал бритую голову Павлов. – При чём здесь политические провокации против СССР в целом?

– Нападению Гитлера на Польшу, Дмитрий Григорьевич, предшествовала так называемая операция «Гляйвиц», – пояснил Эйтингон, вертя в руках карандаш. Ладонки и пальчики Наума Исааковича были маленькие, как у семилетнего ребенка. – Немцы, переодетые в мундиры Речи Посполитой, захватили германскую же радиостанцию на польской границе.

И вышли в эфир с призывами немедленно свергнуть гитлеровский режим силой оружия. В результате фюрер получил желаемый *casus belli*.

– Чего он получил? – переспросил генерал.

– Повод для начала войны.

– Ну, в политике и в этих каусах белых я не шибко силён. Я же солдафон. Танковый полк противника силами корпуса раздолбать берусь (шутка показалась ему остроумной). Наступление через Белосток на Варшаву на картах уже проработал. А ваша латынь мне и без надобности. Мы гимназиев не кончали...

– Он закончил пажеский корпус, – меланхолично закончил цитату Эйтингон. – Иначе с чего б ему знать про латынь? В ЦПШ не проходят.

По губам Павлова скользнула тонкая усмешка. И снова он напялил маску взводного фельдфебеля, по нелепой случайности поднятого Фортунной до почти маршальских высот.

– Если вы, Лаврентий Павлович, считаете, будто такие подразделения нужны, присылайте, – вернулся к теме беседы Дмитрий Григорьевич. – Что требуется от меня, обеспечу в лучшем виде.

– Замечательно. – Берия снял песне и растёр пальцами переносицу. – Давит, – пожаловался он.

– Так снимите вообще эту штуку, – посоветовал Павлов. – Носите очки.

Лаврентий Павлович поднял взгляд на собеседника. Глаза у Берии были очень красивые, кроткие и слегка беспомощные, как у многих близоруких людей.

– Не могу, Дмитрий Григорьевич. Это нарушит образ. Я же инжэнэр. Строитель. Потомственный русский интеллигент. Вы можете себе представить Чехова в очках-велосипедах? Вот.

Генерал молчал. Возможно, он пытался представить Чехова не в пенсне. Или же добросовестно вспоминал, кто это вообще такой.

– Для потомственного русского интеллигента не слишком типичен пост, который вы занимаете, – с долей яда заметил Наум Исаакович.

– А что, вы думаете, мне нравится быть жёстким? Хочется ласкать людей, как маленьких детишек. Но вы помните слова Ленина, которые процитировал великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький? Добреньким быть нельзя, по головам надо не гладить, а бить! – Лаврентий Павлович прицепил пенсне и махнул над столешницей пухлым белым кулаком, показывая, как именно требовал относиться к человечеству создатель Советского государства.

На несколько секунд повисло неловкое молчание. Паузу прервал Эйтингон:

– Так я, может, пойду, сразу и займусь? Судоплатова подключу... – не то спросил, не то просто поставил в известность главный диверсант.

– Сколько это займёт времени, Наум Исаакович? – поинтересовался нарком.

– Уточнить кое-какие детали и распечатать набело. Минут сорок.

– Дмитрий Григорьевич, подождёте? Временем располагаете?

– Конечно, Лаврентий Павлович.

– Замечательно. Наум Исаакович, попросите Любочку позаботиться о нашем дорогом госте. Он, наверное, проголодался...

Секретарша, стуча каблучками и покачивая бёдрами, вошла буквально через несколько секунд после того, как за Эйтингоном закрылась дверь. Будто так и ждала с подносом в руках. Теперь на нём красовалась бутылка «Столичной» водки, тарелочки с холодными закусками вроде балыка, икры, крабов и мясного ассорти. Отдельно – два солёных огурца. Берия знал, что поить генерала коньяками – только добро переводить.

Пока девушка расставляла всё это перед Павловым, тот не сводил глаз с её декольте, а когда Любочка потянулась, чтобы разложить накрахмаленную салфетку и почти коснулась

его грудью, Дмитрий Григорьевич засопел и стал окончательно похож на бульдога, перед носом которого оказалась аппетитная кость.

Едва за секретаршей закрылась дверь, нарком недовольно произнес:

– У тебя что, Дмитрий, – сделал паузу, – Григорьевич, на каждую... встаёт? Нельзя же так, ты же не этот... – перехватчик, а полный генерал. Хочешь, я сегодня её пришлю к тебе на ночь? Уж она... приголубит. Если тебе жены и собственных телефонисток с медсёстрами из минского госпиталя мало.

– Ага, – отозвался Павлов, – хочу. А жена... Она у меня, не в обиду тебе, Лаврентий – снова пауза, – Павлович, пострашнее всего твоего НКВД. А у меня натура... Без двух баб в день я не человек, на любую кинусь. А эта... – он возвёл глаза к потолку.

– Ну, это твои проблемы, а мне от тебя работа требуется, – засмеялся Берия, налил себе коньяку. Подождал, пока Павлов хлопнет стограммовую стопку, закусит чем-то и мягко, без нажима, спросил: – Ты у Самого на докладе был. Как он тебе?

– Какой-то... не такой, как всегда. Сам не свой, что ли. Говорит вроде о размещении войск. А думает о другом.

– Вот, – сказал Лаврентий, долил себе, призывно поднял бокал и покачал, чтобы полюбоваться колышущейся жидкостью.

Генерал поёрзал на стуле и высказал опасение, которое всё время беспокоило его:

– Ты не боишься... Мы так вот открыто встречаемся, все видят, все знают.

Генеральный комиссар усмехнулся:

– Не учи меня конспирации. Я же не рассказываю тебе, как на плацу глотку драть. Чтобы соблюсти тайну, не нужно фальшивые усы клеить, воротник поднимать да шнурки постоянно перевязывать. Это для кино «Ошибка инженера Кочина». Смотрел? Нэт? И правильно сделал. Умные люди говорят: лучший способ скрыть тайну – выставить её на всеобщее обозрение. Надо найти абсолютно легальную и общеизвестную мотивировку для того, что делаешь. Мы пригласили тебя, чтобы обсудить государственное дело в рамках моей и твоей службы. Официальные доклады об этом будут направлены всем интересующимся. И всё чисто. Вот это – наилучшая конспирация. Понял? Я ведь нарочно с тобой встречаюсь при твоём амиго по Испании. А ему сам знаешь, какую роль Коба отвёл? Глаза и уши. Вот пусть и докладывает, и закладывает. А теперь вернёмся к нашим... мутонам.

– Мутоны, это как? – спросил Дмитрий Григорьевич.

– Не важно. Значит, Хозяин выбит из колеи, и это заметно любому свежему человеку. А тем, кто его хорошо знает, тем более...

– А ты не слишком всё усложняешь? – спросил генерал. – Есть же испробованные способы.

– Да? – нарком внутренних дел саркастически поднял брови. – И как ты видишь результат?

– Ну, Главный Военный Совет.

– Жуков, Мерецков, Павлов, – меланхолично произнёс Берия. – Ты, Дмитрий, меня надувать не пробуй. Не по мозгам это тебе. Ваш блядский триумвират, который потом всё, что можно, завалит, но сначала меня к стенке прислонит, нэ нужен. Забыл, кто эти фамилии в Постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР вносил? Напомню: дорогой Лаврентий Павлович. На досуге это всё обмысли как следует. И руководствуйся. А Любочку я тебе сегодня на ночь пришлю. Умелица редкостная, так тебя высосет, аж мозги просветлятся. А с супругой твоей мои орлы-сыщики потягаются. Может быть, всё-таки хватит сил и возможностей народного комиссариата внутренних дел Советского Союза на то, чтобы прикрыть генерала армии от бдительности одной, нэ спорю, замечательных способностей и талантов, но всё же только жэнщины...

На следующую аудиенцию Маркова пригласили в небывало раннее время – к двадцати двум часам. На сей раз документы у сопровождающих проверяли не так дотошно. Если только за прошлый раз Сергей не привык к данной процедуре.

Поскрёбывав сразу же проводил в кабинет вождя. Здесь стоял тот же пропахший табачным дымом сумрак. Сталин сидел выпрямившись, придавив столешницу обоими кулаками. Кулаки казались слишком большими для невеликого ростом Хозяина. Перед Иосифом Виссарионовичем лежали кисет с табаком, трубка, коробок длинных спичек и стояла стеклянная пепельница толстого зелёного стекла. И снова Маркову показалось, будто раньше (намного раньше, чем вчера) бывал он в этом кабинете, и не один раз.

– Здравствуйте, Сергей Петрович, – ответил Генеральный секретарь на приветствие Маркова. – Располагайтесь, – показал он на стул напротив себя. – Вы ознакомились с документами?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Тогда ответьте на несколько вопросов. Это не экзамен. Считайте, что меня интересует ход рассуждений профессионального военного. Во-первых, какова цель сосредоточивания на наших границах германских войсковых соединений?

– Подготовка к агрессии. Внезапный, мощный, обезоруживающий удар. Блиц-криг, как немцы выражаются.

– Риббентроп уверяет, будто это – вполне рутинные мероприятия. Мол, вермахт после разгрома Югославии и Греции нуждается в отдыхе, переформировании и всяком таком прочем... Для чего и выводится из района боевых действий. В результате совершенно случайно, – эти слова вождь выделил интонацией, – и, безусловно, временно создалась повышенная концентрация боевых частей в районе нашего нового рубежа с Польшей.

– Товарищ Сталин, перед нашим Западным Особым военным округом совершенно случайно собрались самые боеспособные, обстрелянные части немцев. Генерал Гудериан в труде «Танковая война» разработал соотношение артиллерии, бронетанковых частей, пехоты и авиации, наиболее отвечающее задаче быстрого прорыва обороны потенциального противника. По странному совпадению сейчас подтягиваются именно те дивизии, которые обеспечивают прорыв фронтов на всю глубину построения и вывод наступающих соединений в наши тылы, на оперативный простор. Такой силы удара подвижными соединениями наша оборона не выдержит. Да её и нет фактически.

– Хорошо, – протянул Хозяин. – А что вы можете сказать о переброске частей Красной Армии?

– Первое. Судя по масштабу переброски контингента и боевой техники, мы пытаемся решить ту же задачу, что и противник.

– Конкретнее, Сергей Петрович. Называйте вещи своими именами.

– Советские войска явно готовятся воевать малой кровью и на чужой территории. Нанести упреждающий удар по германским частям, расчленив их и наступать на Варшаву и Восточную Пруссию, выйти на европейские автобаны. Предполагаю, в стратегическом замысле предусмотрен также сокрушительный удар силами Киевского и Одесского округов на Румынию, конкретно – на район Плоешти. Без румынской нефти немцам как.

– Неужели вам хватило суток, чтобы составить такую... гипотезу? – удивился вождь.

– Так точно, Иосиф Виссарионович. Если бы мы собирались вести оборонительные действия, целесообразно было бы завершить вооружение укрепрайонов на старой границе, собрать здесь мощный кулак. Аэродромы средней бомбардировочной авиации и самолётов поддержки расположить за главной линией обороны. В случае агрессии измотать силы атакующего противника в естественном предполье между нынешними границами и линией старых укрепрайонов. И уже с неё нанести мощные фланговые удары по растянутым коммуникациям противника...

А мы, наоборот, фактически разоружили эти укрепрайоны, спешно перебрасывая подготовленные УРовские гарнизоны в чистое поле, где от них никакой пользы. В штыковые атаки они ходить не обучены, да и штыков у них нет. Аэродромы располагаем в сотнях метров от рубежа, с границы плевком достать можно. При такой концентрации самолётов и при отсутствии нужного количества БАО со всей системой обеспечения не больше десяти процентов авиации смогут реально вступить в приграничное сражение. Лёгкие танки развития успеха перемешаны в одних подразделениях с техникой прорыва и непосредственной поддержки пехоты. Выполнить своё предназначение они не смогут и бессмысленно сгорят перед немецкими противотанковыми батареями.

– Достаточно, Сергей Петрович. В целом убедительно. Но зачем это Советскому Союзу, как вы думаете? Зачем нам такая война?

– Товарищ Сталин, вооружённые силы – инструмент для достижения политических целей. Нужно ли спрашивать с молотка, чтобы он рассказал о замысле архитектора?

– Ну что же, товарищ «молоток», последний вопрос: что будет, если Гитлер ударит сегодня?

– Не только сегодня. Через месяц наше положение станет ещё хуже, по названным мною причинам. Немцы окончательно вскроют наш замысел, примут меры, и мы получим такой разгром, какого не знала история России. Наполеоновское нашествие – детская игра в песочнице.

– Почему вы так думаете? – у Хозяина вдруг прорезался сильнейший грузинский акцент. Это было свидетельством крайнего волнения Кобы.

– Я уже доложил. Ну вот, смотрите, на конкретном примере. – Марков вынул из пачки одну из карт. – Врагу очень легко уничтожить наши силы здесь, здесь и здесь, – он указал остриём карандаша. – И самолёты, и танки, и живая сила располагаются в зоне прямого воздействия даже полевой артиллерии. Вот аэродром Малые Заводы. На нём целая истребительная авиадивизия. Семьдесят самолётов. Расстояние от границы – двадцать километров. С началом войны взлететь успеет едва ли одна эскадрилья. Остальные будут ждать своей очереди на рулёрку к ВПП. Дальше – здесь Пятая танковая дивизия одиннадцатой армии. Большинство танков нуждаются минимум в профилактическом ремонте. В самой дивизии ни запчастей, ни нужной рембазы нет. Вот на этих станциях немцы могут захватить матчасть четырёх дивизий прямо в эшелонах, за два часа прорвав весьма хлипкую оборону...

– На каком основании вы называете нашу оборону хлипкой? – Сталин взял себя в руки, и глуховатый голос звучал совершенно спокойно.

– Боеспособные, уже развёрнутые подразделения вытянуты «в нитку», пятнадцать километров на дивизию. Вторых, тем более третьих эшелонов у них нет. Части прикрытия, которые могли бы их создать, расквартированы в сорока и более километрах восточнее. Подъём по тревоге и марш, даже без воздействия противника, займёт сутки. За это время дивизии первого эшелона будут разорваны на батальонные, а то и ротные клочья. Но при превосходстве немцев в воздухе подкрепления могут вообще никуда не дойти. В итоге мы получаем в ближнем тылу дезорганизованные орды, потому что части будут подходить к фронту безо всякой системы, лишённые централизованного командования. Отдельные ответственные командиры будут пытаться выполнять давно устаревшие приказы или «стоять насмерть», обороняя давно никому не нужные «опорные пункты» в глубоком тылу атакующего врага.

Кроме того, товарищ Сталин, – забил Марков последний гвоздь, – на проведение всеобщей мобилизации западнее Днепра нам требуется минимум две недели. И месяц – на боевое слаживание призывного контингента.

– Интэрсно, – в речи вождя снова промелькнул акцент, – почему мне об этом не докладывали ни Павлов, ни Жуков? Забрасывают сводками о том, сколько пропущено эшелонов, как много танков, самолётов, орудий перевезено в пункты назначения. И никто не сообщает, что всё валят как в мусорную корзину. Можете объяснить?

– Так точно, товарищ Сталин. Жуков – никакой генштабист. На Халхин-Голе за него работали другие, а он только приказы подписывал и страх наводил. Павлов – неплохой комбриг, но это его предел. Они заглядывают вам в глаза и пытаются угадать, что вы хотите от них услышать...

Марков сказал и замолчал, переводя дух. Он опять поставил голову на карту. Сталин молчал, сделал три шага к окну, вернулся. Нажал на кнопку на столе. Через минуту в кабинете возник Поскрёбышев.

– Большую карту Западного и Киевского округов.

Как уж там Поскрёбышев управился, но через десять минут на столе для совещаний лежала большая тяжёлая карта, подклеенная с изнанки марлей. Иосиф Виссарионович подошёл поближе к Сергею. Оба наклонились, чтобы лучше видеть обозначения.

– Доказывайте, что Жуков и Павлов – дураки и бездельники.

– Я этого не говорил, товарищ Сталин. Люди не на своём месте, всего лишь. Вы же сами воевали, – польстил он, – и знаете, что очень редко из хорошего ротного можно за полгода сделать командарма. Тухачевский...

Тут он попал в точку. Пусть Тухачевский и «жертва репрессий», но командармом на Польском фронте был действительно плохим, и Сталин знал это ещё с двадцатого года. За что и рассчитался с «высочкой» семнадцатью годами позже. Сам-то Марков рос от командира роты до комкора пятнадцать лет, не пропустив ни одной ступеньки, да ещё и Академию закончил по-настоящему, а не за полгода заочно, как многие герои Гражданской, имея два класса базового образования и трёхмесячные курсы «красных командиров».

– Вот девяносто восьмая стрелковая дивизия двадцать второй армии. Штаб выгрузили здесь, в трёх километрах от границы. Кухни, хозчасти – всё здесь же. А пехоту высаживают тут, – Марков ткнул в кружок, расположенный в пятидесяти километрах от первого. – Пока наладится связь, пока подразделения обустроятся на месте новой дислокации, пройдут дни, если не недели.

– Достаточно, – махнул рукой вождь. Повернувшись к Поскрёбышеву, приказал: – Поручите Жукову и Тимошенко подготовить подробную справку о состоянии войск, переброшенных к Западной границе. Особое внимание боеспособности каждого крупного подразделения буквально на текущий момент. Стенограмма нашего разговора с товарищем Марковым велась?

– Так точно.

– Вот и передайте им её для ознакомления. Пусть по пунктам ответят на каждый вопрос. Личные оценки товарища Жукова вычеркните. Павлова – оставьте. Срок – послезавтра.

Когда секретарь вышел, Сталин долго смотрел в лицо Маркова.

– Спасибо, Сергей Петрович, – произнес он наконец. – Вы проделали большую работу. А за стенограмму – не обижайтесь. Так надо. Позже поймёте.

– Я и сейчас понимаю...

– Вот и хорошо. Надо, чтобы мы всегда понимали друг друга...

Мягко и бесшумно ступая, вождь обошёл стол, уселся, снова положив перед собой плотно сжатые кулаки, и не торопясь спросил:

– Как вы посмотрите, если мы предложим вам командование военным округом? Прежнюю должность вы явно переросли.

– Служу трудовому народу, – вскочил и вытянулся бывший комкор.

– А куда же вы денетесь? Должен официально признать, что ваш арест был ошибкой. Большой ошибкой. Лучше бы сразу вас вместо тюрьмы отправить на Халхин-Гол покомандовать или линию Маннергейма брать. Но мы ошибки исправляем, как видите. Вы всё равно виноваты, безгрешных людей не бывает, даже самый усердный монах перед Богом грешен, я в семинарии учился, я знаю. Надо было думать, с кем разговариваете, о чём и в какой обстановке. Вас посадили, да, а вон Апанасенко, например, не посадили, хотя он даже со мной поз-

воляет себе матерно выражаться и по столу кулаком стучать. И вам лучше было бы кулаком где надо стучать, а не с прожжёнными троцкистами кадровую политику товарища Сталина обсуждать...

У Маркова похолодели пальцы. Да, было такое. Велись подобные разговоры после первого процесса над Тухачевским и прочими, мол, не следовало бы так круто, и доказательств неубедительные, и все осуждённые к одному кругу принадлежат, а бывших конармейцев, соратников Сталина, никого не привлекли... Значит, лично знакомился с его делом Вождь, и сам, наверное, галочку поставил, потому что других за то же самое, считай, сразу к стенке приставили...

Он ещё соображал, что ответить, а Сталин уже махнул рукой, мол, проехали, дело прошлое.

– ...Командующим округом, значит. В соответствии с нынешним положением о прохождении службы решено переаттестовать вас в генерал-полковники⁸. Своё прежнее «имущество» получите у Поскрёбышева, новое удостоверение – в канцелярии НКЮ, звёздочки и прочее сами купите в «Военторге». Вы не будете возражать, если мы предложим для начала возглавить Московский военный округ?

В самых смелых предположениях Марков допускал, что его могут вернуть на должности комдива-комкора, чтоб особой самостоятельности не имел. Во время доклада Сталину мелькнула мысль, что в оперативное управление Генштаба могут направить (оттого и велел Вождь оценку Жукова убрать). Но округ?! Причём Московский. Сталин что, поверил, что Западный действительно не выдержит немецкого удара и защищать столицу придётся войскам третьего стратегического эшелона? Поистине, Сталин был мастер загадывать шарады.

Поскрёбышев привычным жестом потёр гладкую, как бильярдный шар, макушку, открыл толстенную дверцу сейфа и выложил на стол два конверта. Из одного выпали петлицы старого образца с марковскими ромбами, два ордена и медаль «20 лет РККА», какие-то ключи. Второй, большой, туго набитый конверт, был заклеен бумажной лентой с печатью. Помощник придвинул всё это Сергею:

– Прошу, товарищ генерал-полковник. Это ваши знаки различия и награды, изъятые при задержании. Это – ключи от служебной квартиры. Меблировка казённая, но, если выразите желание, можно будет подобрать обстановку по вкусу. Автомобиль вы будете водить сами или предпочитаете ездить с шофёром? Имейте в виду, два ближайших дня выделены вам для отдыха и обустройства. А здесь, – он коснулся второго пакета, – ваше денежное содержание по званию и должности с момента задержания. – Он второй раз повторил этот термин, как бы подчёркивая, что ни арест, ни суд, ни незаконное лишение свободы не имели места. Так, недоумение. Исправлено, и не о чём больше говорить.

Вот выписка из постановления Политбюро о присвоении вам нового звания и назначении на должность. Оклад содержания по ней будет исчисляться со дня подписания постановления, то есть с сегодняшнего. – Он машинально взглянул на настольный календарь. Очень обстоятельный был человек, почему и присидел на своём месте больше пятнадцати лет.

Марков вертел в руках бумагу с угловым штампом и круглой печатью «Особого сектора ЦК ВКП (б)», символизирующую кардинальное изменение в его государственном, социальном,

⁸ При введении генеральских и адмиральских званий проводилась переаттестация всего высшего состава. Многие «комбриги» получали полковничьи звания, хотя раньше относились к «высшему», а теперь попадали в «старший». От комдива до командарма 1-го ранга обычно переаттестовывали в генералы, но в зависимости от личных качеств и «усмотрения», как правило, самого Сталина. То есть недавний носитель четырёх ромбов (командарм 2-го ранга) мог получить «генерал-майора», а трёх, как Марков, – стать генерал-полковником. Кстати, несмотря на описанный в книге «Малая земля» героизм и стратегическое мышление (с автором – Л. И. Брежневым Жуков хотел посоветоваться, но у Л. И. времени не нашлось), бригадный комиссар (один ромб) Брежнев получил лишь полковничьи погоны.

просто человеческом статусе, и думал: «Напьюсь. Приеду на квартиру и наберусь до поросычьего визга!»

Это ему удалось. Но не сразу и не так, как он рассчитывал.

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

22.3.1941 г. ... Хойзингер, фон Грольман: ... Вопрос об оборонительных мероприятиях на Востоке на случай русского превентивного наступления выдвигается на первый план. Однако мы не должны допустить проведения слишком поспешных мер. Я не думаю о вероятности русской инициативы...

Строго секретно.

Заместителю НКВД по кадрам старшему майору НКВД товарищу Круглову Сергею Никифоровичу
от майора НКВД А. Леонтьева
Служебная записка от 2 февраля 1941 года.

Во исполнение вашего устного распоряжения о подборе кандидатуры для внедрения в операцию «12 апостолов» – объект С. М. (фигурант 1) сообщаю:

Анализ представленных сотрудниками моего подразделения документов, биографических материалов и бесед с людьми, близкими к указанному выше объекту специалистами-психологами 4-го спецотдела НКВД (отдел лабораторий) не выявил явных предпочтений объекта в интимной сфере. В разное время С. М. (фигурант 1) имел 6 зафиксированных и подтвержденных документально или свидетельскими показаниями контактов. Временные сожительницы отличались одна от другой национальной принадлежностью, ростом, комплекцией, цветом глаз и волос, складом характера. Поскольку большинство установленных связей (4 из 6) произошли в боевой обстановке Гражданской войны, можно предположить, что они предопределялись обстоятельствами, а не личным идеальным образом, бессознательно выработанным объектом. Определить таковой (идеальный образ), исходя из характеристик бывшей супруги С. М. (фигурант 1), спецы не считают правильным, т. к. глубокое изучение доступных свидетельств о семейной жизни объекта до момента развода, последовавшего сразу после взятия объекта под стражу, и исследование его реакции на это событие не дают оснований для подобного вывода.

Исходя из вышеизложенного, обязан сообщить, что подбор нужной кандидатуры не может быть произведён с высокой степенью гарантии результата.

Исходя из реакции объекта С. М. (фигурант 1) на внедрённую в рамках той же операции к объекту В. Л. (фигурант 2) спецагента «Лёпочки», сотрудник 4-го спецотдела НКВД, имеющий звание доктора психологических наук, высказал мнение, что кандидатура должна быть противоположностью «Лёпочке» и иметь следующие параметры: очень молодая стройная брюнетка, возможно, смугловатая, не красавица. Эксперт мотивирует заключение следующим аргументом: С. М. испытывает не осознаваемую потребность покровительствовать, сублимированный (?) родительский инстинкт.

В случае вашего одобрения в течение 3 суток представлю отобранных на роль кандидатуры претендентов.

Майор НКВД А. Леонтьев.

На документ наложена резолюция: «С сего дня я не исполняю обязанности заместителя НКВД по кадрам и начальника отдела кадров. Возможно, эти функции будут возложены на замначальника отдела кадров НКВД СССР капитана государственной безопасности М. В. Грибова. Обращайтесь к нему. С. Н. Круглов».

На копии служебной записки, адресованной 3 февраля уже М. В. Грибову, две резолюции: «1. Моё назначение на должность заместителя НКВД по кадрам и начальника отдела кадров пока не состоялось. Обратитесь, когда я официально войду в должность.

2. Почему я должен заниматься подбором б...?»

На следующей копии той же служебной записки, но уже датированной 26 февраля – Грибов сел в заветное кресло замнаркома ГБ 25.02.1941 г., – стоит приказ: «Майору НКВД А. Леонтьеву. Доложите о сути операции лично. Срочно. М. В. Грибов».

Завершилась эта бюрократическая эпопея объявлением майору Леонтьеву выговора за срыв важного задания руководства и переводом в одну из отдалённых областей страны. Сам майор считал, что ему ещё повезло.

Глава 4

– В зону с оружием? Прямо в барак? – Джаба Иоаннишвили, проходивший по всем учётам как Ивакин, человек небольшого роста, склонный к полноте, с трёхдневной щетиной на щеках, недоверчиво прищурился и откинулся на спинку удобного кожаного кресла. Короткие пальцы пробежали по краю письменного стола, словно по клавиатуре фортепиано. Такая уж была привычка у Джабы Гивиевича – в момент напряжённых раздумий он «наигрывал» одному ему известные мелодии в такт рождавшимся идеям.

– Точно так, Джаба Гивиевич, – подтвердил собеседник, двухметровый вахлак в казённой, но чистой и выглаженной робе. В его обязанности входило ежеутренне докладывать обо всех событиях, которые стоили внимания самого Ивакина. Или представляли нечто из ряда вон выходящее.

«Вор» обвёл глазами стены небольшого, но уютного кабинета его персональной камеры в левом крыле главного монастырского корпуса. Кроме стола с креслом здесь было пусто, не на чем глаз остановить. Разве что пялиться в потолок. Но поднимать взор слишком высоко – до свода было больше пяти метров – этот человек не любил. Предпочитал всё происходящее и всех приходящих рассматривать сверху вниз, в немногих крайних случаях – на равных. Он и сейчас, сидя, умудрялся поглядывать на огромного вестника как бы с высоты некоего трона.

– А кто из наших держит тот барак?

Детина исправлял неофициальную должность помощника Джабы уже не первый месяц. Несмотря на диковатый вид и тупую (тщательно культивируемую) физиономию, дураком не был и, как готовиться к докладу, знал. Научили, что уважаемый человек может задать любой вопрос по теме и ответ должен быть тут же преподнесён на блюдечке. Потому отрапортовал: «Витюля Куцый. То есть Виктор Куцубин. Организация бандгруппы в Марьиной Роще. Полтора десятка удачных налётов. Свой срок уже доживает. Но утром увели вместе с «вояками», отправили в спецкамеру при БУРе.

– «Переговорить о Куц.», – черкнул Джаба на листе перекидного настольного календаря.

– Ещё что срочное есть? Нет? Иди. Свободен, – и не по-русски, громко, в иной тональности, рассмеялся собственной шутке.

Камера Ивакина запиралась, как и все другие камеры, но только с двух сторон. Корпусной надзиратель, к примеру, чтобы войти, должен был постучать и ждать, когда хозяин вынет свой ключ из скважины. И только тогда отпереть своим. Впрочем, и наоборот, естественно, но только если надзорсостав получал такую команду от «кума». Тот и наручники мог надеть, но этим своим правом ни разу не воспользовался.

Как и многие обитатели СТОНа, Ивакин жил по особым, нигде официально не прописанным правилам. Срока у него не было, статьи тоже. Посадили, «создали условия», а зачем и на сколько, он и сам точно не знал. О чём с ним говорили сначала на Петровке, а потом и на Лубянке, чем пугали и что обещали – слова и слова. К делу не подошьёшь. Пока что он выполнял свои обязанности и пользовался обещанными льготами, а что завтра будет – вор не задумывался. Наркомов, что ни день, к «вышке» приговаривают, куда тут «маленькому человеку» дёргаться?

Он открыл тумбу стола, достал из неё телефонный аппарат на длинном шнуре. Телефон в тюремной камере! Слыханное ли дело? Поэтому Джаба прятал его от простых надзирателей. Трёхкомнатную камеру ему убирала «шестёрки», вохрам в ней делать нечего, тем более шмоны проводить.

Набрал трёхзначный номер.

– Фёдор Антонович, Джаба говорит, моё почтение. С добрым вас утречком. Спалось хорошо? Я тоже не жалуясь. У меня просьбишка к вам малая – заключённого Куцубина из вто-

рого блока на полчаса ко мне не перекинете? Перетереть кое-что надо. Да знаю, что в БУРе. Москва распорядилась? Прямо вот так? Что ж это делается – начальник режима в своей зоне и власти уже не имеет? Нет, на полчаса, больше не надо. Премного благодарен.

Ивакин положил трубку и пошёл на маленькую кухню готовить себе завтрак. Тюремную еду он не любил, а кулинаром был отменным. Жаль только, на Севере кавказских приправ на рынке днём с огнём не сыскать, ждать по две недели приходится, пока посылка из Тбилиси, Батуми или Кутаиси дойдёт (каждый раз из разных городов, родственников у правильного грузина много). А с остальными продуктами нормально, расконвоенный зэк через день свежатинку таскает. Надзиратели так не питаются, у них на рынок денег не хватает. Почему и радуются самой малой «благодарности».

Куцый явился через три часа. Всё-таки даже Джаба был не всемогущим, понадобилось время для согласования «командировки» с двумя администрациями: собственно тюрьмы и «рабочего лагпункта», со своей некоторой автономией.

Смотрящим в СЛОНе был пожилой татарин Ахмет Кузьмич Гусейнов, медвежатник с дореволюционным стажем. Все называли его Кузьмич. То ли это было погоняло, то ли просто уважительное обращение, понять не мог никто, да по этому поводу как-то и не задумывались. Дед числился санитаром при лазарете. Только очень наивный человек мог бы поверить, что во времена всевластия НКВД «законник» мог жить в зоне по понятиям, отказываясь от работы. Гусейнов был человеком неглупым, да и жизнь научила против ветра не плевать. Он знал, что в его положении есть только два пути: скозлиться, т. е. начать сотрудничать с администрацией лагеря, или пахать как обыкновенный «мужик». Уйти на небо с дымом из трубы котельной или в мёрзлую землю – третья возможность – Ахмета Кузьмича мало прельщало. Потому он и устроился на тёплое – в буквальном смысле – место при лекарне. С учётом того, как была устроена система оказания медицинской помощи заключённым, гарантированная самой демократичной в мире сталинской конституцией, можно было с уверенностью говорить о том, что Кузьмич, в общем-то, воровских запретов и не нарушает, то есть не работает.

О Джабе изо всего трудящегося в поте лица ограниченного «колючкой» контингента, включая и охраняющих, знал только смотрящий. Его доверенный посыльный успел шепнуть Витюле, что его приглашает большой человек, можно сказать, профессор. И на воле о каком-то там Ивакине бандит даже не слышал. Его впечатлил сам факт: сиделец имеет возможность пригласить к себе нужного человечка так просто, чтобы поговорить.

Конвоиры остались за дверью. «Как на допрос привели», – мелькнуло в голове у бандита. Он остановился у двери, оглядел аскетическую обстановку кабинета. Точно как у «кума», даже поскромнее. Единственно, что поразило, – на рабочем столе стоял чёрный телефонный аппарат. Интересно, с кем он отсюда может разговаривать? Куцый представил, как он прямо из камеры набрал бы номер своей марухи Любани. Смешно.

Сам «большой человек», сидящий за письменным столом, на Витюлю особого впечатления не произвел. Мелковатый, пухлый, небритый – это ладно. Куцубин повидал всякий народ и понял, что главное не в огромных мускулах или двухметровой стати. В Джабе Виктор увидел то, что ненавидел и презирал в этой жизни больше всего. Для себя и корешков он называл это одним словом: «интеллигент», которое всякий раз выплёвывал из кривящегося рта словно харкотину.

Ивакин тоже рассматривал Виктора. Нагловатый взгляд из-под блатной чёлки, манера стоять, выставив вперёд ногу, как будто он готов сорваться в «Цыганочку» с выходом». Нормальный бандюк средней руки. Большим паханом не станет никогда, интеллекта не хватит. А небольшую шайку на несколько налётов организовать сумел. В общем, фигура простая, понятная и потому малоинтересная.

«Что же, – сказал сам себе доктор искусствоведения (он действительно имел эту учёную степень, защитившись параллельно с совсем другими занятиями. Двадцать почти лет вёл двойную жизнь, а потом вдруг «залетел» в одночасье. Прямо в СТОН) Иоаннишвили голосом вождя: – У меня нет для вас, Джаба Гивиевич, других уголовников. Работайте с теми, кто есть».

– Правда, что в ваш барак вертухаев нагнали прямо с «винтарями»?

– Ну, – согласился Витюля.

– Почему?

– А я почему знаю?

– Тогда рассказывай, как дело было. По порядку.

– А почему я тебе должен докладывать? Ты кум, опер, следак? Сам в зоне чалишься...

– Не хочешь? – искренне удивился Джаба. – Сейчас в БУР вернёшься, там и сдохнешь.

В камеру без печки пойдёшь, и горячее – раз в три дня...

Куцый машинально сгорбился, была у него такая привычка. Если чувствовал, что «нарвался».

– Так, гражданин начальник, ничего и не было. Мы стали прописывать новичков. Там был один, такой «четырёхглазый». За него почему-то стал держать мазу Марков, бывший комкор.

– Почему? Они были знакомы?

– Не. – Куцый ещё раз подумал. – Точно нет. По всему видно.

– Тот очкарик назвал своё имя?

– Да кто его спрашивал, фраера?

Джаба Гивиевич откинулся в кресле, пробежался короткими пухлыми пальцами по столешнице.

«Ишь, роялист», – неприязненно покосился Куцый. При этом он имел в виду совсем не политические пристрастия «большого человека».

Ивакин заметил взгляд и усмехнулся про себя.

– Что-нибудь этот очкарик про себя рассказал?

– Ну, – согласился налетчик.

– Что именно? Напрягитесь, пожалуйста, вспомните.

Неплохой психолог, профессор нарочно перешёл на «деликатную» манеру общения. Результат не заставил ждать. Витюля снова распрямился, презрительно сощурил водянисто-голубые глаза и, по-блатному растягивая слова, произнёс:

– Терпила базарил, захомутали его за геометрию. Какие-то ненастоящие... – он пошевелил пальцами, пытаясь вспомнить слово, – хреновины. Думал, мы совсем тупые. А я не люблю, когда передо мной выёживаются. У меня на лапункте «вумные» долго не живут...

И дерзко взглянул сверху вниз на сидящего Джабу.

Доктор искусствоведения кротко улыбнулся.

– А разве не тупые? Как три слоновьи задницы, накрытые брезентом. Ты что о себе возомнил, вошь лобковая, – тихо заговорил Ивакин. – Я тебе прокурор на выездном заседании? Давно из параши не пил? Спрашивают – отвечай чётко. Не сообразил, кто на зоне хозяин? А замашки марьиносорочинские засунь в рот, пережуй и проглоти, пока что другое жевать не заставили. Я доступно выражаюсь, мать твою, петухом под нарами траханую...

И ещё с минуту развивающие эту мысль конструкции строил никакой ни Иоаннишвили, а натуральный Ивакин, пахан над пятью сотнями самых авторитетных воровских хаз и «семей» всего Кавказа и Закавказья.

Куцый понял, что на самом деле перед ним настоящий пахан. Не зря слушок ходил, что есть над всем СТОНОм «смотрящий», кого и в Москве уважают. На сухом лице расплылась искренняя улыбка.

– Нет, правда, тот чудила четырёхглазый толкал, что его за геометрию загребли. Кореша ещё ржали. Да я ему по харе и засветить как надо не успел, тут вояки вмешались... – При вос-

поминании о Маркове и его дружках Куцый даже потемнел лицом. – Ха-арошая разборка завязалась, а тут и вертухаи завалили... Растащили всех. Очкарика увели. Я что заметил – перепугался за него Успенский. «Попки» его сразу в коробочку взяли, собой прикрывали, будто боялись – шмальнёт кто.

Про удар по лицу от Успенского он предпочёл не вспоминать.

– А утром двух вояк с вещами забрали, Маркова и Лося, а меня – в БУР...

Джаба Гивиевич погрузился в размышления. Чтобы наперекор всем правилам внутреннего распорядка в барак бросили охрану с боевым оружием, должно было случиться нечто сверхъестественное. И всё ради очкастого геометра? Или на самом деле явились за комкором? Нет, не его же надзиратели собой закрыли. Да и комкор – невелика птица. Даже если бы война началась и он потребовался – увезли бы без шороха. Впрочем, его ведь таки и увезли. «С вещами» – значит, на этап. Или – на волю. И «математика» увезли. На аэродром, это свои люди тоже выяснили.

Руки Ивакина в последний раз порхнули над столешницей.

– Ты когда выходишь?

– Кум обещал на этой неделе. Правда, до БУРа дело было. А так я свой срок уже год перехаживаю. И все у нас так. Даже таблички со статьей и началом-концом срока со шконок подпирали. Успенский сказал – когда я скажу, тогда и будет твой «звонок».

– Откинешься ты завтра, – уверенно сообщил профессор. – В Москву поедешь, я тебе дам адресок, навестишь одного человечка.

– Чего это – навестишь. Я, может, в Ташкент собрался. – Куцубин хотел что-то сказать, но под презрительным взглядом Джабы осёкся.

– В Ташкент поедешь, когда тебя «кум» освободит. А если я – будешь подо мной на цырлах бегать. Хвост поднимешь – сдохнешь. В БУРе и сдохнешь. Допетрил?

Куцый судорожно сглотнул, потом кивнул.

– Слава богу. Мне нужен этот «математик». Ты его тихонько, не поднимая волну, найдешь. Месяц ищи, два ищи, но чтоб нашёл. Человечек поможет.

– И как мне его искать? Я не цветной, мы таким делам не обучены, мы больше наоборот, – заблажил Куцый.

Профессор искусствоведения задумался. Правильнее было бы выйти на авторитетных людей да кого-то из них и попросить собрать шепотки с пересылок, крыток и прочих домов скорби. Однако Ивакин был хорошо осведомлён, как надёжно курируют органы все «советские малины». Развесёлые двадцатые годы, когда лихой налётчик Лёнька Пантелеев мог отсиживаться на неизвестных розыскникам хазах, давно прошли. Наученное горьким опытом государство в лице оперсотрудников наркомвнудела поставило под контроль всю криминальную структуру. Разве что еженедельные отчёты владельцы пристанищ операм пока ещё не писали. Ивакин мог заранее сказать, кто из серьёзных «бугров» сразу же доложит об интересе Джабы знакомцу из компетентных структур сам, а от кого информация придёт через окружение. А появление мелкого урки, известного, но не влиятельного, может пройти и незамеченным. Такие рыбёшки постоянно крутятся вокруг акул, надеясь либо оказаться замеченными, либо урвать кроху от пира великанов. Игорёк сумеет аккуратно шепнуть кому надо, что с балбесом поговорить стоит. И вряд ли привлечёт особое внимание факт, что мелкий гопник ищет кого-то из лагерных знакомцев. Во всяком случае, на заметку возьмут не сразу, а что вся наша жизнь, как не выигрывание добавочных часов и минут у неизбежной смерти?

– Лучше, если ты сумеешь того очкарика поискать по собственным связям, – сказал Джаба Куцему. – Если нет, тот, к кому я тебя посылаю, сведёт кое с какими людьми. Попросишь слёзно, глядишь, помогут. На меня ссылаться не надо. Сам ищешь. Должок у него, книжку взял почитать и не вернул. А книжка интересная, не оторваться...

Витюля обалдело глядел на собеседника – какая книжка? Сильно он похож на человека, который книжку почитать взял... Потом стало понемногу доходить, и бандит даже ухмыльнулся.

– Адрес и номер телефона выучи наизусть. Звонить будешь только из автомата. Сейчас их в центре уже немало понатыкали. Всё понял? – Куцубин кивнул. Он сообразил, что неизвестный человечек Джабы может свести его с теми, кто крутит ого-го какие дела. И если удастся им приглянуться... С этого и надо будет начинать. Попасть в настоящую банду – это шанс на всю жизнь.

– Предположим, я того интеллигентика обнаружу. И дальше? – идти на «мокруху» Витюле не хотелось.

– Сначала отыщи.

Куцего осенило. Можно ведь и рыбку съесть, и на хрен не сесть.

– У меня кореш. Тоже той зимой откинуться должен был, а пока сидит. Подельник мой. Вор умелый и дошлый. Башкови-итый...

Профессор посмотрел в глаза бандиту и всё понял:

– Напиши на листке фамилию, статью. Выйдете вместе.

Начальник СТОНа капитан госбезопасности Скачков, человек с аскетическим лицом и серыми, словно вылитыми из олова, глазами, в недавнем прошлом тоже был немаленьким начальником вроде Успенского, не на самой Лубянке, а в Московском областном УНКВД. И тоже вылетел «в распоряжение ГУЛага» в начале «бериевской чистки». За что его вытурили на Соловки, точно не знал никто. Однако зам начальника тюрьмы по оперработке Владимиров, пресловутый «кум», коренной «тюремный сыскарь» добродушный на вид колобок, выпивоха и бабник (ни одной пригожей на вид зэчки не пропустил), как-то «в своём кругу» сболтнул, что на партсобрании не поверил, что Ежов – враг народа. Легко отделался, даже в звании не снизили.

Умный, желчный, жёсткий (но не жестокий, просто – равнодушный к людским судьбам и желаниям) капитан, как только заступил на должность и познакомился с «хозяйством», проинспектировал хоромы Ивакина и пришёл в бешенство. Горячее сердце чекиста стыло, холодный разум закипал возмущением, а чистые руки чесались от желания дать наглому уголовнику в морду, в морду, в морду...

Но... Примерно полгода назад Скачков проявил инициативу, арестовал крупного спекулянта камешками и изъял, тщательно отразив в протоколе, товара на добрые десять миллионов даже по самым непрофессиональным прикидкам. Двухметровый цыган, сверкая золотым зубом, предупредил оперативника, мол, не ошибись, начальник. Сапёру ещё может повезти, а вот к тому, кто не понял расклада, карачун явится обязательно.

Он и явился. К вечеру позвонил старый, ещё по Спасску, приятель. Фёдор занимал в отделе оперчекистской работы наркомата не слишком большую, но весьма важную должность, и кабинет его не сильно отличался от хором заместителей комиссара. Он вызвал (не пригласил, вызвал) капитана к себе. Добрый час друг и соратник крыл его таким матом, какого Скачков и на курсах унтер-офицеров в старой армии не слыживал. Из небольшого количества цензурных слов, вкраплённых в виртуозные пассажи, посвящённые родственникам проштрафившегося, тот понял, что сорвал по глупости тщательно подготовленную комбинацию экономического отдела и по справедливости должен сгнить где-нибудь в солнечной Республике Коми.

Друг Фёдор, не прекращая орать, крупно написал что-то на листе бумаги и подвинул его капитану. «Мудак, – прочитал Скачков. – Не знал, кто за чавелой, не хрен лезть было. Кайся поубедительнее, дураком прикидывайся, попробуем вытащить».

Скачков, с белыми от злости и обиды губами, последовал совету, сообразив, что другого выхода нет.

– В Москве вам не место. Усердны не по разуму. Но я доложу Коллегии, что злого умысла с вашей стороны не просматривается, – закончил аудиенцию старый приятель. – От службы вы пока отстранены. Отправляйтесь под домашний арест без приставления часового и помните: вашу вину до известной степени смягчает только то, что до сего момента вы беззаветно служили Революции.

О переводе на Соловки начальником тюрьмы капитана уведомили после собеседования в трёх инстанциях. В последней, у начальника Севзапотдела ГУЛага, дали расписаться под приказом и вручили инструкцию под грифом «Секретно».

На «отвальную» к нему зашёл друг – Фёдор. Он же и на вокзал отвёз, по дороге рассказал, сколько трудов стоило отмазать дурака. Изъятые драгоценности пришлось оприходовать, и для «оперативных нужд» они стали недоступны.

– Тебя, раздолбая, под горячую руку хотели по тому же делу пустить, как наводчика, спасибо, комиссар был «не в доле», рассудил объективно. Ну и анкета твоя подмогла. Годика три попашешь «на холодке», а там, глядишь, обратно заберём.

Скачков всё больше молчал, сопел обиженно, хотя и понимал, что легко отделался, сдуру перебежав дорогу «серьёзным людям».

На ступеньке вагона друг пожал ему руку и сказал с усмешкой:

– Теперь как «Отче наш» повторяй одиннадцатую заповедь – не будь дураком. Второй раз я тебя не выгашу.

Потому никаких действий по поводу странного ЗК Ивакина капитан пока предпринимать не стал. На прямой вопрос, что означает «эта порнография», начальник режима, появившись, сказал, что указание было от прежнего начальника. А прежнего начальника арестовали ещё до приезда Скачкова. Можно было приказать немедленно вышвырнуть грузина «на общие работы», но вспомнил давешнего цыгана и призадумался. Снял трубку и позвонил Фёдору на Лубянку. Доложил, что доехал нормально, дела принял, ещё раз поблагодарил за участие и только потом, обиняками да намеками, «из-за угла», не слышал ли тот чего интересного про пахана Ивакина, называющегося доктором наук Иоаннишвили. А то сидит тут такой, да странно сидит...

Друг, опять цветисто выматерившись, сообщил, что на Соловках вообще странности на каждом шагу. Видно, место такое.

– Ты, главное, не суетись. Я попробую уточнить, тебе потом перезвонят...

И завёл разговор, что на майские, скажем, праздники не прочь бы подскочить на пару дней, проверить, действительно ли рыбалка на островах хороша.

Ровно через сутки в кабинете Скачкова раздался звонок. Незнакомый старший майор из секретно-политического отдела минут двадцать расспрашивал капитана о впечатлениях от оперативного и надзорсостава и о том, внимательно ли новый начальник изучил личные дела «контингента», и только под самый конец сказал, что по интересующей его персоне «пусть всё будет, как было». Если потребуется, дополнительные инструкции будут доставляться фельдсвязью. Или доводиться по телефону.

– «Персона» не за ГУЛагом числится, за СПО, так что ваша забота – обеспечить назначенный режим изоляции и содержания. Вы уловили?

– Так точно. Прошу прощения – начальник режима «к теме» допущен?

– В пределах, его касающихся. Так что вы лично можете особенно не беспокоиться, баро.

Скачков осторожно положил на рычажки эбонитовую трубку и только после этого со вкусом и без всякой верноподданности выматерился.

Сделал в настольном блокноте понятные только ему пометки и перешёл к текущим делам.

Джаба Гивиевич был специалистом по эстетике Средневековья, точнее, периода перехода к Новому времени, когда рушился феодальный уклад и на авансцене истории стали появляться люди без роду-племени. Они обладали незаурядными талантами, не боялись пролить кровь, хоть свою, хоть чужую, и стремились зажать в собственной горсти поводья, управляющие миром. Любимцами Ивакина были Балтазар Косса, разбойник, который стал папой, и «серый кардинал» Жозеф Фуше, герцог Отрантский. Джаба подставлял себя на их место и убеждался, что в «предложенных обстоятельствах» повёл бы себя не хуже, пожалуй, добился бы даже большего.

На этажерке в его тюремном кабинете стояли любимые книги, те, которые рассказывали, как устроен этот мир и как добиться в нём власти: «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Никто так коротко и точно не вскрыл суть перехода от цивилизации личной доблести к диктатуре даже не золота, а его замены – денег. «Государство и революция» Ульянова-Ленина. Наилучшее пособие по подготовке и проведению политического переворота, каждое положение которого подтверждено практикой. Наконец, «Князь» Никколо Макиавелли, учебник по необходимому для всякого диктатора предмету – удержанию власти. И ещё десятка полтора книг по истории, психологии, философии.

Самым подходящим моментом для действия, как известно, есть миг, когда прежняя государственная система даёт сбой. Нужно только найти, какие шестерёнки механизма правления не соединились, понять, почему это произошло, и применить рычаг, удесятворяющий силы.

Выполняя предложенную ему власть предрержащими роль, Иоаннишвили плёл и собственную игру. Заточённый, казалось бы, в полностью изолированный от внешнего мира каменный мешок, куда более надёжное узилище, чем пресловутый замок Иф, Джаба имел достаточно незаметных паутинных нитей, прочно связывавших его с нужными людьми и передававших ему извне важные сигналы.

Вот этот непонятный зэк, «математик», похоже, такой же тайный сигнал. Что означает его внезапное здесь появление и не менее странное исчезновение? Слишком бросается в глаза, что он не такой... Кто только не сидел в этой тюрьме и лагере. И профессора, и митрополиты. И никто с ними особо не нянчился. Вообще не нянчился! А этот, видать, сильно нужен кому-то «наверху», раз за него лагерное начальство перепугалось, будто за инспектора из Центра. Настолько, что, не задумавшись, нарушило святейшее из святых правил – в зону с оружием не смеет входить никто. Хоть бунт, хоть что случись...

Кому конкретно и для чего нужен этот человек, вот в чём вопрос. И если так нужен, почему здесь вообще оказался? Не срослось «наверху», разные ведомства заигрались друг с другом?

А если он столь непонятен и столь важен – отчего бы не встроиться незаметно в эту схему, между «математиком» и властью. Или – пристроиться рядом, так же незаметно, и посмотреть, какой профит с этого можно поиметь. Не исключено, что очень и очень большой.

Эх, будь сейчас Джаба на воле! Но так или иначе, арестант где-либо да имеется, в другой тюрьме, на пересылке или в секретном московском учреждении. Нужно только пустить по следу гончую. Как только она что-то унюхает, обозначит интерес к «загадочному незнакомцу», её непременно засекут органы. Простому уголовнику с ними не тягаться. И человека либо арестуют, либо сразу уберут. Но тут другие человечки из сплетённой доктором искусствоведения сети, поумнее и числом поболее, этот факт засекут, выявят, и где «математик» прячется, а главное – кто его пасёт. Вот тогда и самому доктору придёт время включить свой мыслительный аппарат.

Оловянные глаза капитана Скачкова уперлись в переносицу толстощёкого небритого коротышки. Но на Ивакина эти следовательские приемы не действовали. Он удобно расположился на жёстком казённом стуле и негромко, просительным тоном – зачем понапрасну драз-

нить собеседника – говорил: «Здесь, под крышей, вы, гражданин начальник, первый после Бога. На воздухе командуют уже другие. Ну, зачем вам знать, кого ко мне командировали из лагеря, для чего командировали? Один умный человек написал: «Во многом знании многая скорбь». Капитан, неужто вам скорбей не хватает?»

Начальник тюрьмы понимал, что делает глупость. Джабу трогать не нужно. Не Скачков определял «условия содержания» этого тёмного, круженного человечка. Не Скачкову их и менять. Тем более, из Москвы намекнули, как говорится, – «горячим утюгом в грудь», мол, не лезь, не твоего ума дело. А то ведь можно и своей головой «контингент» пополнить. Но попала, как говорится, вожжа под хвост, из-за мелкого, в общем-то, факта: заключённый Ивакин имел встречу (так доложили капитану) с неким уголовником из лагеря. Без его, Скачкова, санкции. Нет, что сидит как барин и жрёт в три горла деликатесы первой категории – это ладно. Надо – значит, надо. Но чтобы ещё в собственной камере аудиенции назначал, чтобы бандюг к нему, как к самому начальнику водили по вызову и даже в караульную книгу запись «о вывод за зону» не делали – это уже ни в какие ворота! Значит – жестоко наказать ДПНТ (дежурный помощник начальника тюрьмы), коридорного надзирателя, корпусного, зама по режиму и всех, кто под руку попадётся.

По уставу, так, чтобы Москва не придралась. Есть способы. Не подкопаешься.

А с Ивакиным он связываться не будет. Так, поговорит. В порядке личного знакомства. Устав исправительных заведений предписывает. И сейчас этот... доктор искусствоведения сидит и смотрит безо всякого страха. Сволочь, пыль под сапогом!

– Ты понимаешь, скотина, что я могу с тобой сделать? – скрипучим голосом произнёс Скачков. – Кликну сейчас Миколая да пойду чай пить.

Миколаем звали двухметрового жилистого вестового при канцелярии. Служил он с самого двадцатого года, начальники гордились им и при каждом удобном случае хвастались перед коллегами его бычьей силой и удивительными талантами. Этот умелец мог бить так, чтобы следов не осталось, но человек был искалечен, харкал или мочился кровью и через три-четыре недели помирал без видимых тюремной медициной причин. Или так, чтобы боль становилась нестерпимой, а серьёзных повреждений организм не получал.

Мало кто знал, что Миколай – не имя и не кличка, а настоящая фамилия. Боялись «Убивца» панически, и даже самые отчаянные бандюки, услышав обещание позвать кулачных дел мастера, распускали сопли до пола и готовы были землю есть и даже «грязной тачкой руки пачкать».

– Скачков, Скачков, – вздохнул Джаба, услышав угрозу, – гражданин капитан, что же ты так себя минимизируешь. Если твой Голем меня убьёт, как перед Москвой оправдываться будешь? Ведь тебе намекнули, баро, я знаю. А, не дай бог, повредит он мне что-либо важное в теле, мои добрые друзья сильно огорчатся. Для тебя, капитан, тронуть меня – самоубийство. Ты на это не пойдёшь. Зачем пугаешь, если ничего сделать не можешь? Нервишки шалят? Так пей бром, понял? Коньяк тоже можно, но в меру.

Начальник тюрьмы кипел от бешенства. Но услышав слово «баро», испугался. Откуда небритый толстячок мог знать это?

Скачков понял, что проиграл. Точнее, с самого начала у него не было ни одного шанса победить Ивакина. Куда шли связи доктора искусствоведения, кто и зачем прикрывал недомерка? Секретно-политический отдел – а он тут каким краем. Разве что на самом верху решили весь преступный мир под свою руку взять, а этого «готферана» генеральным паханом поставить? А что, линии партии на «перековку преступного элемента» не противоречит. Но это дела государственные, а он холодно и беспощадно возненавидел Джабу на личном уровне, и мысль была – что придумать, как опустить грузина с концами, но чисто? Да и перед Москвой оформить так, чтобы спасибо сказали.

И тогда бывший пламенный чекист, а ныне простой тюремщик капитан Скачков доказал, что годы службы в аппарате не прошли для него даром.

– Джаба Гивиевич, – сказал он проникновенно, – вы меня неправильно поняли. Я ведь для чего допытывался о Куцубине, о связях ваших, о работёнке, что ему поручить собрались? Я не в свои дела не лезу, свои бы разгрести. Я подумал, может, чем помочь смогу. И тут, и там, – он показал пальцем вверх, – остались сослуживцы, даже можно так выразиться, друзья.

– Помочь, – протянул Ивакин. – Может быть, гражданин начальник, может быть. Люди должны помогать друг другу, это закон выживания...

Короткие пухлые пальцы пробежались над дерматиновой столешницей, и искусствовед-заключённый, не вставая, протянул пухлую кисть начальнику тюрьмы.

* * *

Десятью днями позже, добравшись с пересадками и тремя задержаниями стрелками НКПС «для выяснения» Куцый и Косой Лыцарь запрыгнули в трамвай у Рижского вокзала и покатали к вокзалу Белорусскому. Марьину Рощу пересекали на середине маршрута. Поздний вечер. Пухлые, беременные тучи, свисавшие почти до крыш, трепал пронизывающий, сырой и холодный ветер. Как сумасшедший художник, он заштриховывал дома косыми полосами дождя и снега. Улицы, фасады домов, сугробы – всё было серым, смазанным. От сырого морозца и ветерка ватные штаны и новенькие телогрейки уберегали, но ноги в растоптанных кожмитовых ботинках с летними портянками мёрзли.

Витюля смотрел в заляпанное уличной грязью трамвайное окно и в десятый, наверное, раз обдумывал задание, которое дал ему Ивакин. Такое у него было свойство – больше одной серьёзной проблемы в мозгу не помещалось, крутились только всякие повседневные мыслишки, насчёт поесть, выпить, бабу поймать.

«Человечек», на которого указал Джаба, должен навести справки о вывезенных из СТОНа вояках и «очкарике» «неофициальным образом по официальным каналам». Полученные сведения он сообщит Куцубину. Своими глазами увидит «математика», тогда доложит связнику, тот скажет, что дальше. Одновременно и про Маркова с Лосем нужно выяснить. То – особая статья.

Одновременно Джаба велел Куцему через «малины» разослать малявы «по тюрьмам и ссылкам», так он выразился, будто словами из душевной песни, поспрошать правильных пассажиров, не проявилась ли где на этапах и пересылках эта троица – Марков, Лось и безымянный очкарик. В полном наборе или россыпью, поодиночке. Это на тот случай, если человек, чей адрес Куцый выучил наизусть, паче чаяния ничего узнать не сумеет. Потому что снизу иногда удаётся узнать больше, чем сверху.

В памяти вдруг всплыл родной барак, ржущие правильные ребята и худосочный обсосок в круглых очках и постоянно сползающих, на три размера больше ватных штанах. Что-то он произнёс такое, на что в горячке Куцубин не обратил внимания, а сейчас вдруг засвербило в памяти. Витек тогда спросил: «Кто такой?», а обсосок произнёс: «Отец...» Как же он назвался-то? Лыцарь издевательски заорал: «Здравствуй, папочка!» и под гогот шпаны полез с тем хлюпиком обниматься. Стало быть, очкастый был попом. Но какое же имя он назвал? Вроде что-то из Евангелия. Бабка читала, несмотря на запреты, а батя её костерил, мол, всю семью под монастырь подведёт. А получилось, что посадили не бабу, а внука, и не за веру, а за надежду разбогатеть на гоп-стопе. Но как звали сочинителей баек про Христа, Куцый запомнил. Один точно Иван, потом Матвей, Лука, как сосед напротив, злобный лысый человечиска. И... Чёрт, забыл четвёртого. Только попка точно звали не так.

Новенькие робы и железно правильные справки классово близкие отсидельцы получили благодаря Скачкову. Капитан почему-то снабдил Куцего и Косого Лыцаря бумагами, где

ни «минус сто», ни даже «минус десять» не значились, и статья была нарисована совсем детская, вроде проезда на крышах товарных вагонов. Так что по стольному граду можно было ходить и ездить, не шарахаясь от каждого «легаша».

За окном побежали знакомые места. Двухэтажные домики. Вон в том жил одноклассник Вова Свищев по кличке Труха, мозг компании. Дед у него был бывший крупный начальник в НКВД, теперь – парализованный пенсионер. Родители работали по дипломатической линии где-то в Южной Америке и благополучно пережили тридцать седьмой и следующие годы. Они и привозили сынку всякое заграничное барахло, чем развили у него безудержную жажду наживы. Он придумывал планы всех грабежей. Вообще у Трухи на всякие пакости мозги работали, дай бог каждому. Никакой вариант зашибить деньгу он не пропускал. Хоть гоп-стоп, хоть девок на Белорусском вокзале «пас», лишь бы ни одна десятка мимо не пролетела.

Трамвай, заскрипев, остановился, и Куцый с Косым Лыцарем выскочили на свою остановку.

К отцу с матерью Витюля не спешил. Чего хорошего, старики сразу начнут охать да втулять, что пора честно жить начинать, на завод или в депо устраиваться. Нет, душа после барачков и холодов просила праздника, а чтобы его почувствовать, надо валить на надёжную «малину». Вот там – жизнь. На станциях они несколько чемоданов и «лопатников» дёрнули, есть с чем на хазу являться. Денег немного, так из барахла кое-что приличное есть.

Куцый решительно повернул в «шанхайчик», где обитал Ванюша Цыган.

Над двором царило белое двухэтажное здание. Надо полагать, когда-то здесь располагалась усадьба богача или даже вельможи. Дом был немаленьким, и возводился он когда-то в стиле сильно перевернутого барокко. После революции его отдали под детскую поликлинику. Потом для медучреждения нашли помещение попроще, а в белокаменную красоту вселилась мелкая и нешумная государственная контора.

К постройке примыкал двор, по периметру которого располагались хозяйственные помещения: конюшни, сараи и т. п. Эти строения отдали под квартиры. Поделили по три-четыре стойла на семью (с тех пор Куцубин с пониманием стал относиться к формуле, которую писали на железнодорожных вагонах: сорок человек, восемь лошадей. Одна кобыла стоила пятерых). Счастливые новосёлы поставили дровяные печи, они же плиты для приготовления еды, возвели перегородки. И получился микропосёлок. Всё вместе это напоминало средневековый замок с примыкающими к нему землянками каких-либо сервов. Тем более что жильцы тут же разбили перед конюшнями грядки, где мирно соседствовали лук с морковкой и пышные георгины. А сами грядки обнесли по тогдашней моде деревянным штакетником или, на худой конец, битыми кирпичами. Их вкапывали в землю по границе угодий таким образом, чтобы торчали углами вверх, и белили каждую весну.

Куцый прошёл в глубь двора, свернул на узенькую тропинку между сугробами на бывших огородах. Косой Лыцарь, оскальзываясь, попевал за паханом. Низенькое окошко было закрыто ставнями, сквозь них пробивались лучики света. «Не столица, а деревня какая-то», – подумал Витёк и постучал в деревянное полотнище: тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Через минуту заскрипела дверь, и на пороге появилась мощная фигура – Ванюша Цыган, кандидат в мастера спорта и бывший чемпион Москвы в тяжёлом весе по боксу, грабитель-рецидивист, во всём своём двухметровом и стодвадцатикилограммовом великолепии. Одет он был по-домашнему, в застиранной когда-то синей соколке и чёрных сатиновых трусах. Меланхолично шурясь в темноту, Ванюша смыкнул резинкой и лениво спросил: «Чего надо?»

– Выпить и закусить, – сообщил Куцый. – И ещё баб.

– А по роже? – поинтересовался Цыган.

Косой вывернулся из-за спины Витюли и вошёл в полосу света, падающего из открытой двери.

- И по роже тоже, – весело сказал он, подняв лицо к негостеприимному хозяину.
- Лыцарь, – охнул тот. – Куцый! Заходите, парни. А я думал...

Крохотную кухоньку отгораживала от комнаты большая печь. Было жарко и душно, пахло пыльными тряпками. Гости стали смахивать снег с сапог старым веником.

- Ваня, – раздался скрипучий голос из темноты, – кто там?
- Отдыхайте, мамаша, – досадливо буркнул Цыган, – друзья это.

Заскрипела кровать, послышалось невнятное бормотание. Полусумасшедшая старуха – мать Ванюши – поворочалась и затихла.

На дощатом столе появилась непочатая поллитровка, из зева печи была извлечена тёплая гречневая каша, трапезу украсили пара луковиц, соль, чёрный ноздреватый хлеб, нарубленный большими кусками. Хозяин аккуратно налил по половинке гранёного стакана: «Со свиданием».

Потом отсидельцы рассказывали о своих мытарствах в лагере, а Цыган, по-бабьи подперев ладонью щёку, слушал и покачивал головой. За спиной Ванюши были уже две «ходки», так что повествование он понимал всей душой.

- Ну, а вы тут как? – спросил Куцый.
- Хреновато у нас, – сказал атлет. И стал вводить вновь прибывших в курс местных дел.

То, что в отсутствие «руководства» команду подмял под себя Вова Труха, не удивило. Он всегда был чем-то вроде начальника штаба банды. Кому же, как не ему, было принимать на себя командование, когда Куцый «сгорел на работе»? А вот следующая фраза Ванюши ударила, как обухом по голове:

- Ребятки, похоже, Труха собрался вас кончить.
- Во хрень, – воскликнул Витюля, – а мы к нему поночевать собирались...

Помолчали, хряпнули ещё по полстакана. Косой выставил принесённую с собой «красную головку».

- А с чего взял? – почти безразличным тоном спросил Куцый.
- Слышал... – пожал плечами Цыган. – Звон прошёл, что у тебя срок кончается, он сразу и сказал своим: – Вернётся – уроем по-тихому. Маза наша навек будет.
- Он что, уху ел? – спросил Куцый.
- А что, тебя нет, весь общак его, – объяснил Цыган.
- Да сколько же ему нужно? И так никогда у него в брюхе не бурчало.
- Да не в «хрустах» дело. Вова сам решает, кому отслужить и сколько. Значит, и власть тоже его.

- И что, все пацаны за Вовика горой? – прищурил косой глаз Лыцарь.

Боксёр стал добросовестно обдумывать каждую из кандидатур: «Петька Губенко, Коля Бык, Глобус, Андрюша Сапог – эти точно его люди. Братья Павелки вроде сами по себе. Но Труху они не любят. Это точно. Лёхи – Репа и Сычик. Саша Жура, я, Костя Саксаганский – мы за тебя. Женьку Кременецкого легавые забрали, жаль, он точно Куцего не продал бы. Золотые руки. По заказу Вовочки Женька такой наган выточил, под мелкокалиберные патроны! Передать не успел, с ним «красные шапочки» Женьку и замели. Ещё мелочь, подлётки, человек восемь. Эти вообще мозгов не имеют, для них Свищ – вождь нетрудового пролетариата, хоть на демонстрацию с портретом выходи».

– Таки хреново, – процитировал популярный анекдот Витюля. И тут же спросил – А Шулятик?

- Отошёл Валера.
- Куда отошёл? – не понял Лыцарь.
- Совсем отошёл. Помер, значит. Простыл и преставился.

Эта новость огорошила. Шулятик был здоровенным парнем, правой рукой подковы гнул, не меняясь в лице; в прорубях купался, только крякал от удовольствия. И вот...

Атлет подхватил поллитровку, резко ударил по доньшке. Хрустнул сургуч, пробка со щелчком вылетела, почти как у шампанского. Знакомый фокус. Расплескал по стаканам. Не чокаясь, помянули хорошего друга, которому судьба подкинула такую подлянку.

– Когда и как нас резать будут – узнать сможешь?

Спросил, а сам физически ощутил, как в поясницу справа входит остро отточенный узкий нож. Сначала почти ничего и не чувствуешь, потом такая боль... Витюля тряхнул головой. С чего это он? Что за хрень вообще? О другом надо мозги поломать. Он принялся напряжённо обдумывать новую ситуацию. Как говорится, картина Репина: «Не ждали». Вроде, сообразил.

– Трёкни, где надо, что приехал я. Один. Где остановился, пока не знаешь. Но обещал днями забежать. К тебе, – подчеркнул Куцый.

Ваня пожал плечами:

– Мне он, конечно, ничего такого не скажет. Знает, что тут же пришибу. – Боксёр сжал правый кулак и с уважением на него посмотрел. – Но думаю, тянуть он не станет. А то ты с парнями побазлать успеешь, кто знает, как оно повернётся. Тебя ведь многие держат за правильного мужика. В общем, я скажу, а потом знаю, у кого спросить, что он ответил.

– Если что, пиками не отмашемся, – подвёл итог Куцубин. – Ванюша, ты знаешь, где взять хотя бы пару шпалеров? Чистых. И маслят побольше.

Цыган вздохнул и помотал головой.

– Ладно. Помаракуем сами. Ещё вопрос: Любания моя сейчас с кем? И её Труха под себя подобрал?

Цыган ничего не сказал, только длинно сплюнул в угол.

«Вечер встречи» возвратившегося пахана с верными пацанами устроили в доме у Трухи. Он с самого детства занимал полуподвальное помещение. Из прихожей в огромный зал вела крутая и узкая лестница. Перегородки отделяли небольшую кухню и места общего пользования. Всё остальное выставлено напоказ – в одном углу кровать, в противоположной стороне, под окном, выходящим в специальную нишу, чтобы хоть как-то зачерпнуть дневного света, письменный стол. Он остался от родителей. Для самого Свища такая роскошь явно была излишней. Не Лев Толстой.

Первыми на хазу пришли «девушки». Происходивший из интеллигентов Труха избегал слова «марухи», но не брезговал посылать их «на заработки» к международным поездкам или к «Националю» на Горького. Сам тоже пользовался. Девки сразу принялись накрывать стол. Резали колбасу и сыр нескольких сортов, вывалили из кульков в миску купленные в «Овощном» на углу винегрет, квашеную капусту, солёные рыжики. Чего-то поджаривали на двух сразу керогазах, порезали калачи из Филипповской булочной.

Выпивку ставил хозяин. На полу теснились «белые головки», среди которых затесалась даже пара-тройка армянских коньяков и целый ящик со сладкими винами – кагором и мускатами.

Сам Труха обеспечивал «культурную программу»: раскрыл крышку радиолы, перебирал пластинки в ярких, не наших конвертах.

Пацаны подваливали по двое – по трое. Сначала под злобное ворчание двух посаженных по случаю «банкета» на цепь «кавказцев» появились Лёха Бык, Сапог и Глобус. Все трое были в милицейских полушубках, под которыми оказались модные вельветовые курточки и заправленные в «прохаря» неглаженные брюки. Явившись без настоящего «параду», ближние кореша нового главаря демонстрировали, что возвращение Куцего не такой уж для них праздник.

Потом пришли Саша Журавель и Костя Саксаганский. Алексаша, светлорусый красавчик, первым делом зыркнул на девушек, довольно ухмыльнулся, стащил тёмно-зелёное пальто хорошего сукна и остался в синем двубортном костюме. Костя долго возился с пуговицами кожаной легчицкой куртки. Когда он был младенцем, по недосмотру родителей сви-

нья отгрызла фаланги пальцев на обеих руках. Выполнять мелкие движения типа расстёгивания или застёгивания одежды было неудобно. Зато в драке зароговевшие культи оказывались страшным оружием.

Куцый, Косой Лыцарь и Ванюша Цыган притопали последними.

Вчера Цыган передал с пацаном маляву:

– Труха велел найти «ребят» и позвать на вечеринку в честь возвращения.

– А кто будет? – поинтересовался Виктор, сразу же прибежавший к Цыгану.

– Да вроде больше из его кодлы. Андрюха Сапог, Глобус, Петя Губенко, ещё двое новых.

Порезать нас троих у Трухи в полуподвале – делать нечего. Он думает так – подпоить как следует или в водку сыпануть чего, а потом кучей навалиться и мочить. Заодно круговая порука выйдет...

– А Павелки, Костя, Жура?

– Да они в последнее время как-то отошли от компании, их не звали...

– Значит, так, хоть сам иди к Трухе, хоть пошли кого. Передай – чтобы все пацаны были, кодлу по новой собирать будем. А я со стороны посмотрю, когда все соберутся, тогда и появлюсь...

«Если явятся все свои в доску парни, – размышлял гаварь, – тут уж как карта ляжет. Пополам нас будет, а устраивать мочилово в собственной хазе Свищу не в жилу. Заморится потом кровяшцу вымывать, если самому по башке или в печень не прилетит...

С другой стороны, Вовик юноша хитрожопый, может чего-то напридумывать такого, что не предусмотреть. Так что нужно быть очень осторожным».

С утречка боксёр повел отсидельцев по магазинам. На деньги, полученные при освобождении и «заработанные» по дороге, приделались как фраера, даже при галстучках. Сапоги надевать не стали, эта «марьинорощинская» мода уже отходит, да и финки в голенище прятать не надо, покультурнее кое-что имеется.

Сколько раз Витек представлял: вот он возвратится, его Любана взвизгнет от радости, повиснет на шее, плача и смеясь, будет целовать его... Совсем как в зарубежном кино, как оно там называлось? Куцый смотрел его как раз с возлюбленной, дня за три до посадки.

Сейчас он всматривался в пёстрый табунок хлопчущих между керогазами и большим столом девиц, выискивая свою хрупкую блондиночку. Люба была, что называется, из хорошей семьи. Мама служила в отделе торговли райисполкома, папа – бухгалтер одной из контор Метростроя. Он вечно передвигал рычажки и крутил ручку арифмометра «Феликс», шевеля губами – считая обороты. И обитала дружная фамилия не в коммуналке, а в отдельной – приличной – двухкомнатной квартире, даже с телефоном. Впрочем, дружны они были только до знакомства с Куцубиным. Витюлю оба родителя на дух не переносили, ненавидели и панически боялись. Дочку постоянно пилили, чтобы «с этим бандитом» она не связывалась. Самому бандиту, когда он заходил, чтобы повести дочку «на гульки», или возвращал в целости и сохранности в семейное лоно, из соображений осторожности ничего подобного, конечно, не говорили. Но когда Куцубина увели под руки легавые и стало понятно, что скоро гаварь местной шпаны не возвратится, папа-бухгалтер устроил скромный праздник.

Любана вынырнула из толпы девиц навстречу Витюле. На шею блондиночка не бросилась, остановилась шагах в двух, поглядела в глаза и скромно потупилась. Куцый даже как-то не сразу ее узнал. Из девчонки-прутика его Любовь превратилась в плотную грудастую молодуху, сразу стало видно, что деревенская порода, хоть и в Москве родилась. Постриглась по киношному, и напрасно, длинные волосы шли ей больше. Любана стала другой, чужой совсем. А и трёх лет не прошло.

Куцубин хотел было подойти, по старой памяти погладить по щеке. Может, и вернётся прежнее чувство. Это он просто отвык от неё. Но не успел. Тяжёлая рука отодвинула её за плечо. Рядом с ней возник Костя Саксаганский, «лепший кореш».

«Ё-мое, – подумал пахан. – Вот оно, значит, как. Ё-моё».

Костя смотрел в глаза другу, виновато, но прямо. Коренастый, очень спокойный в любой ситуации крепыш всегда нравился Витьку. И что теперь делать? Дать по морде ему или ей? Начнётся свалка. И снова бывший пахан физически почувствовал, как в поясницу справа входит узкое лезвие...

Да, изменил Костя расклад сил.

На секунду все притихли, ожидая, чем разрешится ситуация. Только Труха ужом скользнул между Витюлей, Костей и Любой:

– За стол, за стол, сейчас выпьем за свободу, потом с каждым поручкаешься... – зачастил он и потащил Куцего во главу стола, к батарее бутылок.

Во дворе снова раздалось рычание «кавказок», хлопнула дверь, и по лестнице снизошёл Валера Круглик. Из-за поднятого воротника пальто торчал гриф закутанной в тряпки гитары.

Его никто не звал, но всегда и все Валере были рады, причем искренне. Круглик не входил ни в одну из местных банд, да и толку с него, хилого и трусоватого... Как козла доить.

В Марьиной Роще Круглов исполнял функции творческой интеллигенции. Самоучкой овладел всеми доступными инструментами. Да что там гитары-баяны. Валерка зажимал в ладони спичечный коробок, отбивал им ритм, другой подносил к губам расчёску и закатывал такие концерты, что тебе та филармония с их бахами, моцартами и другими прибабамбахами.

Сейчас он появился вовремя. Все завыли, заорали, стали звать Круглика за стол. Заодно расселись и сами. Витюля с Косым Лыцарем и Цыган плотненько сели, спинами к стене. Их три чёрных костюма, украшавшие торец, выглядели как президиум. Любаню с Саксаганским хитрый Свищ устроил на длинной стороне, поближе к противоположной оконечности «хавкодрома». Подальше от Куцего со товарищи и от беды. Зато рядом с отсидельцами нашлось место для гитариста.

Как положено, пили за «С возвращеньцем», за испытанного в деле и на зоне главаря, за верных друзей-подельников. Когда чуть расслабились от первых двухсот граммов и первой же сытости, пришло время искусства.

Круглик освободил инструмент от ветоши, погладил крутой бок, потеревил струны.

– Валерочка, «Мурку», – пискнул откуда-то с противоположного конца девичий голос. Витёк узнал Машку. Небось, мечтает, чтобы её Муркой называть стали. Исполнитель не спеша, с достоинством огляделся.

– Водки музыканту, – приказал он и подставил фужер, тут же заполнившийся ледяной прозрачной влагой. Круглов отхлебнул, оглядел компанию и запел:

Раз пошли на дело я и Рабинович,
Рабинович выпить захотел.
Почему не выпить бедному еврею,
Если у него нет срочных дел?

Блатной народ, для которого слово «еврей» было ругательством похуже матерного – за механическое выражение неуважения к маме собеседника тот бить морду сразу не кидался, но попробуй только причислить его к семитам, тут же огребешь по полной, – с открытыми душами внимал блатной трагедии. Волшебная сила искусства!

Выпить, ну так выпить,
Мы решили выпить
И зашли в вокзальный ресторан.
Там сидела Мурка. В кожаной тужурке
Был у ней заряженный наган.

Знаменитые слова «Ты зашухерила всю нашу «малину» и теперь за это получай» пели хором. Скажи какой зануда, что это вполне классицистская трагедия, основанная на конфликте между любовью и долгом, компания его просто не поняла бы. Между тем сионистский сюжет развивался не совсем по признанному образцу.

...возле синагоги мы решили Мурку застрелить.
Рабинович стрельнул, стрельнул – промахнулся
И попал не в Мурку, а в меня.
Я лежу в больнице, а падла Рабинович
С Муркою гуляет без меня.

Закончив балладу, исполнитель поднял за ножку бокал с водкой, чокнулся с Куцым, Лыцарем и Ванюшей, поклонился остальной честной компании и медленно выпил.

«Общество» терпеливо ждало, пока артист закусывал. Девушки под влиянием печальной истории даже загрустили. Певец чутко уловил настроение масс и ударил по струнам: «Гоп-стоп, Зоя, кому давала стоя?» Номер был многократно отработан, и марухи хором рявкнули: «Начальнику конвоя, не выходя из строя».

Затем публика взорвалась просьбами. Круглик пел часа полтора. Потом встал Труха и объявил танцы. Народ к этому времени уже был сыт, пьян и к общению готов.

Труха установил чёрную пластинку, зашипела, скользя по краю, игла. «Фокстрот «Двадцать крошечных пальчиков», – объявил он.

Первым выбрался из-за стола Круглик. Навстречу ему выскочила Машка. Певец накрыл левую ладонь свежим носовым платком. Девушка кокетливо опустила руку на ткань. Большой и указательный пальцы правой Валера устроил на талии партнёрши. И повел её мелкими дёргаными шажками по свободному пространству.

За законодателем стиля на простор выбирались другие парни и девицы. Куцый дёрнулся было встать, может, пригласить бывшую свою Любку. «Сиди», – прошипел Косой Лыцарь. Людей было много, танцевали уже впритык пара к паре. Сунуть в потной толчее заточку в спину – делать нечего.

«Пальчики» сменялись знойными танго и ещё какой-то музычкой, определить её смог бы разве что Круглик. В промежутке пили и закусывали, уже без общих тостов, разбившись на небольшие группки. Табачный дым висел тяжёлыми слоями, не успевая вытягиваться в форточки.

Потом парочки стали тихонько ускользать вверх по лестнице, чтобы успеть занять одну из комнат на первом этаже. Почин и здесь положил Круглик. Точнее сказать, артиста потащила за собой всё та же Машка. Вторым потопал Жура-Журавель, нежно глядя по заду выбранную шмару, кого именно – Куцый не разобрал.

Когда в зале осталась примерно половина празднующих, паломничество наверх прекратилось. Свободные места кончились. Теперь жди, когда освободятся.

Витюля обводил глазами танцующих, но ни Костю, ни Любку не находил. Когда они прокрались наверх, пахан не заметил.

Хозяин, Вова Труха, выключил люстру. Теперь зал освещался только тремя бра на стенах. До лирического полумрака дело не дошло, но всё же не как под прожектором у ворот лагеря.

Очевидно, Куцубин перебрал с непривычки, утратил бдительность, задремал. Разбудил его Труха. Хозяин дома был сильно встревожен.

– Витёк, пойдём, – позвал он.

За спиной Вовика толпилось почти половина кодлы, кто не вырубился вмертвую. Полуодетые, хмурые, перепуганные. Машка рыдала в голос, размазывая по красному лицу слёзы.

Куцый тряхнул головой, чтобы прогнать хмельную одурь. Лыцарь встал, пахан двинулся за ним. Цыган прикрывал сзади. Только поздно спохватились – захотел бы Труха, все уже в подвале валялись бы.

Труха провёл на первый этаж, толкнул дверь дальней комнаты. На полу лежали два голых тела. Костя Саксаганский, коренастый, мускулистый, ткнулся лицом в пыльный замусоренный пол. В районе поясницы, справа видна была узкая – от остро отточенного лезвия – рана. Именно в том месте, которое ныло у Виктора весь вчерашний вечер.

Любка валялась на спине с раскинутыми голыми ногами. У девушки рана была под левой грудью. Крови вытекло мало, тоненькая засохшая струйка, убегавшая под бок. Глаза остались открытыми.

Витюля медленно обернулся. Труха стоял прямо перед ним. В открытой двери видны были Косой Лыцарь, за ним полуголый Жура, перепуганные пацаны, девки, чуть прикрытые комбинациями или какими-то тряпками.

– Витёк, мы все тебе сочувствуем, мы тебя понимаем, – медленно произнёс Свищев. – И всё же, зачем ты так?

Глава 5

Портной Пинхус Мордехаевич Копфман жил и работал в шикарном доме постройки начала века, на углу Петровки и Столешникова переулка. Он занимал нечто вроде студии в мансарде, перепланированной из чердака над восьмым этажом. Маркова провожал к нему «начвещь» в ранге интенданта первого ранга, Михаил Иванов, плечистый двухметровый мужик с вечно красным лицом. Служба научила его улыбаться почти постоянно, то презрительно, то угодливо, зависимо, с кем дело имел. В общем, помогало, на заветный ромбик, он слышал, представление уже было подготовлено⁹.

Гудящий и лязгающий лифт довёз до верхней площадки, дальше два марша пешком.

Пройдя по длинному коридору, посетители оказались в просторной комнате. Внешняя стена представляла собой одно огромное окно. Три остальные стены этого пустого зала были зеркальными. Отражения множились и дробились, создавая ощущение нереального пространства, словно ты попал в мозг шизофреника или в фильм вошедшего недавно в моду английского режиссера Хичкока.

Вдоль стен стояли несколько манекенов, посередине – огромный раскройный стол, заваленный кусками ткани, бумажными лекалами, мотками ниток, пластинками мела. В дальнем углу, лицом к свету и боком к собственному отражению, темнели несколько швейных машин «Зингер» с ножным приводом. Разных размеров, конструкций и назначения.

Пока Марков оглядывался, в мастерской ниоткуда возник тощий седой человек. Его профиль можно было использовать вместо ножа: узкое лицо с горбатым крупным носом, казалось, фаса не имело вовсе. Одет он был в серые брюки, белоснежную рубашку, поверх них – чёрный саржевый фартук. На шее вместо галстука и как символ профессии болтался портновский метр.

– Здравствуйте, Пётр Миронович, – сказал Иванов. – Вот, привёз к вам товарища. Еле уговорил.

– Вы не считаете нужным быть прилично одетым? – спросил Копфман, протягивая сухую горячую руку. – Тогда вы никогда ничего не достигнете в этой жизни. Или, как барон дю Валлон, не терпите, чтобы к вам прикасались простолюдины?

– А вы строили этот зал, специально рассчитывая на гордецов типа Портоса? – улыбнулся Сергей, показывая на зеркала со всех сторон.

– Приятно убедиться, что высший командный состав армии всё-таки читает книжки, – саркастически произнёс портной. – Хотя бы приключенческие.

Марков отчего-то смутился:

– Ну, это в детстве...

– Так мерку будем снимать с вас или с отражений?

– С учётом того, что мои благородные предки никогда не поднимались выше мастеровых...

– Ой, вы себе представить не можете, какие гордецы встречаются среди тех, кто только поднялся в князи.

Сергей пожал плечами. Копфман снял с шеи метр. Откуда ни возьмись, появились трое подмастерьев. На миг Маркову показалось, будто он попал в сказку. Сейчас распахнётся дверь, вкатится голый король, и все, включая интенданта Иванова, примутся восхищаться роскошным нарядом монарха. Портной приложил ленточку с нанесёнными с обеих сторон цифрами

⁹ Интендант первого ранга носил на зелёных петлицах три «шпалы», но приравнивался к армейскому полковнику (четыре шпалы). «Ромбик» полагался бригадному интенданту, это уже высший комсостав.

к спине генерала. «О, а голый король-то, оказывается, я», – подумал Марков, и ему стало смешно.

– Вы не сомневайтесь, – приговаривал Пинхус Мордехаевич, измеряя не существующие пока рукава. – Форму мы построим в лучшем виде. Я, между прочим, был лучшим портным Одессы. Пока не перебрался сюда. Подучился насчёт тонкостей военной формы, и теперь перед вами – один из пяти лучших мастеров по мужскому костюму в мире. Я имею в виду – в цивилизованном мире. Африка, понятно, в расчёт не берётся. Зачем эфиопу фрак, я спрашиваю. А вот самому Вячеславу Михайловичу всю одежду готовлю только я. Так вы видите, каким авторитетом пользуется в Лиге Наций Советский Союз? Я даже шил как-то френч и брюки, – Копфман понизил голос, – для самого товарища Сталина. И можете себе представить? Ему понравилось! Он даже позвонил сюда по телефону и поблагодарил меня. Вы смотрели кино «Искатели счастья»? Нет? Очень напрасно. Имейте в виду, там главный персонаж, Пиня Копфман, написан специально с меня. Даже имя сохранили.

Куда бы ни посмотрел Марков, везде красовался рослый мужчина в форме без знаков различия и плавно суетящийся вокруг говорливый портняжка. Зеркала перебрасывали отражения друг другу, выстраивали причудливые комбинации из двух фигур, видимых с разных точек зрения. Это было похоже на калейдоскоп, только узоры сплетались не из осколков цветного стекла, а из людей.

Не склонный к отвлечённым размышлениям генерал вдруг поймал себя на мысли, что в зазеркалье существует бесчисленное множество таких же Марковых и у каждого своя планета, отпущенные только ему жизнь и смерть. Потому любой из Сергеев, видимых сейчас, считал себя единственным, наивно полагал, будто он существует реально. А вся реальность – полированная поверхность чистого стекла.

И ещё ему подумалось: прихотливое мельтешение человеческих фигур ужасно похоже на судьбу, как ее, должно быть, видит Бог.

Манипуляции закончились быстро.

– Когда прийти на примерку? – спросил Сергей.

– Какая примерка? Зачем примерка? – Пиня обиделся. – Вы недооцениваете мастера. По-вашему, портной – это человек, который сидит, поджав ноги, на столе и водит иглой? Дер Шнайдер нейт, ди Нагель гейт, – немилосердно фальшивя, пропел он. – Нет! Мастер по костюмам из самого запущенного поца может сделать Человека. И тот будет звучать гордо, как требовал великий пролетарский писатель Максим Горький. Во всяком случае, до тех пор, пока с него не снимут пошитые мной штаны! Помните анекдот? Один большой чин из занюханного наркомата единственный раз в жизни получил командировку в Лондон. И купил там ткани на костюм. Вернулся в Москву, приходит к швейнику, мол, хочу костюм из настоящего английского твида. Тот снял мерку, измерил отрез. Говорит, на вашу фигуру материала маловато. Чин расстроился, ведь не докупишь нигде. Забросил ткань в шкаф и забыл. А через некоторое время его послали в Одессу. Подумал наш страдалец, да и взял отрез с собой. Одесские портные всегда славились.

У Чёрного моря коллеги подсказали московскому гостю адресок, он принёс ткань, мастер его обмерил: «Через пару дней на примерку». Заказчик пришёл. Ему дают брюки. Длинноваты.

– Не беда, – говорит мастер, – подвернём.

Чин начинает паниковать: ведь ему говорили, будто не его фигуру материи не хватает.

Мастер даёт пиджак. Великоват.

– Не беда, – говорит мастер, – ушьём.

Когда мастер подал ещё и жилетку, москвич не выдержал: «Как же так, в столице мне говорили, что этого отреза на мою фигуру не хватит!»

– Это вы, извините, в столице фигура, – говорит мастер. – А здесь, в Одессе, вы, извините, – говно. Фуражку мерить будете?

В кабинете Иосифа Виссарионовича зазвонил телефон. Это был единственный аппарат, напрямую связанный с внешним миром, минуя Поскрёбышева, минуя людей Власика. Естественно, номер его знали очень немногие. Эти шесть цифр не были известны ни Вячеславу Молотову, ни даже наркому внутренних дел Лаврентию Павловичу Берии. Вождь позаботился о том, чтобы тайна не стала достоянием даже ближнего окружения.

Номер должен был знать, конечно, начальник кремлёвской АТС, но после личной беседы с вождём поклялся его забыть, и действительно забыл настолько прочно, что, если возникала техническая необходимость, являлся к товарищу Сталину, и тот, приложив палец к губам, писал магическое число на бумажке, которая немедленно сжигалась.

Хозяин снял трубку.

– Сосо? – раздался мягкий бархатистый баритон. Обращаться так к Сталину имел право только один человек в мире.

– Да, Георгий, – отозвался Генеральный секретарь партии. Голос его звучал непривычно мягко и предупредительно.

– Я в Москве. Если у тебя найдётся время, хотелось бы встретиться.

– Обижаешь, Георгий. Это ведь я просил тебя приехать.

– Да. Возникли проблемы с визами. Твои служащие – большие крючковторы.

– Ты даже представить себе не можешь, какие, – тихо, горланно засмеялся Иосиф Виссарионович. – Если бы я не держал вопрос под личным контролем и не дал кое-кому по голове, ты сидел бы в своём Париже года этак до пятидесятого. Я очень благодарен, что ты откликнулся, Георгий.

– Ну что ты. Ты мне больше, чем брат. В каком-то смысле ты мой ученик. Иногда я этим горжусь.

– Иногда, Георгий?

– Ты – большой человек, Сосо. Полководцы, государственные мужи делают Историю. А для простого человека История – беда. Знаешь, как доставляли каменные блоки к египетским пирамидам? Наши инженеры до сих пор разводят руками: нет подъёмных кранов, чтобы могли поднять такой вес. На самом деле всё было очень просто. Глыбу ставили на помост и тащили. Чтобы она скользила, требовалась смазка. И под каменную махину подкладывали рабов.

История также движется по раздавленным людям. Как судить создателя пирамиды, Сосо? По результату его усилий? Или по судьбам жертв строительства? Ты – воин. Ты делаешь своё дело. Так делай его хорошо и не заботься о том, кто и как будет когда-то оценивать твои решения.

– Знаешь, Георгий, – задумчиво проговорил Сталин, – похожую мысль я вычитал недавно в очень талантливом романе. Рукопись не закончена, но в одном из вариантов есть такой абзац, – вождь наклонился, открыл нижний ящик правой тумбы письменного стола, шлёпнул на стол пухлую папку, дёрнул за шнурок, уверенно нашёл закладку в стопе машинописных листов и прочитал предложение из отчёркнутого красным карандашом абзаца: «У него мужественное лицо, он правильно делает своё дело, и вообще всё кончено здесь». Хорошо написано и лестно сказано, не находишь? Правда, слова эти вложены в уста дьявола... К сожалению, у нас никогда не разрешат опубликовать эту книгу...

На секунду Сосо замолк. Уставился в потолок, опустив трубку на колени. Сказал негромко:

– Десятого марта. Всё случилось десятого марта. Ровно через год. Почему? Этого не может быть!

– О чём ты, Сосо? Я плохо слышу.

– Георгий, – словно очнулся Сталин. – Георгий, мне очень нужно встретиться с тобой. Прямо сейчас. Пожалуйста. Я... я боюсь, Георгий.

– Приезжай, – предложил Гурджиев. – Нас поместили...

– Ты недооцениваешь тирана, – по голосу было件нятно, что Сталин пытается улыбнуться. – Я знаю адрес.

Полотно истории состоит из нитей-судеб ярких, выдающихся людей, эти нити переплетаются весьма замысловато. Прослеживая эти переплетения, поневоле приходишь к мысли, что тесен мир и любое важное событие возникает на пересечениях усилий многих личностей, имена которых известны каждому образованному человеку. Но созданный цветными нитями-судьбами узор, кажется, имеет собственный смысл, никак не связанный ни с одной из линий основы-ткани.

А жизни простых обывателей? – спросите вы. Радости и мучения так называемых обычных человеков составляют плотную подоснову истории. Она никак не просматривается под узором событий, но без неё никакие яркие нити не смогли бы связываться и переплетаться, они просто рассыпались бы, не имея опоры. Если у истории и есть какая-то тайна, заключается она в незримом предопределении поступков, которые совершали правители, пророки и полководцы, скрытым от глаз стороннего наблюдателя существованием миллионов подданных, верующих, солдат – всех, кого пренебрежительно кличут заурядностями, массой, пушечным мясом, а то и лагерной пылью.

Георгий Иванович Гурджиев с юных лет был выдающимся человеком. Им владела страсть к познанию глубин восточной мудрости. Главной любовью Гурджиева были книги. Он собирал и тщательно изучал старинные манускрипты, отыскивая в них указания на то, что китайцы обозначили словом «Дао» – путь, ведущий к совершенству. Ректор Тифлисской духовной семинарии, человек высокообразованный и достойный, общался с первокурсником как с равным. Чтобы оценить этот факт, следует напомнить: даже Иосиф Джугашвили, будущий Сталин, одной из причин своего ухода из стен здания в Гори, очень похожего на средневековый замок, назвал невыносимую строгость распорядка и угнетающую муштру. Уклад жизни был более чем жёстким, и амикошнства преподавателя со слушателями тут не одобряли.

Несколько позже молодой человек сблизился с доктором Бадмаевым Петром Александровичем, легендарным знатоком тибетской медицины, который пользовал Распутина и весь цвет придворного Петербурга. Бадмаев был очень серьёзным дипломатом, автором проекта «Записка Александру Третьему о задачах русской политики на азиатском Востоке», где был изложен подробно проработанный план распространения русского влияния в Китай. Были учтены экономические, военные, политические и религиозные аспекты вопроса. Прочитав «Записку», царь пригласил Сергея Юльевича Витте, министра финансов империи, дальновидного, осторожного и хитрого человека.

– Вы знакомы с сим документом, – спросил Александр, с высоты своего гренадёрского роста глядя в глаза придворного, прикрытые сверкающими стекляшками пенсне.

– Там есть моя виза, Ваше Величество, – спокойно ответил Витте.

– Вы полагаете, это реальный план?

– Во всяком случае, мне редко приходилось сталкиваться с таким детально продуманным предложением.

– Есть смысл финансировать?

– Безусловно. Россия, чтобы быть великой империей, обязана искать способы влиять на соперников. Если мы приобретём реальные рычаги воздействия в Китае, позиции «шестой части Земли» укрепятся настолько, что ни Альбион, никакая другая страна, включая быстро развивающиеся Северо-Американские Соединённые Штаты, в ближайшие сто лет не смогут нам составить конкуренции.

– Хорошо, – согласился самодержец и протянул мощную руку к перу.

В 1894 году Александр Третий, по совету Витте, повелел субсидировать реализацию плана Петра Александровича и отпустить на эти цели два миллиона российских золотых рублей. Через семь лет Николай Второй, также проконсультировавшись с Витте, отдал распоряжение о выдаче весьма крупной суммы П. А. Бадмаеву.

Гурджиев попал под интеллектуальное влияние врача, выдающегося дипломата, замечательного знатока буддизма. По его заданию юноша совершил своё второе путешествие в Тибет. Ставились перед ним только познавательные задачи или потаённой, но главной целью был сбор разведывательных материалов, сегодня не узнает никто, как никто не сумеет сказать точно, чьё задание позже выполнял во время своих знаменитых странствий Николай Рерих. Во всяком случае, Сталин просто не мог быть не осведомлённым о подобном проекте. Всё, что связано с путешествиями в Тибет в двадцатом веке, пахнет политическими тайнами, густо замешенными на мистике.

Казалось бы, дважды побывав у ворот Шамбалы, Георгий должен был стать ярким приверженцем буддизма, может быть, в дзенском варианте, или йоги. Однако случилось по-иному. Гурджиева привлек суфизм.

Путь познания суфиев ведёт к тем же целям, что практики йогов и буддистов. Но это – «шёлковые» тропы. А в корне слова суфизм лежит шерсть, грубая и колючая. Зато в стужу согреет не шёлк, а она.

Ближе всего к учению суфиев система Игнатия Лойолы. Потому, что схожи цели: воспитать солдата. Воин – это не только и даже не столько физическая сила да навыки ведения боя. Главное – особое состояние души, особое умение контролировать свой разум и через него – тело.

Как и другие восточные системы самосовершенствования, суфизм прежде всего требовал вывести неопита из привычного существования. Человек стремится экономить нервную энергию. Большая часть жизни – это повторяющиеся, стандартные ситуации. У подавляющего большинства вырабатываются автоматические реакции. Для мыслителя такое инстинктивное поведение – духовная смерть. Для воина – неминуемая гибель физическая. Оба должны каждый миг видеть суть вещей за их оболочкой. А оболочка чаще всего выглядит вполне обыденно. Потому она и обманчива.

Для чего суфии подвергают вновь обращённых мучительным испытаниям? Скажем, они заставляют желающего приобщиться к сакральной мудрости углублять выгребную яму, не обращая внимания на то, что ею продолжают пользоваться. Учителя полагают, что такое изменение обстоятельств существования способно сорвать с разума пелену привычных восприятий, очистить его.

В отличие от иных систем, суфии не требуют от последователей учения ухода от мира. Наоборот, каждый должен обрести специальность. Он может быть плотником, рыбаком, врачом и приносить реальную пользу, продолжая жить бок о бок с обычными людьми. Медитации заменяются тщательным исполнением профессиональных обязанностей.

Следующий этап – движение к мгновенному познанию истины. Христиане называют его иллюминацией, буддисты – сатори, суфии – хакикат. Дойти до этой стадии дано не многим, только тем, кто станет Учителем. Это – последняя ступень перед тем, как стать Посвящённым.

Сам Георгий Иванович считал, что он – наставник. Его ученики были уверены: Гурджиев – один из немногих Посвящённых, тех, кто хранит и выправляет судьбу Мира.

После отъезда из России Гурджиев занялся предпринимательством. То ли ему сопутствовала небывалая удача, то ли овладение мудростью суфиев помогало и в капиталистических джунглях. Во всяком случае, Георгию Ивановичу удалось не просто заработать на жизнь. Он быстро превратился в одного из самых богатых людей Европы. На полученные капиталы гуру создал Институт гармоничного человека и при нём открыл театр. Из всех занятий, какие суще-

ствовали, продвинутый суфий Гурджиев выбрал профессию, требующую каждый раз сызнова создавать особый мир, изменять и вести к просветлению обитающих в этом мире людей, – профессию режиссёра.

По приезде в Москву «Театру гармоничного человека» назначили место размещения в бывшем купеческом особняке, который стоял в Печатниковом переулке – в самом центре сплетения сретенских кривых и узких заездов, проездов, улочек, недоулиц и проулков. Бывший хозяин особняка славился любовью к театру. По стопам коллеги-купца Константина Сергеевича Алексева, больше известного по псевдониму Станиславский, он не пошёл. Считал, что стремление служить обществу, превращая сцену в трибуну, истинного коммерсанта только компрометирует. По примеру бар-крепостников позапрошлого и прошлого веков он завёл личную труппу и давал спектакли только и исключительно для друзей – ценителей.

С Гурджиевым приехали пятнадцать самых одарённых, по мнению Мастера, и наиболее приближённых к нему учеников. Семь девушек и восемь парней разных национальностей – азербайджанцы, турки, двое узкоглазых тибетцев, пара арабов, русские, даже трое французов – показывали танцы просветления духа. Эти композиции были похожи одновременно на верчения дервишей, удивительные прыжки на сцене «босоножки» Айседоры Дункан и на имитации боя саблями в хореографии кавказцев. Однако вся эта мешанина и разностильная эклектика производила на зрителей потрясающее впечатление. У каждого, кто сидел в зале, складывалось впечатление, будто, сумеи только запомнить и повторить нервную вязь переползаний, вращений и подскоков, и откроется иной, более приспособленный для человека, мир; и сам ты станешь другим: приобретёшь безошибочные рефлексивные реакции хищника, станешь потрясающе быстрым. А самое главное – ты поймёшь смысл этой жизни.

Артисты репетировали на сцене небольшого зала. Георгий Иванович сидел в пятом ряду и следил за исполнителями, поглаживая роскошные седые усы. Он периодически останавливал танец, просил исполнителей медитировать. Потом действие начиналось снова.

Сталин вошёл в зал и быстро зашагал к старому другу. В левой руке он нёс потёртый кожаный портфель, туго набитый и, похоже, тяжёлый. Верный Поскрёбышев остался в дверях, цепким взглядом обшаривая помещение. Гурджиев сидел не оборачиваясь, увлечённый вихрем человеческих тел, метавшимся по сцене. Когда вождь приблизился, бесшумно ступая мягкими сапогами без каблуков, Георгий Иванович встал и повернулся: «Здравствуй, Сосо».

– Здравствуй, Георгий. – Маленький Сталин подал руку худому Гурджиеву, который рядом с Сосо показался высоким. Друзья обнялись.

Молодые суфии, столпившись на сцене, с интересом следили за встречей Хозяина и Мастера.

– Работайте сами, – приказал Гурджиев и повернулся к гостю: – Пойдём в мою комнату?

– Нет, – попросил Сталин, – давай говорить здесь. Сядем в центре зала, и никто не сможет подслушать.

Гуру внимательно поглядел в глаза усталого тигра:

– Укатали тебя ваши игры.

Иосиф Виссарионович положил портфель на колени, щёлкнул замками, протянул другу пухлую папку:

– Я принёс тебе роман, из которого была цитата.

Гурджиев кивнул.

– Прочитай, он того стоит. Только не вывози в свой Париж. Будут большие неприятности. Лучше сожги. Заодно проверим правоту автора. Он утверждает, будто рукописи не горят.

– Я знаю, – сказал Георгий Иванович. – Горит бумага. А слова возвращаются к Богу.

– Эти слова, – вождь достал из кожаного чрева вторую папку, потоньше, – вряд ли когда-нибудь достигнут Всевышнего.

Не торопясь, вполголоса, Сталин рассказал о визите призрака. Говоря, он автоматически поглаживал кистью правой руки локоть левой. Гурджиев, слушая, листал «объективку», подготовленную Берией на Аристотеля Фиораванти. Особо заинтересовала суфия записка Будиани.

– Этого типа я знаю, – сухо произнёс Георгий. – Гипнотизёр. Сильный, примерно на уровне Вольфа Мессинга. Ты ведь с ним встречался.

– Откуда знаешь? – удивился Сталин.

Гурджиев усмехнулся уголком рта:

– В отличие от Вольфа товарищ Будиани – старый подручный твоего Малюты Павловича...

– Не любишь его? – улыбнулся теперь Хозяин.

– А ты его любишь?

– Зачем ему моя любовь? – подчёркнуто удивился Иосиф Виссарионович. – Он сам кого хочешь... отлюбит. Ладно, хватит лирики. Давай ближе к делу.

Общение со старым другом повлияло на Генерального секретаря самым положительным образом. Озабоченное выражение ушло, черты лица разгладились, Сталин улыбался. Увидь сейчас «стального Иосифа» его ближайшие соратники, пожалуй, они не сразу бы узнали вечно сосредоточенного, напряжённо контролирующего себя и окружающих вождя.

– Ещё два слова. Будиани принимал участие в допросах. Подследственному не давали спать часов шестьдесят. Потом в игру вступал гипнотизёр. Самых негибаемых он потрошил вмиг.

Иосиф Виссарионович перестал улыбаться:

– И всё-таки, что ты думаешь, Георгий, по поводу всей этой истории?

Он посмотрел в глаза Гурджиеву и тут же перевёл взгляд на сцену. Сплетённые тела юных пар словно взрывом расшвыряло в стороны. Закружился водоворот из дервишей, чьи посохи превратились в грозное оружие. Гордо стоявшие люди, которые находили опору друг в друге, повержены и ползают во прахе, аки гады.

– Ты хочешь, чтобы я ответил: был ли это реальный призрак, – произнеся парадоксальное словосочетание, Гурджиев невольно усмехнулся, – или чей-то умысел?

– Да.

– Я не верю в привидения. Ты тоже.

– Эта тень загубленного итальянца... Она явилась точно в годовщину смерти автора романа, который я тебе привёз. Роман о Христе и пришествии дьявола в Москву. В мою Москву. Думаешь, совпадение?

– Ты был другом писателя?

– Нет. Но я ценил его. Писатели вообще необычные люди. Они говорят больше, чем знают. Больше, чем вообще может знать человек. А этот был настоящим талантом, – задумчиво проговорил Сталин. – Когда он умирал, ко мне обратились актёры МХАТа, просили, чтобы разрешили Мастеру выехать в Палестину. И знаешь, я позволил.

Гурджиев усмехнулся. Он понял, как хотелось вождю, чтобы старый друг подивился его великодушию.

– И что, помогла смена климата?

– Нет, он умер раньше, чем пришло разрешение уехать из СССР.

– Да, Россия всегда предпочитала, чтобы её люди умирали дома, чем чтобы они выживали за границей.

Георгий Иванович надолго задумался.

– Я не могу сказать тебе точно, есть ли здесь чей-то расчёт, или Господь Бог решил взять тебя за ушко. Но мне трудно представить себе небесную или дьявольскую канцелярию, которая скрупулезно вычисляет, какого числа прислать к тебе духа, чтобы он произвёл максимальное впечатление.

– Может, это называется знак?

– Брось, Сосо, все знаки и знамена – это для дураков. Кажется, у Паскаля есть совершенно замечательное доказательство бытия Бога. Он советует сопоставить, как мало усилий требует от человека вера – всего-то навсегда вести себя так, как будто Создатель есть. И как много он выигрывает, если и впрямь Господь существует.

– Какой-то купеческий подход.

– Я тебе советую поступить наоборот. Поступай так, словно ты уверен, что твой призыв – начало интриги, затеянной людьми. Если это – вмешательство потусторонних сил, ты всё равно ничего не сможешь изменить. Ты ведь не бросишь всё и не уйдёшь в монастырь грехи замаливать.

– Не уйду, Георгий. На мне не только страна в сто шестьдесят миллионов душ. Не сочти за манию величия, от меня, особенно сейчас, зависит судьба мира. Только не проси рассказать: не имею права...

Теперь на сцене бушевал бой, жестокий и беспощадный. Танцоры изощрённой пластикой передавали смертную муку поверженных. А победители огромными прыжками летали над разорванными, казалось, телами противников, добывая любого, кто подавал какие-то признаки жизни.

– Знаешь, Георгий, – сказал Сталин, – я и сам пришёл к такому же выводу. Но для меня очень важно, что ты, именно ты подтвердил мои мысли.

– Давай сделаем так, – предложил Гурджиев. – Я зайду к тебе, скажем, завтра. И посмотрю, так сказать, место действия. Если имела место магия, должны остаться следы... мощного усилия, назовём так.

– Хорошо, я распоряжусь... – начал Хозяин.

– Не нужно, – перебил Гуру.

– Но... охрана.

– Неужели ты думаешь, что я не сумею сделать то, что удалось Мессингу? Ты меня недооцениваешь, Сосо.

– Тебя сильно не любит Лаврентий. Очень сильно не любит. Ещё с Закавказья.

– Знаю. Берия меня боится. Может быть, я единственный человек на свете, которого он боится больше, чем даже тебя, Сосо. Для него и Будиани – чуть ли не сам дьявол. А я умею гораздо больше. Так что устраивать несчастный случай на подходе к твоим апартаментам он точно не станет.

На сцене многократно убитые вдруг стали подниматься. Сначала на колени, потом на ноги. Они стояли, покачиваясь, и пели:

Я буду спасённым, и я спасу. Аминь.

Я буду свободным, и я освобожу. Аминь.

Я буду ранен, и нанесу рану. Аминь.

Я буду рождён, и я рожу. Аминь.

Я буду есть, и меня съедят. Аминь.

Я услышу, и меня услышат. Аминь.

Обо мне будут мыслить, мыслить полностью. Аминь.

Я буду омытым, и я омою. Аминь.

Милосердие танцует. Я играю на свирели.

Танцуйте все. Аминь.

Число Восемь (буквально: один огдод) поёт хвалу вместе с нами. Аминь.

Число двенадцать танцует в высоте. Аминь.

Всё в высоте принимает участие в нашем танце. Аминь.

Те, кто не танцует, не знают, что произойдёт. Аминь.
Я спасусь бегством, и я останусь. Аминь.
Я украшу, и меня украсят. Аминь.
Я буду объединённым, и я объединю. Аминь.
У меня нет дома, и у меня есть дома. Аминь.
У меня нет места, и у меня есть места. Аминь.
У меня нет храма, и у меня есть храмы. Аминь.
Я есмь светильник тому, кто зрит меня. Аминь.
Я есмь зеркало для того, кто видит меня. Аминь.
Я есмь дверь тому, кто стучит в меня. Аминь.
Я есмь путь для тебя, путник. Аминь.

Все попытки противников вновь низвергнуть восставших в прах почему-то не достигали цели. Казалось, измученные тела облекла какая-то незримая защита, отклоняющая, уводящая в сторону любое агрессивное действие.

– Скажи, Георгий, – попросил вдруг Сталин, – как ты думаешь, Бог есть?

– Есть, – кивнул Гурджиев. Он тоже внимательно смотрел на сцену. – Только он совсем не такой, как его все представляют.

– Да, – сказал Сталин. – Да, я понимаю.

– Понимаешь? – сурово переспросил гуру. – Тогда слушай: «Существуют места по правую руку и по левую, а также силы господства, власти и демоны, действия, угрозы, гнев, дьяволы, Сатана и корень внизу, откуда исходит природа вещей, вступающих в бытие. Ты видишь то, что ты есть, ибо я показал тебе это. Но то, чем являюсь Я, знаю Я один, и никто больше. Выстрадай же меня, чтобы сохранить то, что есть моё и то, что есть твоё, чтобы узреть через Меня и узреть Меня в истине. Я есть не то, что Я сказал, но то, что ты способен знать, так как ты близок к тому же». Эти слова были обращены к апостолу Иоанну. Мне кажется, сегодня их должен услышать и ты. Не ухом – сознанием. В этом твоё спасение. «Если ты слышишь Меня, ты, слышащий, будешь, как Я. Ибо от Меня ты есть то, что ты есть. Не заботься поэтому о многих, а тех, кто вне тайны, презри».

Запомни эти слова, Сосо. Они должны стать твоей баракой.

Выпускник духовной семинарии, Генеральный секретарь партии атеистов удивлённо поднял бровь.

– Барака – это слова, которые ты должен воспринять путём постоянного чтения, так чтобы постепенно усваивались разные уровни смысла. Они читаются не для того, чтобы «понять» их в вашем словоупотреблении, а чтобы погрузиться в самую суть своего сознательного существа и внутреннего «я». На Западе люди интеллекта учат, что для того, чтобы извлечь пользу из чего-либо, вы должны понять это. Суфийское учение не может опираться на такую грубую вещь, как эта поверхностная способность. Барака просачивается внутрь, часто независимо от человека, и её нельзя заставить ждать на пороге до тех пор, пока «интеллект» позволит ей проникнуть в вас или вам проникнуться ею.

Тот, кто имеет глаза, чтобы видеть, пусть видит связь; тот, кто имеет уши, пусть слышит истину среди запутанной паутины лжи. Но пусть он сначала разовьёт в себе способность знать структуру истины, ощущать истину, говорить истину и создавать климат, в котором истина – норма, а не что-то необычное.

На сцене между тем истерзанные, погибшие и воскресшие оказались победителями. Об их упорство разбились все атаки тёмных сил. Теперь они стояли перед зрителями, пошатываясь, поддерживая друг друга, но гордо глядя в зал.

– Несгибаемая сила духа, – произнёс Сталин. И даже Гурджиев не понял, иронизирует его друг детства или же он потрясён до глубины души.

Когда интендант Иванов отпер дверь и пропустил Маркова в его новую квартиру на Якиманской набережной, Сергей испытал давно забытое чувство. Он отвык, что одному человеку может принадлежать столько личного пространства. После годов, проведённых в тесноте и вони тюремных камер, арестантских вагонов, лагерных бараков, где нельзя уединиться и на минуту, где даже сортиры на десять, двадцать, пятьдесят очков, очень легко заболеть агорафобией, страхом больших площадей. Огромная гостиная и ещё три комнаты ненамного меньших размеров, обставленные с казарменной скупостью и незамысловатостью – потрёпанными казёнными шкапами с обязательными зеркалами и железными солдатскими койками без матрасов. Штук восемь их тут было, и прикроватные тумбочки к ним. Ещё – десяток разболтанных венских стульев. Запах какой-то затхлый, словно портянки на батареях недавно сушили.

Командующий поморщился. Хотел спросить, что за цирк интендант устроил. Но тот и сам уже, покраснев почти до невозможности, уже ругался в пространство, одними губами, вслух не смел. Чуть не за руку потащил Маркова в кухню. Там возвышался титанический буфет тёмного дерева и ещё не виданная Марковым новинка – печь, по виду газовая, но с электрическими спиралями в широких керамических дисках.

– Это – электрическая печка для готовки, – гордо объяснил интендант. – В Америке газом уже не пользуются. Опасно, может взорваться. Вдобавок ядовит. – Потом ткнул рукой в белый эмалированный саркофаг, поставленный вертикально. – Это тоже новинка. Называется холодильный шкаф или попросту холодильник.

Иванов потянул за сверкающую хромом ручку. Дверь раскрылась. Внутри была зима, как на улице. На полках расположились банки с тушёной, с овощными и рыбными консервами, икрой, крабами, десятка два яиц, несколько палок колбасы, пачки сливочного масла, цельная головка сыра. Почему-то две буханки хлеба, белого и чёрного, еще какая-то снедь. Натуральный Торгсин. Впрочем, пока Маркова не посадили, снабжался он не намного хуже. Но всё-таки хуже: комкор и командующий округом – разные номенклатурные уровни. На полках с внутренней стороны дверцы – десяток цилиндрических бутылок водки с незнакомой надписью «Столичная». Раньше таких не было. Ещё там находился коньяк в ассортименте и для чего-то две бутылки шампанского. Имели место и «семисотки» каких-то вин, но они Маркова не вдохновили и не заинтересовали.

– Это ваш допзаём за неделю, товарищ генерал-полковник. Адъютант будет пополнять, будьте спокойны.

– Да я и не беспокоюсь, – усмехнулся Марков. Пора заново привыкать, в родной армии ничего не меняется...

– А насчёт мебелировки и прочего – вы не пугайтесь. Это у нас здесь что-то вроде общежития для временно прикомандированных. Ну, по нашей части – приезжают люди из корпусов, дивизий на месяц, бывает два... Ну, чтобы в гостиницах не тратиться. А что же им – ковры-паласы стелить? От зампотыла команда поступила – нового командующего обеспечить. Ну – мы исполняем. Кухню вот успели, а остальное... – он развёл руками. – Главное – квартира вот! Сегодня с вечера начнут, и побелят, и покрасят... Что касается мебели – хоть сейчас на склад можно подъехать. Выбор есть. Если что не так – имеем фонды, можно в комиссионных закупить. Мы главное что – мы ж не знаем, у супруги вашей какие вкусы! Кому что, как говорится, нравится... Если прикажете – мы хоть сейчас.

– Успокойтесь. Я не женат, во-первых. Во-вторых, – вот именно – стены побелить, чтоб свеженько было. Обоев не люблю. Полы натереть как следует (Марков обратил внимание, как затоптан хороший дубовый паркет, узорчато выложенный). Окна, двери – под светлую слоновую кость. Бронзу – вычистить. Я вам передам ключи. Срок – неделя. Мебель заве-

зите на своё усмотрение. Лучше – гарнитурами. Рабочий кабинет, спальня, столовая-гостиная. Чтобы можно было жить...

И подумал – да какого чёрта! Ещё скромничать я вам буду!

– Я предпочитаю по-дореволюционному. Строго, без купеческой роскоши, как у профессора университета, например. Представляете?

Интендант шевельнул извилинами.

– Разберёмся, товарищ генерал-полковник.

– Тогда всё. А мне пока номер в гостинице снимите. В НКВДшной мне не нравится.

– В «Метрополе» устроит?

– Пусть в «Метрополе»...

– Тогда прошу в машину, я вас отвезу, размещу – и отдохайте.

* * *

Марков расположился в свежееотремонтированной квартире и с удовольствием рассматривал книжные шкафы, приобретённые Ивановым неизвестно где прямо с книгами. Четыре застеклённых шкафа под потолок, не меньше, чем на тысячу томов. Книги были все солидные, дореволюционные, в тиснённых золотом переплётках. Правда, половина по зоологии и энтомологии, но остальные вполне хороши – полные собрания словарей Брокгауза и Ефрона, Граната, Даля, русская и зарубежная классика, переплетённые комплекты журналов «Нива», «Русская старина», «Мир Божий» и тому подобные. Всё же положение большого начальника имеет свои плюсы. Сказал – и сделали. Как, где – не моё дело.

Во входную дверь кто-то постучал. Похоже, кулаком, как будто звонка нет. Не ожидая разрешения, дверь тут же и распахнули, Марков забыл запереть её на ключ и накинуть цепочку, как в Москве принято. Тоже отвык.

На пороге стояла огромная фигура в отлично подогнанной генеральской форме и сияющих сапогах.

Гигант сделал шаг, оказался в прихожей и широко развёл руки:

– Серёга, третий день мечтаю добраться до тебя и напиться в драбадан!

Марков торопливо двинулся навстречу:

– Володька, до чего ж ты вовремя! А раньше где пропадал? Я уж думал...

– Смотри, кого я к тебе привёл, – продолжал шуметь Владимир, не ответив на вопрос. Он сделал шаг в сторону. Из-за спины напарника по двуручной пиле появилась хрупкая фигурка – та самая Люсечка из самолёта.

– Здравствуйте, – застенчиво сказала она.

– Ребята, проходите. Я сам всего час, как въехал. Ремонт, мебелировка, то-сё. Осматриваюсь вот. Из всей дислокации познакомился только с холодильным шкафом.

Лось демонстративно потянул носом:

– Похоже, ваше знакомство было крайне поверхностным и в глубокую дружбу перерасти не успело. Ничего, сейчас поправим.

Он повернулся к девушке:

– Тащи сумку. Будем жить, будем пить. С нынешнего дня мы с тобой соседи, – объявил Лось. – Только меня поселили на этаж выше. Логика простая, чем меньше чин, тем дольше будешь топтать по лестнице.

– Да, – ухмыльнулся Марков. – Только лифта ты не учёл. И всё наоборот. Чем человек значительнее, тем он выше. А внизу магазин.

Люсечка уже порхнула в прихожую, втащила объёмистую сумку, стала извлекать из неё балык красной рыбы, колбасы, консервные банки с яркими этикетками и надписью «chatka», стеклянные банки с красной икрой и причудливой формы бутылки.

Ассортимент был точно тот же, что имелся и у Маркова. Видно, между генерал-майором и генерал-полковником невелика разница с точки зрения снабженцев.

Лось взял в руки банку крабов.

– Интересно, почему написано «Хатка»? Это по-каковскому крабов так кличут?

– Это по-нашему, – засмеялся Марков. – Напечатали этикетки с названием «Камчатка» под банку другого размера. Стали клеить, остается либо «Камч», либо «чатка». Решили оставить «чатку». А в Европах так продукт понравился, что смели с прилавков вмиг. Делать правильное название – надо объяснять, во-первых, что это те же крабы. Во-вторых, что маху дали. Помараковали и решили: пусть остаётся, как было.

Люсечка сноровисто нарезала, что полагалось, Лось быстрыми движениями открыл консервные банки. Из буфета появились хрустальные бокалы и рюмки, нераспечатанные коробки с мельхиоровыми ложками, вилками и ножами. Лось попробовал ударом под толстое литое днище выбить пробку из заморской бутылки, не сумел, смутился, принялся искать штопор.

– Это тебе заграница, пробковый дуб, а не картонка с сургучом, – засмеялся Марков. На душе у него было удивительно хорошо.

– Ну, будем живы и здоровы!

Чокнулись с долгим замирающим звоном, глотнули обжигающей жидкости.

– Фу, гадость, – выдохнул Марков. Джин ему до этого пить не приходилось.

– Самогон, – уважительно протянул Лось, разглядывая этикетку с забавной фигуркой. – Еловый, что ли?

Потом решительно отставил бутылку в сторону, взял «Столичную», повторил свой номер, теперь – вполне удачно.

– Для нас водочка повкуснее будет, – пропел он нежно и набулькал по полфужера.

– Второй тост – за великого и мудрого вождя, товарища Сталина, – торжественно произнёс Володя. – Все пьют до дна.

Марков посмотрел на друга с весёлым недоумением, однако стакан в рот опрокинул.

– Вы же ещё ничего не знаете, – затараторила Люсечка, заев горькую куском балыка. – Володечка был на приёме у самого Иосифа Виссарионовича! Два раза! По приказу Генерального сняли все обвинения, повысили в звании и дали новое назначение.

– С сегодняшнего дня я – заместитель Власика. Заместитель начальника личной охраны вождя. Нет, ты понял? Какой пронизательностью и мужеством надо обладать, чтобы вчерашнему эку не просто оказать доверие, но приблизить к себе!

Лось почти касался своим лицом лица Сергея, заглядывал ему в глаза, словно просил: «Вспомни. Пойми!»

Марков мигнул, показал, что всё понял. Он слышал байки о лишних вентиляционных отверстиях, под которыми сидит за стеной невзрачный человечек и записывает школьной ручкой с пером-«уточкой» на стандартных листах всё, что услышит. В лагерях – пересыльных и в самом СТОНе – об этом рассказывали очень многие. То, что подобные отдушины должны существовать в этом «хитром» доме, где обитали весьма большие военные чины и крупные деятели других ведомств, сомневаться не приходилось.

– Может, пойдём проветримся, – предложил Сергей. На балконе, если стать лицом к улице и говорить потише, подслушать разговор практически невозможно. Во всяком случае, генерал так думал. – Что-то на меня эта пакость иноземная плохо подействовала.

– Что вы, мальчишки, – вмешалась Люсечка. – Пойдёмте лучше к нам. Я тоже ничего не успела, но всё же у нас немного уютнее.

Марков слушал, открыв рот. К кому это к нам? Прелестная буфетчица тоже живёт в этом доме? Может, у неё папа – Валерий Чкалов? Или Паша Рычагов? Или... До Сергея стало доходить, почему так суетится девчонка, почему она так настойчиво приглашает в гости, так часто повторяет: к нам, у нас. Ай, да Володька, ай, да сукин сын. Когда только успел?

– Никуда мы не пойдём, – отрезал изрядно охмелевший Лось. Похоже, закладывая за воротник новенького мундира он начал давненько. – Мы будем пить и смеяться, как дети... или поётся по-другому? Хороши малыши, пить они будут... Серёг, ты понял, что я тебе хочу сказать? Господь Бог и товарищ Сталин дают мне шанс сделать то, чего я хочу больше всего. Может, мне народ памятник поставит, если я сумею. На последние трудовые копейки. Как Минину и Пожарскому. На Красной площади!

– На Лобном месте, – ляпнул Марков.

– Что?

– Памятник князю Пожарскому и гражданину купцу Козьме Минину поставили на Лобном месте, – пояснил Сергей. – Там, где совершались публичные казни.

Лось поднял разом протрезвевшие глаза:

– А и хер с ним. Пусть даже на Лобном.

Звонок прогремел в пустой квартире неожиданно. Марков ринулся искать телефон, ориентируясь по звуку. Каналья Иванов не удосужился показать, где стоит аппарат. Генерал, матерясь сквозь зубы, бегал из комнаты в комнату.

– Брось, Серёжа, – крикнул Лось, – кто тебе сейчас звонить может? Явная ошибка!

Но проклятая техника не унималась, выстреливая трели, как длинные пулемётные очереди. Наконец хозяин квартиры обнаружил чернобокого нарушителя спокойствия в самом дальнем помещении – кабинете. Он схватил трубку:

– Алло!

– Добрый вечер, товарищ Марков, – прозвучал незнакомый голос. – Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

– Сергей Петрович, – глуховатый голос вождя резанул по сердцу. Показалось вдруг, будто Хозяин не только мог слышать пьяный разговор в этой квартире, но и понял все намёки Лося. – Надеюсь, я не разбудил?

– Никак нет, Иосиф Виссарионович. Отмечаем с друзьями новоселье и новые назначения.

– Святое дело, – иронически сказала трубка, – только не злоупотребляйте. Я хочу пригласить вас завтра на небольшой приём. Не будет никаких государственных деятелей, чиновников, командиров производства. Надоели своим занудством. Соберутся культурные люди: артисты, режиссёры, писатели. Обещали, что будет даже Любовь Петровна Орлова. Ещё журналисты, поэты. Словом, люди свободных профессий. Есть постановление кое-кого из них наградить. А кого не наградят – получают новый стимул к этому стремиться. Не возражаете?

– С удовольствием, товарищ Сталин, – искренне произнёс Марков.

– Замечательно, – слышно было, что собеседник улыбнулся. – Да, желательно, чтобы приглашённые были с жёнами или... другими дамами. У вас есть подходящая? Если ещё нет – я распоряжусь, подберут... Одним словом, завтра вам на квартиру завезут пригласительный билет.

После телефонного разговора веселье как-то скукожилось. Лось старательно разливал спиртное, Марков натужно шутил, Люсечка прилежно смеялась каждой остроте. Но дух доброй пьянки улетел из казённой квартиры, как здравомыслие покидает голову дурака.

Когда гости прощались с хозяином, Люсечка сказала:

– Теперь вы просто обязаны нанести нам ответный визит. И как можно скорее. А я обещаю устроить дорогому гостю сюрприз. – И, лукаво усмехнувшись, добавила: – Приятный.

Против ожиданий, Марков проснулся рано, в шесть утра, всего на час после лагерной побудки, и почти не страдая от похмелья. То есть, во рту конечно, сухость, и голова не то чтобы болела, но была ощутимо тяжеловата.

Сергей был ещё достаточно молод и здоров, чтобы позволить себе варварские методы борьбы с состоянием, которое главные потенциальные противники – немцы – называли и по сей день называют «катцен ямер», – кошачий визг. Он приседал и отжимался до горячего пота, не обращая внимания на справедливое возмущение организма: полночи хозяин вливал в организм всякую отраву, а с утра устраивает марш-бросок по казённой квартире, но с полной боевой выкладкой.

Марков уже с удовольствием повторял хитрые упражнения. Лось вычитал их в каком-то самоучителе по борьбе кемпо. Друзья Владимира ещё по военному училищу ухитрились найти переводчика для этого японского трактата. В предисловии утверждалось, будто пособие средневековое и оно знакомит с приёмами, которые делают человека непобедимым. Правда, следовало ежедневно самосовершенствоваться и физически, и духовно. На это времени у Сергея не было даже до лагеря. А Лось, отзанимавшись несколько лет, втянулся. Он умудрялся выкраивать хотя бы по четверти часа даже в СТОНе, будь он вечно проклят.

Тем не менее иногда Марков получал и физическое, и интеллектуальное наслаждение, повторяя шаги с неожиданными поворотами, замысловатые удары руками и ногами, броски и падения. А для утренней зарядки лучше вообще ничего быть не могло.

К моменту, когда интендант Иванов позвонил в дверь, Марков был уже чисто выбрит, благоухал одеколоном «Шипр» и был готов «к труду и обороне», в данном случае – поездке к портному. В штаб сегодня не нужно – дела он уже успел принять, а график по должности имел почти свободный, главное – находиться на месте после восемнадцати и пока Сталин не удалится ко сну. А сегодня и этого не требовалось, сегодня – приём! На подобных мероприятиях ему ещё бывать не приходилось.

И парадная, и два комплекта повседневной формы были полностью готовы. Мастер проводил клиента в примерочную, а сам склонился над очередным отрезом. Когда генерал снова вышел в зал, Пинкус Мордехаевич поднял голову и рассеянно спросил:

– Товарищ генерал-полковник, а где этот?

– Кто? – не понял Марков.

– Ну, тут перед вами заходил один... Вроде приличный парень, но совершенно по-жлобски одетый.

Марков недоумённо оглянулся по сторонам. А Кофман отдернул шторку примерочной, где на столике грудой лежало прежнее марковское обмундирование.

– Подождите, подождите, – хорошо разыгранное удивление сменилось плутовской ухмылкой, отчего нос чуть не коснулся подбородка. – Я же говорил вам, что хороший костюм может сделать чудо. И самого затрущенного босяка превратить в лорда. Если босяк, конечно, умеет себя держать...

Сергей поднял глаза на ближайшую из зеркальных стен. В молодом элегантном военном, обтянутом безупречным мундиром и брюками с лампасом, он не сразу узнал себя. То есть это был, конечно, он, но гораздо лучше, значительнее и даже умнее, чем повседневный Марков. Действительно, был еле-еле жлоб, лагерник, а стал вполне приличный человек, какого и на светский раут пустить не стыдно. Такой фамильное столовое серебро по карманам точно рассовывать не будет.

Пинкус Мордехаевич с гордостью следил за реакцией Маркова на собственное отражение. Сергей повернулся к портному и искренне произнёс:

– Спасибо, мастер.

– Не на чем, – ответил Кофман. – К такому костюму просто необходимы приличные сапоги. Так они стоят вон там, в углу.

Марков уселся в синий «ЗиС-101» (по чину полагался. А на «Линкольнах» и «Паккардах» ездили уже секретари ЦК и члены Политбюро), на переднее сиденье, как всегда любил,

а Иванова отправил в салон, чтобы не надоедал. Уже неделя прошла, а Сергей всё не мог насмотреться на Москву глазами свободного, да теперь ещё и высокопоставленного человека.

В Москве начиналась весна. Солнце сияло с выцветшего за зиму неба, как лентяй в выходной. Сугробы на обочинах улиц начали темнеть и подтаивать с одного бока. С крыш капало, народ шёл не торопясь, подставляя лицо и бока разыгравшемуся светилу. Люди предвкушали грядущее тепло.

Сергей с удовольствием потянулся.

– Вас, полковник, куда подбросить? – он так называл Иванова для простоты, лень было каждый раз выговаривать – «товарищ военинтендант первого ранга». А тому – как маслом по сердцу.

Он высадил старательного интенданта на углу Воздвиженки, рядом с громадным зданием Военторга, потом доехал до Театральной площади и отпустил водителя.

– Я пройдушь пешочком, а ты езжай в гараж, машиной займись, в восемнадцать ноль-ноль у моего подъезда, как штык.

– Слушаюсь, товарищ генерал-полковник, – ответил сержант. Козырять, сидя за рулём, ему не полагалось, и он всё положенное почтение постарался передать голосом.

Марков медленно шагал по улицам, от которых успел отвыкнуть. Шёл куда глаза глядели, не обращая внимания на удивлённые взгляды столичных жителей: генерал-полковник, бредущий пешком, – зрелище не слишком привычное даже для центра Москвы.

Было тепло, наверняка выше нуля. Мама тащила за собой санки с карапузами в пальто с воротниками, обвязанными шарфами. Но малыши уже всячески старались выпростаться из ставших неудобными одежек.

По Неглинной, потом по Кузнецкому мосту Сергей вышел к Лубянке, автоматически свернул вправо, обошёл площадь, держась подальше от мрачного здания. Зачем-то направился к отгороженной от площади ветхими двухэтажными домишками каменной громаде – Политехническому музею.

В скверике возились и хохотали молодые парни и девчонки, наверное, студенты. Высокий тощий малый в очках-«велосипедах», шая, ухватил соседку за воротник тонкого суконного пальто, похожего на шинель, и толкнул на лавку. Она, видно, больно ударилась. Продолжала смеяться, но на глаза навернулись слёзы. Марков подбежал, успел подхватить девушку, иначе та свалилась бы в мокрый снег. Юнец, увидев, что натворил, испугался, бросился к подруге:

– Ушиблась?

«Жертва» оттолкнула обидчика:

– Уйди, дурак ты все-таки.

– Ну, извини, я же не нарочно.

Сергей стоял, не зная, что делать. Повернуться и уйти, не сказав ни слова, – как-то глупо.

Студентка подняла на него глаза. По щекам текли слёзы. Генерал вынул из кармана шинели белоснежный (спасибо Копфману) платок, подал пострадавшей. Она жестом отказалась.

– Возьмите, – произнёс Сергей.

– Спасибо, – прошептала девушка и вдруг улыбнулась.

В этой компании было минимум две хорошенькие девчонки. А сидящая перед Марковым совсем не была красавицей. Голова не покрыта. Длинные русые волосы расчёсаны на прямой пробор и на затылке собраны в «хвост». Тёмные глаза, маленькие, узко разрезанные. Нос великоват, губы узкие. Дева-яга. Но когда она улыбнулась... Сергей не сумел бы объяснить, в чём её прелесть. Просто мордашка излучала искренность и веселье, светила радостью жизни. Чёрт знает, как описать очарование! Бессилен человеческий язык в таких ситуациях, это ещё Бунин подметил.

Дева-яга аккуратно вытерла платком глаза, потом развернула его и высморкалась. Тут же смутилась:

– Ой, извините. Я постираю и верну вам чистый, честное слово. Только скажите, куда привезти...

Сергею захотелось погладить ладонью и пальцами высокую скулу, провести по длинной красивой шее. Его охватила такая нежность к совершенно незнакомой птичке, сидящей перед ним, – до дрожи. Давно такое не происходило с Марковым. Или, может быть, никогда не случилось.

«Старый козёл, – сказал он себе. – Ты совсем сошёл с ума? Прекрати немедленно».

Компания студентов незаметно переместилась к переходу, ведущему на улицу Кирова. И парни, и девушки нетерпеливо поглядывали в сторону отставшей подруги. Наконец не выдержала высокая красивая блондинка.

– Ленка! – крикнула она. – Ты идёшь?

– Ну вот, – улыбнулся Сергей, – познакомились.

– Друзья зовут меня Леночка-девочка, – улыбнулась студентка.

– А почему – девочка? – глупо спросил Марков.

– Потому, что я – не мальчик. Я думала, вы заметили.

– А я Сергей.

– Вы кто по званию, а то я не разбираюсь в кубиках-ромбиках. А у вас вообще звёздочки.

Майор?

– Чуть выше, – засмеялся офицер.

– Неужели полковник? – изумилась девчонка.

Марков смотрел на собеседницу. Он пытался понять, какого цвета у неё глаза, чёрные или тёмно-карие. И никак не мог разобрать. Вот сейчас этот ребёнок повернётся, порхнёт к своей компании – и всё. Никогда больше Сергей её не увидит.

Но Ленка-Леночка уходить не торопилась.

– Товарищ полковник, – сказала она, чуть запрокинув голову и улыбаясь. Только сейчас генерал заметил, что она небольшого роста, и на ногах у неё легкие, почти летние ботиночки без каблучков.

– Товарищ полковник-ик, – позвала девушка, – так куда принести платок?

– Может, сделаем по-другому, – предложил Марков. Безумная идея пришла ему в голову.

А что, Сталин сам предложил. – Мне не хочется вас отпускать. Давайте погуляем по Москве. Я так давно здесь не был. Почти четыре года. И погода чудеснейшая. А потом я скажу вам ещё одну вещь. Возможно, она покажется вам интересной...

– Ленка, ты идёшь? – теперь звал тот длинный в очках.

– Это – ваш парень? – спросил Марков, и в сердце неприятно кольнуло.

– Кто, этот дуремар? – беспечно отмахнулась девушка. – Ни в коем случае. Я вообще не воспринимаю пацанов.

– Конечно. Старики не в пример интереснее, – подтрунил генерал.

– Ну, какой же вы старик? – наивно удивилась Леночка. – С учётом чина... или звания?

Как у вас правильно?

– Ленка же! – заорала теперь хором вся компания.

– Я сейчас, ладно? – И девушка быстрым шагом двинулась к друзьям. Марков не слышал, что она объясняла. Но явственно донеслось: «Дура! Ну, и дура же ты!» Это произнесла та красивая блондинка. Леночка-девочка развернулась и пошла к Сергею.

– Профурсетка, – бросил ей в спину длинный в очках. Пока генерал соображал, имеет ли он право взять под защиту новую знакомую от её старых друзей (проще говоря, раздумывал, если он даст по морде юнцу, это будет выглядеть скверно: здоровенный мужик при чинах лупит совсем ещё сопляка. А сделать вид, будто ничего не заметил, ещё позорнее. Какой же он

мужчина, если позволяет оскорблять свою даму), девчонка сделала два шага назад, привстала на мыски и без замаха двинула прямым в челюсть обидчика. Парень пошатнулся, но не упал. Только судорожно схватился за очки. Ленка, не говоря ни слова, подошла к Маркову, взяла его под руку и нарочито громко, чтобы слышали, проговорила напряжённо-ровным голосом:

– Куда мы пойдём?

– Вперёд, – улыбнулся Марков. Когда они пересекли площадь и поравнялись с памятником Ивану Фёдорову, Сергей сказал: – Никакая вы не Леночка-девочка. Вы самая настоящая Ленка-хулиганка. Как вы его!

– Николай – хороший парень. Очень талантливый. Только дурак. Всё время старается оказаться рядом. Предложения руки и сердца делает регулярно. Раз в месяц, тринадцатого числа.

– А почему именно тринадцатого?

– Чтобы было чем объяснить очередной отлуп, – засмеялась девушка.

Через полчаса Марков знал о девчонке всё: третий курс ИФЛИ, филология. Занимается метапоэтикой Велимира Хлебникова. («Господи, – подумал Сергей, – знать бы, что это за зверь такой – метапоэтика. И заодно, кто такой Хлебников. Он стихи писал, романы или, может, драмы?») В институте читал лекции Шкловский. Он ужасно похож на моржа, но очень умный, даже гениальный. Не зря с Виктором Борисовичем дружили Маяковский, и Лиля Брик, и её сестра Эля, которая замужем за Луи Арагоном. На мысль о Хлебникове натолкнул именно он.

Блондинка, которая назвала её дурой, – Зинка, младшая сестра. (Никогда Сергей не заподозрил бы родства. Абсолютно противоположные по внешности девицы.) Зинка учится на бухгалтера. Она уже замужем и на этом основании позволяет себе приглядывать за старшей и учить её жизни. Но вообще они с Зинкой очень друг дружку любят.

Папа с мамой развелись. Мирно и интеллигентно. Может, потому, что ни она, ни он в новые браки не вступили. Теперь дочки кочуют от мамы к папе. А если надоедает, отправляются ночевать к бабушке.

«Очень удобная ситуация», – подумалось Сергею. И сразу же стало стыдно.

Сразу после школы Ленка пережила свой первый роман. Он был намного старше (говоря это, девушка бросила косой взгляд на Маркова). Весь год она не ходила, а летала. Такого взрослого счастья не знала никогда. Мама, естественно, была в курсе всего. («Ну да, естественно», – прокомментировал мужчина. Но вслух предусмотрительно ничего не сказал.) Не одобряла, однако и не стала вмешиваться. Сказала: «Ты уже большая девочка. Смотри сама».

– Какая у вас мама, – уважительно произнёс Сергей.

– Какая?

– Умная и смелая.

– Да, она замечательная. Старая большевичка, участница Гражданской войны, – с гордостью сообщила девушка.

Они подходили уже к Столешникову переулку, оскальзываясь на подтаявшем снегу, и каждый раз Марков подхватывал девчонку под острый локоток, когда генерал заметил, что его спутница дрожит от промозглой сырости и холода.

– Да вы вконец окоченели, – забеспокоился он, – не ровён час, простудитесь.

Ленка виновато улыбнулась побелевшими губами.

– Для начала пойдём греться, – Марков решительно подхватил девушку под руку и увлёк в кафе «Шоколадница». У стойки гардероба он помог снять пальто. Под ним оказалось облегающее серое платье до середины голени с высокой, под грудь, талией. Фигурка у девчонки была удивительная. Всё соразмерно, всё привлекает и радует взор. Во всяком случае, взор Сергея.

Только уселись за столик у большого окна, украшенного тюлевой занавеской, собранной в причудливые волны, подошла женщина средних лет в белом переднике – официантка.

– Двести граммов коньяка. У вас «Арарат»? Отлично. Даме ... – Генерал повернулся к Лене: – Вы голодны? – Девушка кивнула. – Что есть самого вкусного и в то же время не портящего фигуру?

Подавальщица неодобрительно поджала губы, но ответила вежливо:

– Могу порекомендовать блинчики с творогом под шоколадным соусом. За фигуру можно не беспокоиться. В возрасте вашей дамы о фигуре вообще ещё можно не беспокоиться.

Ленка прыснула и совершенно по-детски попросила:

– А можно две порции блинчиков? Обожаю шоколад и всё шоколадное!

– Два чая, – продолжал Сергей, – коробку шоколадных конфет. Самую большую, какая найдётся. А из мясного вы ничего не готовите?

– Есть шашлык на ребрах.

– Отлично, несите по две порции каждому!

Видно, студентка крепко проголодалась. Марков смотрел, как она, ухватив косточку тонкими пальцами, обгладывала с неё прожаренное мясо. Генерал с трудом прожёвывал шатающимися зубами жилистую плоть пожилого барана.

«Надо немедленно идти к зубному, а то не командующий, а цинготник какой-то», – подумал Марков, а вслух сказал:

– На Кавказе за такой шашлык повара выпороли бы шампурами, – и взялся за графин с тёмно-коричневой жидкостью. – Ноги промочили?

Ленка на секунду задумалась, потом, видимо, решив отвечать честно, кивнула.

– У меня шерстяные носки. А шерсть греет даже мокрая.

– У вас начнётся насморк, и вечер будет испорчен, – возразил Сергей, наливая в фужер коньяк. – Вы как спиртное держите? Не буяните по пьяному делу?

– Ну, думаю, после пятидесяти граммов на прохожих бросаться не начну.

Марков ожидал испуганных отнекиваний, заявлений, что она – девушка – сроду в рот не брала алкогольных напитков и не собирается начинать, тем более когда поит практически незнакомый... Студентка взяла в обе ладони фужер, погрела благородный напиток, поднесла сосуд к лицу, вдохнула запах.

– За знакомство? – спросил Сергей.

Ленка кивнула, глянула на генерала.

– Это ведь, чтобы не заболеть, правда?

– Не прими, Господи, за пьянку, прими за лечение, – серьёзно произнёс Марков, и оба расхохотались. Не такой уж остроумной была фраза. Просто им было хорошо.

Потом Ленка пыталась справиться с двойной порцией блинчиков.

– Чудовищно вкусно, – бормотала она. – Умру, но доем.

К счастью, не умерла. Но и не доела.

Когда уже выходили из кафе – Марков галантно подал даме пальто и получил острейшее удовольствие от прикосновения к худеньким плечикам, – Сергея окликнула официантка:

– Товарищ генерал, вы сдачу забыли... – Марков махнул рукой. Женщина чуть заметно покачала головой.

– А почему она назвала вас генералом? – поинтересовалась слегка осовевшая от сытости и непривычного алкоголя, но всё равно любопытная Ленка.

– Наверное, она тоже плохо разбирается в знаках различия.

Девушка с сомнением покачала головой.

– Наверное, вы и вправду генерал. Ну и что? А о какой «интересной вещи» вы говорили? Думаю, уже можно сказать? Мы же подружились?

Как это было сказано! Марков чуть не прослезился, ей-богу, от наплыва чувств, несгибаемый рубака Гражданской войны!

– Видите ли, Леночка... Меня сегодня пригласили на официальный приём для работников культуры и искусства. Билет на две персоны. А я в Москве один как перст, ни родных, ни друзей...

– Ни жены? – уточнила Елена, вдруг посерьёзнев.

– Вот как-то не получилось. С шестнадцати лет воюю, служу, а с женой – никак!

– С шестнадцати? А вам тогда сколько?

– Тридцать восемь, – не стал скрывать Марков, хотя помнил, что у Ильфа и Петрова это называлось – «мужчина в последнем приступе молодости». – Там, мне сказали, все знаменитости будут, в том числе «сама Любовь Петровна», – процитировал он вождя.

– Какая Любовь Петровна? – наклонив голову, уточнила Лена.

– Ну Орлова же...

– Та самая? – выдохнула девушка.

Марков кивнул.

– А вы другую знаете?

– Нет, правда? И вы меня приглашаете. Ой, а можно?..

В смысле – «а можно я соглашусь?».

Сергей засмеялся. Ему было весело. Просто от того, что рядом стоит эта птичка, наивно восторгаясь вдруг открывшейся возможностью вблизи увидеть почтальоншу Стрелку. И не совсем веря в это. Как мало надо ребёнку для счастья.

Дальше стала возникать одна проблема за другой. Согласиться девушка согласилась. А дальше? Гулять по мокрому снегу ещё четыре часа в её пальтишке и тонких ботиночках было решительно невозможно. Девчонка в результате таких променадов заболит наверняка. Расставаться с ней даже ненадолго Маркову не хотелось, кроме того, он представлял себе уровень кремлёвских приёмов и принятый там стиль.

Решив быть прямым и откровенным – а других шансов у него и не было, – Марков предложил ей прямо сейчас поехать в Главный военторг и приодеться соответствующе. Снизу доверху. И что-нибудь для нынешней слякоти на ноги, и в чём на паркет бального зала ступить можно.

– И, как вы думаете, Лена, там все «звёзды» в столь скромных платьях появляются. Я слышал, там панбархат в моде, и всё такое...

Лена задумалась, ковыряя носком талый снег.

– Это вы что же, меня на содержание берёте? – не то с долей издёвки, не то просто рассуждая, спросила она.

– Книжек много прочитали? – в той же тональности ответил Марков. – Так не стоит сразу о Бальзаке думать. Вариант «Золушка» вспомните. Я вас до сего мига не знал, не видел. Шёл по своим делам. И вдруг вы – довольно нахально мне поперёк дороги возникли. Я вас, можно сказать, пожалел, обогрел... Сейчас предложил культурно вечер провести. Вы, похоже, согласились. Я – старый солдат, знаю, в какой форме одежды окопы копать, в какой на парад выходить. Предложил вам привести себя в соответствие. Вы, прошу прощения за научное слово, реагируете неадекватно.

Марков понимал, что говорит резковато и не совсем принятые в её круге общения вещи. Но как иначе? Или пусть сразу принимает текущую реальность, или действительно... Связался чёрт с младенцем.

До девушки, похоже, начало доходить, что не очередной парень с соседнего потока к ней цепляется. И уж больно много звёзд на малиновых петлицах у её нового знакомого. Не зря каждый второй мужчина, проходящий мимо, на них оглядывается. И, судя по взглядам, не просто так...

– И всё равно, – почти наперекор себе ответила девушка. – Если я приму от вас дорогой подарок, я вроде стану чем-то обязана. А я не хочу!

– Да не хочешь, и не надо, девочка, – с грустной усмешкой ответил Марков, чувствуя, что сейчас всё может и закончиться. Отчего и перешёл на «ты». А что – семнадцать лет разницы в возрасте. – За все обязательства можешь расплатиться одной улыбкой. Если б ты знала, какая замечательная у тебя улыбка. А Орлова – да и бог с нею. Твой парень, может, сейчас вешаться собрался, после того, как ты со мной ушла...

– Ага, он повесится, – машинально ответила она и вдруг переключилась, задумалась совсем на другой волне и в другой тональности...

Лена растерянно моргнула. Похоже, ни от кого она ещё не слышала ничего подобного. В смысле – ни один взрослый мужчина так жёстко с ней не разговаривал. И выбирать нужно мгновенно. Ведь разойдись они сейчас – ничего подобного в жизни больше не случится. И тем не менее...

* * *

В итоге остановились на следующем плане действий: сначала они вместе покупают соответствующую случаю обувь.

– Хрустальные туфельки для Золушки, – не удержалась от колкости Ленка.

Потом Марков отвозит девушку домой.

– К папе, к маме или к бабушке? – уточнил Сергей.

– На этот раз к маме. Мой светский гардероб там.

Около семи вечера Сергей Петрович заедет за дамой, и они отправятся на бал.

Поймать такси оказалось более чем просто. Стоило генералу подойти к краю тротуара и поднять руку, тут же остановилась бежевая «эмка» с полосой шашечек на борту.

– Куда едем? – поинтересовался молодой водитель в кожаной лётной куртке.

– На Авиамоторную, – ответила Лена.

– Далеко, – присвистнул шофер. – Край Москвы.

– Ничего, работа у тебя такая. – Сергей распахнул перед студенткой дверцу. – Езжай, да поаккуратнее.

К вечеру ударил морозец. Из низких туч посыпалась мелкая ледяная крупа. Злой ветерок швырял её в лицо. Ощущение было такое, словно по глазам и по щекам лупят тысячами иголок.

Машина подошла к подъезду дома на Якиманке ровно в девятнадцать. Марков уселся на заднее сиденье. Когда «ЗиС» тронулся, генерал приказал:

– Сначала на Авиамоторную, это в Лефортово, – увидел задумчивость на лице сержанта и добавил: – Я покажу. – Действительно, откуда бойцу, если не коренной москвич, так уж хорошо знать окраины столицы. Старожилы, и те вне Садового кольца не ориентируются.

Лена ждала у подъезда нового, недавно выстроенного по плану реконструкции шестиэтажного дома. И вся улица была из таких же. В конце квартала виднелись строения промзоны, а дальше тянулась пресловутая «Владимирка» – скорбный путь каторжан, недавно переименованная в «Шоссе Энтузиастов». Она была одета в то же чёрное пальто-шинель. «Чёрт знает что, – подумал генерал. – Завтра же надо купить что-то нормальное, по погоде. Заболит девка».

Точно так же он решил бы одеть собственную дочку. Он сам не мог понять, влюбляется он в эту прелестную птичку или заговорил родительский инстинкт, которого до сих пор не было «по определению».

Когда машина остановилась и Марков открыл дверцу, девушка подбежала, улыбнулась неуверенно. Похоже, она до сего момента не верила, что странный генерал сдержит слово.

– Снова здравствуй, – сказал Марков. – Здравствуй, Радость.

С того момента он будет называть её только так – Радость.

– Далеко вас загнали. Небось, целый час до центра добираться?

– Бывает и дольше. Трамвай до Курского редко ходит. Но скоро, говорят, Кольцевую линию метро построят, тогда заживём... Зато квартира здесь хорошая, раньше мы в коммуналке на восемь семей жили возле Савёловского вокзала...

«ЗиС», в котором Лена ехала первый раз в жизни, промчался по нижнему полукружью Садового кольца, свернул на Арбат, оттуда, прибавив газу – на Можайское шоссе и понёсся по присыпанному снежком асфальту.

– Ой, а куда это мы? – забеспокоилась Ленка.

– Не тревожься, здесь недалеко, – ответил Марков. У него был переданный с сотрудником НКВД план маршрута и два пропуска: один на лобовое стекло, с ним можно было ехать и на красные светофоры, и под любые знаки и второй – для предъявления непосредственно на объекте.

– Как с матушкой разобрались? Не сильно возражала? – спросил Сергей.

– Ой, они с Зинаидой мне такой перекрёстный допрос устроили! – девушка засмеялась. – С кем, куда, кто будет? Когда я сказала об Орловой, вердикт вынесли хором: не просто дура, а дура редкостная. Думаю, выглядывали из окна и записали номер машины.

Минут через двадцать автомобиль подъехал к дощатому забору метров в пять высотой. Из караульной будки появились боец в полушубке и валенках, с автоматом ППД и лейтенант Госбезопасности в шинели и хромовых сапогах, в фуражке вместо шапки, с расстёгнутой кобурой. Автоматчик (на полушубке знаков различия нет) остался у ворот, лейтенант не спеша подошёл, козырнул генералу, но без особого пиетета.

– Ваши документы, пожалуйста. – Марков, приопустив стекло, протянул пропуск и новенькое удостоверение. Лейтенант снова козырнул. – У девушки документы имеются?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.